

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ПЕРЕХОДА РОССИИ НА ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ.....	5
1. С. ГУБАНОВ "ПРИРОДА КРИЗИСА: ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПОДХОД"	5
2. К. А. ХУБИЕВ. УРОКИ КРИЗИСА И ИМПЕРАТИВЫ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ.....	17
3. А.В.ТОДОСИЙЧУК. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА СТРАНЫ НА ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ.....	29
РЕФОРМИРУЕМАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ОЖИДАНИЯ	35
4. МАКАРОВ А.Н. ВЕКТОР РЕФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПАРАЗИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ДОХОДОВ ИЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ?	35
5. В.Н.КОСТОРНИЧЕНКО, РАЗВИТИЕ КОНЦЕССИОННОГО ДЕЛА В РОССИИ КАК ИСТОЧНИК ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКУ	42
РЕФОРМИРУЕМАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	45
6. НИЖЕГОРОДЦЕВ Р.М. КВАЗИМОНОПОЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ФИРМ НА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКАХ: ПРОБЛЕМА РАВНОВЕСИЯ И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА	45
7. МОКИЧЕВ С. В. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ	49
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ	55
8. БЛЭР РУБЛ, ЭЛИСОН ГАРЛАНД, МЭГАН МАССУМИ (пер. с англ.: ГАТАУЛЛИНА Э.М., НАЗМИЕВ Э.Ф.) ГЛОБАЛЬНАЯ УРБАНИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМА ГОРОДСКОЙ НИЩЕТЫ.....	55
9. НАЗМИЕВ Э.Ф. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГОРОДАХ КАК ОСНОВА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.....	58
10. ЖУНУСОВ Б.А., ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ КАЗАХСТАНА	62

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ПЕРЕХОДА РОССИИ НА ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

С. Губанов

КРИЗИСНАЯ ДИНАМИКА: ПАРАМЕТРЫ И ПРИЧИНЫ Природа кризиса: воспроизводственный подход

Зафиксированные статистикой параметры кризисной динамики отечественного хозяйства в 2009 г. особой неожиданности не составляют, поскольку вполне закономерны. Они обусловлены воздействием определенной причинно-следственной зависимости. Будучи воспроизводственным по природе, механизм капиталистического кризиса остается в сущности неизменным, а потому все время действует однотипно, по тем же самым экономическим законам, по которым разворачивался еще исторически первый кризис капитализма (1825 г.).

С той поры прибавилось одно обстоятельство: цивилизация раскололась на высший и низший капитализм, соответственно – на империализм и колониализм. В силу данного раскола кризисные последствия и проявления зависят от того, на какой стадии развития капитализма находится общество. Выработанные наукой базисные критерии обобщены в рамках классического учения об империализме. Со времени создания этого учения при исследовании влияния кризиса на хозяйство конкретной страны нельзя не принимать в расчет, какой именно она является: империалистической или колониальной. Дело в том, что империалистические и колониальные, или страны высшего и низшего капитализма, по-разному входят в кризис и по-разному выходят из него.

Не все признают учение об империализме, но многие разделяют классические выводы, хотя бы и в иных терминах. К примеру, своя дихотомия принята в кейнсианстве: все страны подразделяются в нем на индустриальные и сырьевые. В социологии аналогичное в сущности деление противопоставляет развитое ядро и отсталую периферию. Возможны и другие терминологические перемены классического учения. Однако от перемены названия предмет не меняется: действительно, геополитическое ядро является ныне империалистическим, государственно-корпоративным и неоиндустриальным, тогда как периферия – неоколониальной, доминирующей и слабо индустриальной или даже вовсе до индустриальной. Выступая в форме государственно-корпоративного, высший капитализм объективно властвует над низшим в планетарном масштабе, подобно тому как в отдельных секторах и отраслях производства капитал с более высоким техническим строением подчиняет себе капитал с низшим. Отсюда и вытекает то статистически запечатлеваемое различие в проявлениях, какое один и тот же кризис порождает для разных

стран.

Кризис и «империализм доллара». Наблюдаемые на протяжении 2009 г. особенности кризисной динамики предопределены главным образом тем принципиальным обстоятельством, что в мировой кризис, подстегнутый «империализмом доллара», Россия вступила с деиндустриализацией, в качестве сырьевой страны. Вытекающие отсюда макроэкономические последствия хорошо известны. Они давно описаны не только в классической политэкономии, но и в кейнсианстве.

Сошлемся в подтверждение на логику развертывания кризиса в трактовке Э. Хансена: «... Импульсы к сжатию распространяются из передовых индустриальных стран и возвращаются к ним, чтобы усилить то падение, которое дало начало процессу. Падение дохода и занятости в крупных индустриальных странах означает крушение рынков экспорта для стран, производящих сырье. Денежная стоимость их экспорта уменьшается, что вызывает серьезное сокращение их национальных доходов. А это, в свою очередь, вынуждает их резко сократить свой импорт из передовых индустриальных стран. Так в конечном итоге влияния депрессии передаются обратно тем странам, от которых исходит циклическое движение. Воздействие, которое та или иная страна оказывает на процветание в других странах, зависит от ее доли в мировой торговле и от степени колебания ее импорта. И в том, и в другом отношении Соединенные Штаты занимают совершенно исключительное положение, и поэтому нарушения в их экономике очень сильно сказываются на других странах»¹.

Минуло свыше полувека, как написаны цитированные строки. Сфера «империализма доллара», или «совершенно исключительного положения», значительно расширилась с тех пор, распространившись на территорию бывшего Советского Союза. Предельно обострились глобальные дисбалансы, порождаемые американским империализмом. Так, доля США в мировом ВВП сократилась с 1990 г. более чем на треть, до 18,6%, в мировом экспорте – до 10%, между тем как удельный вес доллара в международных резервах и расчетах хотя и понизился, но все еще непомерен и составляет 63–64%. В настоящее время доллар остается резервной валютой мира благодаря не столько созидательной,

¹ Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. М.: Изд-во иностранной литературы. 1959. С. 407.

сколько разрушительной мощи США, прежде всего – милитаристской.

Опясав всю планету военными базами, США установили в интересах своей мировой гегемонии глобальную систему эксплуатации остального мира, справедливо названную французскими исследователями «империализмом доллара». С ее помощью обеспечивается обмен реальных ресурсов на бестоварные долларовые долги, регулярно обесцениваемые биржевыми кризисами. Формально эквивалентный в монетарном выражении, такой обмен неэквивалентен в ресурсном. Сказанное, думается, целесообразно разъяснить подробнее.

формулу: товар – доллар – долларовые долги США (*Т-Д-Д*). В соответствии с ней США приобретают полноценные ресурсы, расплачиваются за них своей внутренней валютой – долларами, затем отоваривают доллары акциями и облигациями, т.е. фиктивным капиталом, а не товарной массой. Покупая товары остального мира, США продают ему свои долги, номинированные к тому же в долларах. Товарная эквивалентность здесь исчезла. Нет уже обмена товара на товар, ресурса на ресурс. Происходит обмен товарного на бестоварное, ресурсного на безресурсное, реального на фиктивное. Короче, «империализм доллара» позволяет США наращи-

Таблица 1

Динамика совокупного производства (добывающего и обрабатывающего)

	2007 г.	2008 г.	I кв. 2009 г.	II кв. 2009 г.
Япония	2,79	-3,20	-32,90	-26,89
Финляндия	4,37	-0,74	-21,24	-22,96
Венгрия	7,89	-0,06	-21,85	-22,08
Германия	6,89	0,22	-21,79	-21,32
Люксембург	-0,27	-5,48	-23,51	-20,69
Швеция	3,92	-2,92	-16,35	-19,28
Испания	2,08	-7,26	-20,62	-18,65
Чехия	10,65	-1,82	-18,08	-18,23
Еврозона	3,71	-1,72	-17,66	-18,20
Дания	-0,94	-0,47	-12,73	-17,81
G7	2,32	-2,42	-18,15	-17,48
Бельгия	2,60	-0,53	-15,71	-16,51
ОЭСР в целом	3,02	-1,79	-16,61	-15,63
Турция	6,93	-0,87	-20,97	-15,40
Франция	1,20	-2,28	-15,85	-15,00
Австрия	5,65	1,00	-12,27	-14,79
Канада	-0,34	-5,26	-11,34	-14,62
Швейцария	9,68	1,27	-7,84	-13,96
США	1,50	-2,25	-11,55	-12,97
Нидерланды	2,23	1,48	-9,48	-12,39
Бразилия	6,02	3,10	-13,70	-12,35
Великобритания	0,38	-2,99	-12,46	-11,71
Новая Зеландия	2,17	-1,09	-11,22	-10,93
Греция	1,98	-1,71	-6,08	-10,88
Мексика	2,46	-0,65	-9,92	-10,05
Португалия	-0,04	-4,04	-12,02	-8,91
Корея...	6,92	3,06	-15,91	-6,41
Польша	9,31	2,69	-11,59	-6,38
Норвегия	-1,18	0,48	0,21	-6,29
Австралия	3,20	2,82	-3,41	-3,88
Ирландия	7,24	-1,04	-3,08	-0,85
Индия	9,92	4,42	0,46	3,82

Источник: достаточно изученной в научной политэкономии ОЕСД.

Как известно, формула эквивалентного товарообмена предполагает завершение опосредованного деньгами обмена товара на товар: товар – деньги – товар (*Т-Д-Т*). Фигура реального товарно-денежного обмена становится полной только при получении товара за товар. Вопреки ей «империализм доллара» навязывает другую, монетаристскую

вать эмиссию фиктивного капитала вместо производства и экспорта товаров. Соединенные Штаты экспортируют не столько товары, сколько долларо-вые долги, заставляя остальной мир импортировать инфляцию доллара. Тем самым США присваивают себе богатство, а вокруг себя сеют инфляцию, нищету и отсталость.

Действовать подобным образом не в состоянии никакая другая страна мира. К примеру, Россия не имеет возможности жить за счет монетного двора и печатного станка, скажем – покупать на рубли машины и станки в Германии, инструмент в Швейцарии, нефть в Аравии, бокситы в Австралии и т.д. Чтобы закупить и ввезти иностранные товары, наша страна должна продать и вывезти за рубеж свои. Приобретение ресурсов в обмен на напечатанные рубли и рублевые долги для нее абсолютно нереально. Бестоварный обмен исключен для всех остальных стран, кроме единственной – Соединенных Штатов. В мировом хозяйстве есть «империализм доллара», но нет и быть не может «империализма рубля». В том, между прочим, состоит немалая часть верного ответа на вопрос, почему Россия не Америка. Если учесть еще различие в стадиях развития капитализма, уровне неоиндустриализации производительных сил, а также в характере экономических систем обеих стран, то ответ станет исчерпывающим.

Общеизвестно, что США давно уже живут не по средствам. Но с особенным размахом «империализм доллара» стал хозяйничать в мировой экономике после разрушения СССР. Начиная с 1990 г. американский внешнеторговый баланс сводится с хроническим товарным дефицитом: США ввозят и потребляют больше товаров, чем вывозят. Дисбаланс ежегодно доходит до громадных размеров – 6–7% американского ВВП. Остальной мир остается переполненным американскими долгами в виде так называемых ценных бумаг и монетарных активов, обращающихся на валютно-фондовой бирже. Из года в год происходит нарастание спекулятивного «вала», который вызывает периодические биржевые крахи. При каждом таком крахе долговые бумаги США, а вместе с ними и внешние долги, многократно теряют в своей «ценности». В итоге США остаются с товарами, за которые больше никому ничего не должны.

Цикл за циклом «империализм доллара» превращает внешне возмездный товарно-денежный обмен в безвозмездный. Оконченный кризисом 2007–2008 гг. цикл длился с 2001 по 2002 гг. Совокупный товарный дисбаланс, накопленный США в 2003–2008 гг., превысил 4,5 трлн долларов. Взамен остальной мир приобрел на сопоставимую сумму американские долговые бумаги, акции и облигации, обеспечив приток в США денежного капитала. Возвратным потоком фиктивные денежные средства триллионами хлынули в американские банки, инвестиционные фонды и агентства. Ставки потребительских кредитов упали.

Чтобы извлечь прибыль на фиктивный капитал, банкиры и биржевики спровоцировали массовое рефинансирование задолженности по прежним

кредитам. Наибольший удельный вес занимала в них ипотека. И потому владельцев жилья стали манить выгодами рефинансирования, основанного на растущей стоимости жилья. Возник искусственно подогретый ажиотаж, пошла в гору спекулятивная пирамида, рынок закладных забурлил. Начал формироваться ипотечный «пузырь», захвативший валютно-фондовые биржи всего мира. Строительство жилья стало вестись не столько ради жильцов, сколько ради биржевых сделок и фиктивного капитала. Биржевой механизм, предназначенный якобы для перелива капиталов в сферы производства с более высокой добавленной стоимостью, на деле стал насосом по перекачке производительного капитала в спекулятивный.

Более того, промышленный капитал был напрямую вовлечен в спекулятивный кругооборот – впервые после Великой депрессии. В ее времена администрация Ф. Рузвельта ввела, на основе закона Гласса-Стиголла, специализацию банков и особый механизм регулирования их операций, с тем чтобы исключить участие в спекулятивном биржевом обороте производительного капитала, временно пребывающего в обращении и денежной форме. В силу принятой системы регулирования банки подразделялись на депозитные и инвестиционные, и последние не имели права приобретать какие-либо ценные бумаги за счет ресурсов промышленного капитала.

С изменениями и дополнениями такая система функционировала до 1999 г. Благодаря тому послевоенные биржевые крахи били преимущественно по фиктивному капиталу и мало затрагивали производительный. К примеру, при кризисе 2001–2002 гг. банкротство потерпели посреднические структуры типа *Enron*, но крупные неоиндустриальные корпорации вроде *General Motors* или *General Electric* потери реального капитала не испытали.

С 2000 г. положение изменилось, причем кардинально. Нынешний кризис не случайно учинил в развитых странах невиданный после Великой депрессии промышленный спад, на уровне 15–17% в среднем по ОЭСР (табл. 1).

В чем тут причина, почему в столь сильной степени задет действующий капитал индустрии? Официальные коммюнике саммитов «семерки», «восьмерки» и «двадцатки» пестрят ссылками на некое дерегулирование в банковско-финансовой сфере, но без всякой конкретики. И не менее абстрактно призывают к организации регулирования на национальном и интернациональном уровнях. Между тем истинная причина предельно ясна, на нее с первых дней кризиса прямо указали ученые, аналитики и эксперты.

Причина состоит в том, что в 1999 г. ключевые для системы регулирования и десятилетиями про-

веренные положения закона Гласса-Стиголла были попросту отменены. В последующие несколько лет регулирование сменилось дерегулированием, анархо-либерализмом. Вопреки отрегулированной в былом специализации банки США получили возможность спекулятивного использования денежных средств промышленных корпораций для покупки биржевых и прочих ценных бумаг. Банковские и биржевые воротилы вернули себе право извлекать краткосрочную прибыль любыми способами, в том числе под залог производительного капитала. США реанимировали те самые порядки хищнической биржевой наживы, которые и привели к Великой депрессии.

Для банков и корпораций исчезла всякая грань между производительным и фиктивным капиталом. Производительный капитал вновь, как в 1920-е гг., стал заложником спекулятивного. Полноводной рекой потекли на биржу депозиты и временно свободные остатки на счетах промышленных корпораций. Поскольку современные валютно-фондовые биржи связаны планетарной сетью неоиндустриальной и технотронной инфраструктуры, во всем мире фиктивный капитал стал усиленно спекулировать за счет промышленного, держа его в качестве залоговой стоимости. Разнородные в сущности капиталы оказались в связке, словно вода в торричеллиевых сосудах. Вот почему крушение мирового фиктивного капитала потянуло вниз производительный, занятый в индустрии развитых стран. Разрушительный эффект дерегулирования, не успев-

Итак, ответ на важный вопрос о том, почему кризис 2007–2009 гг. с необычайной силой ударил по промышленности развитых стран, известен. Причиной послужил демонтаж системы банковского регулирования, спроектированного на основе принятого во времена Великой депрессии закона Гласса-Стиголла.

Устроенная США всемирная ипотечная лихорадка завершилась августовским, 2007 г., крахом. Стоимость жилья и закладных рухнула, потянув вниз всю цепь нанизанных на них производных биржевых бумаг. Уцелевший фиктивный капитал судорожно ринулся на рынок нефти, но годом позже обрушился и тот. В результате биржевого краха американские акции и облигации, приобретенные иностранными держателями за счет долларовых резервов и фондов, резко обесценились.

Суммарные потери иностранных инвесторов США превысили 3 трлн долл., что равнозначно 67% первоначальной стоимости. Благодаря столь масштабному обнулению «ценности» бремя внешней задолженности США, номинированной в их внутренней валюте, стало на 3 трлн долл. легче, а соразмерный объем ввезенных ресурсов вновь остался им фактически даром.

«Империализм доллара» не впервые проворачивает подобный нынешнему цикл обмена реальных ресурсов на фиктивные долларовые активы, обнуляемые с помощью валютно-фондовой биржи. Предыдущий, тоже отнюдь не первый, завершился в 2001–2002 гг., выкачав из остального мира ресур-

Таблица 2

Кризисные показатели экономики России, январь–сентябрь 2009 г.

(в % к соответствующему периоду предыдущего года)

	2008 г.,	2009 г.,
	январь-сентябрь	январь-сентябрь
ВВП	7,3	-10,0
Потребительские цены	10,6	8,1
Промышленность	5,4	-13,5
Обрабатывающие производства	7,7	-19,1
Продукция сельского хозяйства	9,6	-0,8
Инвестиции в основной капитал	16,5	-18,9
Строительство	17	-18,4
Ввод в действие жилых домов	3,8	-0,6
Реальные располагаемые денежные доходы населения	6,8	-1,1
Реальная заработная плата	12,7	-3,5
Оборот розничной торговли	15,6	-5,3
Объем платных услуг населению	5,9	-4
Экспорт товаров, млрд долл.	373,6	206,3
Импорт товаров, млрд долл.	218,6	131,5
Средняя цена за нефть Urals, долл./баррель	108	56,7

* Агрегированный индекс производства по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

ший сказаться в 2001–2002 гг., всюю проявился в следующем цикле, при нынешнем кризисе.

сы в объеме 2 трлн долл., а затем обесценив оформленный взамен долларовой долг США на 1,5

трлн долл., т.е. на 75% номинальной стоимости. Не ограничивается процесс и нынешним кризисом. С середины 2009 г. начался заход на очередной цикл сбора империалистической ренты: Вашингтон опять триллионами штампует нефтедоллары, их инфляция стала расти, цены на нефтегазовые ресурсы поползли вверх. Вновь распухают долларовые резервы и фонды, расширяется приток денежного капитала в американские ценные бумаги – облигации казначейства и акции корпораций, формируется новый спекулятивный «заряд» фиктивного капитала, чтобы громко взорваться через 5–6 лет и опять оставить экспортеров сырья и ресурсов с обесцененными на 75% долларовыми активами.

В последние два десятилетия «империализм доллара» ежегодно выжимает из остального мира неокOLONиальную дань, эквивалентную 6–7% американского ВВП. Свою часть дани выплачивает ему и пореформенная Россия, тоже втянутая в обмен ресурсов на фиктивный валютно-монетарный капитал, в импорт долларовой инфляции. Какой же силой втянута наша страна в работу на доллар? – таков вопрос, который имеет для нас первостепенное значение.

Противоположность кризисных проявлений России и развитых стран. На деле в канун нынешнего кризиса в мировом хозяйстве раздувались два спекулятивных «пузыря»: вначале *ипотечный*, затем *нефтяной*.

Когда в августе 2007 г. взорвался *ипотечный* «пузырь», он лишь косвенно, по касательной затронул российский экономику. Фактически тогда прозвучал заблаговременный предупредительный сигнал. Но, к сожалению, вовремя его так и не расслышали. Вместо срочного формирования механизма антикризисного регулирования внутреннего совокупного спроса возобладали мнение в пользу ничегонеделания: нашей стране, дескать, ничего не грозит, она остается «островком стабильности» и т.д. Тем временем кризис уже стучался в дверь. Прямым ударом по экономике России, системно сориентированной на сырьевой экспорт, стал взрыв *нефтяного* «пузыря» в августе–сентябре 2008 г. Скоротечное падение цен нефтегазового экспорта привело к резкому сокращению валютно-сырьевой ренты и ВВП.

Теперешний кризис, как видим, разворачивается в точном соответствии со схемой, описанной Э. Хансеном: импульсы сжатия действительно идут от передовых стран к России, а не наоборот. Анализ статистических данных за январь–сентябрь 2009 г. обнаруживает непосредственное воздействие упомянутого сжатия на кризисную динамику, наблюдаемую сейчас в отечественном хозяйстве (табл. 2).

Растянувшись на 2000–2008 гг. периоду сырь-

евого роста положило конец изменение конъюнктуры на внешнем рынке сырья, обусловленное в свой черед относительным сокращением эмиссии нефтедоллара. В годовом исчислении средняя цена за бочку экспортированной нефти понизилась в январе–сентябре 2009 г. почти вдвое – на 47,5%. Со-размерно тому стоимостной объем экспорта сократился на 40%. Его падение увлекло за собой остальные макроэкономические параметры. Согласно предварительным оценкам министерств и ведомств экономического блока, ВВП уменьшился на 10,0%, обрабатывающая промышленность – на 19,1, инвестиции в основной капитал – на 18,9, строительство – на 18,4, реальная заработная плата – на 3,5%. Несомненно, последующие коррекции приблизят официальную статистику кризиса к более точным значениям. Но возможность первичного уточнения имеется уже сейчас.

По нашим расчетам, за январь–сентябрь 2009 г. дефлятор ВВП составил 12,2%. Выполненный в соответствии с ним пересчет официальных данных дает следующие итоги: сокращение доходов бюджета в реальном выражении достигло 40,6%, капиталовложений – 27,4, покупательной способности населения – 7,4, реальной заработной платы – 11,1, оборота розничной торговли – 15,3%. Очевидно, истинные издержки и потери, вызванные кризисом, гораздо тяжелее и масштабнее, чем то выглядит по предварительным оценкам.

Основная тяжесть удара пришлось на государственный бюджет России, который тоже критически зависит от экспортно-сырьевой ренты. Поскольку совокупный внутренний спрос поддерживается в основном государством, а не частным капиталом, сокращение бюджетных доходов повлекло за собой снижение капиталовложений и промышленных заказов, падение спроса на продукцию обрабатывающей индустрии. Хотя в исчислении по дефлятору ВВП инфляция несколько ниже, чем в 2008 г., она все равно остается двузначной. Несмотря на ряд градуированных снижений, близка к двузначной также процентная ставка Центрального банка. Ее высота (9,5%) указывает на то, что и в кризисных условиях доходность валютно-фондовых спекуляций гораздо выше, чем рентабельность производительного капитала.

Уже самих по себе данных об инфляции и процентной ставке достаточно, чтобы заключить: кризис протекает в России иначе, чем в развитых странах. Инфляция и процентная ставка там на порядок ниже. Кардинально отличаются вместе с тем содержание и эффективность антикризисной политики. Слабой системе государственного регулирования России не удалось сделать того, чего достигли регулируемые государственно-корпоративные системы развитых стран. Отметим лишь наиболее

принципиальные моменты.

Во-первых, механизм экономического принуждения к сокращению издержек, т.е. классический механизм цены производства: он действует в развитых странах и не действует в России. Это особый и самый мощный механизм кардинального обновления производительного капитала. Он запускается в полную силу только в период кризиса и депрессии. Именно он приводит к переходу экономики из фазы депрессии в фазу оживления и последующего подъема. Если же он бездействует, спад завершается депрессией. Ключевым условием его действия является низкая процентная ставка. Тогда цена производства максимально сближается с величиной издержек. И для того чтобы продолжить извлечение прибавочной стоимости и прибыли, мало сократить занятых наемных рабочих – надо таким образом обновлять действующий производительный капитал, чтобы повышалось его техническое строение и росла производительность труда.

Приведем для иллюстрации формализацию антикризисной функции цены производства. Формула цены производства такова: $P = k + K \times r$, где P – цена производства, k – издержки, K – величина авансированного капитала, r – общехозяйственная, или средняя, норма прибыли. Когда последняя стремится к нулю ($r \rightarrow 0$), цена производства приближается к издержкам ($P \rightarrow k$). В таком случае, прежде всего, предельно падает рентабельность кругооборота фиктивного капитала: если $r \rightarrow 0$, то и $K \times r \rightarrow 0$. Следовательно, пока капитал остается бестоварным, фиктивным и монетарным, в фазе кризиса он теряет возможность приносить прибыль и прирастать в стоимости. Чтобы появилась прибыль, де-

нежный капитал должен превратиться в производительный, воплощенный в средствах производства и рабочей силе, в готовых товарах. Причем, что важно, новый производительный капитал должен обладать техническим строением, более высоким по сравнению со средним, ибо *уровень издержек функционально зависит от величины органического строения капитала в производстве*.

Итак, в фазе кризиса механизм цены производства первым делом отсекает спекулятивные сферы приложения капитала и оставляет производительные. Вопреки мифам «неоклассики», вовсе не биржа, а цена производства с ее перепадом в пользу реальной рентабельности форсирует перелив денежного капитала из финансовой сферы в промышленное производство. Вследствие этого и зарождается волна новаторства, верно подмеченная Й. Шумпетером. Наряду с тем механизмом цены производства включает в действие еще один могучий фактор развития, ибо пресекает извлечение прибыли путем увеличения цен. Дутая, инфляционная прибыль сходит на нет. Главным источником прибыли становятся рост производительности, расширение товарного выпуска, экономия труда и, соответственно, издержек.

Добиваться понижения издержек можно двояким образом: избавлением от части наемных рабочих либо увеличением нового постоянного капитала. Если капиталисты прибегают к локауту и ограничиваются им, их капиталы не обновляются и рано или поздно проигрывают в борьбе с капиталами более высокого состава. Экономия издержек на рабочую силу увеличивает эксплуатацию труда, но не обеспечивает ни конкурентоспособности, ни заме-

Таблица 3

Использование национализации в условиях кризиса 2007–2008 гг. (в % ВВП)

	Объем антикризисного пакета	Объем национализации (прямой и косвенной)		Объем антикризисного пакета	Объем национализации (прямой и косвенной)
Великобритания	47,5	17,3	Италия	3,8	1,3
Норвегия	13,8	13,8	Венгрия	6,2	1,1
США	73,7	10	Швейцария	12,1	1,1
Япония	12,9	9,1	Австралия	0,7	0,7
Канада	22	8,8	Россия	7,1	0,5
Швеция	70	7,4	Польша	3,6	0,4
Нидерланды	39,8	6,2	Турция	0,2	0
Греция	11,6	5,4	Италия	3,8	1,3
Австрия	35,3	5,3	Венгрия	6,2	1,1
Ирландия	263	5,3	Швейцария	12,1	1,1
Бельгия	30,9	4,7	Австралия	0,7	0,7
Испания	22,8	4,6	Россия	7,1	0,5
Германия	21,7	4,1	Польша	3,6	0,4
Южная Корея	14,3	3,7	Турция	0,2	0
Франция	19	2,5	Италия	3,8	1,3
Португалия	14,4	2,4	Венгрия	6,2	1,1

Рассчитано по: The Financial Crisis: Reform And Exit Strategies. OECD. 2009. P. 75-76.

щения трудоемкого капиталоемким.

С помощью локаутов и безработицы кризис устраним. Из кризиса капиталистическое воспроизводство выходит только одним путем: вводом в работу нового постоянного капитала, с более высоким техническим строением против прежнего. Тогда тоже происходят увольнения, но они становятся результатом замещения трудоемкого капиталоемким, роста производительности труда. Степень интеграции и концентрации производительного капитала повышается, он добивается растущей экономии суммарных издержек, а за счет нее – и прибыли. Короче, лишь такой капитал обеспечивает возрастание своей стоимости.

В отличие от локаутов, обновление производи-

рует там уже на полную мощь. Там уже развернулось качественное обновление производительного капитала, неэффективные производства сворачиваются, а капиталы с низким строением будут поглощены новыми капиталами с высоким. Степень концентрации и вертикальной интеграции экономики возрастет еще больше. Сменившее депрессию оживление перерастет в подъем, а значит, цикл пойдет по нарастающей, вплоть до следующего кризиса.

В нашей стране, к сожалению, дело обстоит иначе. Механизм цены производства не выполняет сейчас какой-либо антикризисной функции, ибо сырьевой и спекулятивный капитал поддерживают высокую норму прибыли валютно-фондовых бир-

Таблица 4

Динамика ВВП и курса национальной валюты относительно доллара, январь–июнь 2009 г. (%)

	ВВП	Девальвация или ревальвация (-) относительно доллара
Россия	-9,35	33,39
Польша	0,83	8,15
Япония	-2,71	5,82
Исландия	-7,89	1,97
Венгрия	-4,63	1,46
Турция	-1,04	-0,12
Китай	7,1	-0,14
Мексика	-6,89	-0,63
Индия	1,37	-1,77
Чехия	-4,71	-2,64
Швеция	-0,79	-3,09
Еврозона	-2,67	-4,19
Дания	-3,84	-4,24
Швейцария	-1,13	-5,79
Корея	2,76	-8,22
Норвегия	-2,07	-8,90
Канада	-2,41	-8,96
Индонезия	-	-9,20
Великобритания	-3,08	-9,23
Новая Зеландия	0,97	-12,82
Австралия	1,01	-16,55
Бразилия	-0,83	-18,25
Южная Африка	-2,42	-19,33

тельного капитала отличается фундаментальным и долгосрочным характером. Подталкиваемое механизмом цены производства, оно начинается в фазе депрессии и подготавливает фазу оживления, т.е. подлинное развитие производительных сил.

Так называемая тайна преодоления циклических кризисов капитализма на основе самого капитализма объясняется механизмом цены производства, который при низкой общей норме прибыли, что случается как раз в период кризиса, начинает функционировать как антикризисный. Минимальные уровни процентных ставок в развитых странах свидетельствуют о том, что этот механизм функциони-

рует там уже на полную мощь. Там уже развернулось качественное обновление производительного капитала, неэффективные производства сворачиваются, а капиталы с низким строением будут поглощены новыми капиталами с высоким. Степень концентрации и вертикальной интеграции экономики возрастет еще больше. Сменившее депрессию оживление перерастет в подъем, а значит, цикл пойдет по нарастающей, вплоть до следующего кризиса.

В-вторых, национализация: к ней прибегли все без исключения ведущие страны. С ее помощью продолжилось их эволюционное продвижение на исторически высшую стадию развития капитализма – госкапитализм, с опорой на высококонцентрированный и вертикально интегрированный производительный капитал. В России такой опоры сейчас

нет, ибо не сформирован сектор межотраслевых, вертикально интегрированных корпораций, объединяющих добычу и переработку сырья в единых технологических цепочках производства готовой продукции конечного спроса с высокой добавленной стоимостью. И на данном направлении наша страна критически отстает, будучи одной из последних по национализации (табл. 3).

По национализации Россия опередила только две страны – Польшу и Турцию, все остальные страны-члены ОЭСР опередили Россию. Примечательно третье место, занятое США. Если идущие впереди Великобритания и Норвегия давно уже, с приливами и отливами, движутся в русле госкапитализма, то для США такая тенденция не традиционна. Перед нами весьма симптоматичный факт. Нынешний кризис приближает неоиндустриальные страны к подлинному госкапитализму, основанному на деперсонифицированной национализированной собственности, неоиндустриальном и вертикально интегрированном способе производства.

туют кардинально новое отношение к национализации, несмотря и вопреки громогласной либерально-капиталистической риторике. В России же господствует сырьевой капитал, маломощный и бессильный перед иностранным и спекулятивным. В результате наша страна стоит сейчас вне генеральной тенденции госкапитализма, далеко от передовых стадий развития современного капитализма, чуждая вертикально интегрированной концентрации в экономике.

В-третьих, кейнсианский инвестиционный мультипликатор: благодаря антикризисной функции цены производства, ведущие державы сумели создать его и включить в работу, подготовив фазу оживления на базе промышленного капитала с более высоким техническим строением. В отличие от них Россия не смогла организовать его действия, поскольку до сих пор не превратила промышленный капитал в опору своей экономической системы.

Так, фаза оживления в США пройдена за два

Таблица 5

**Показатели экспорта в январе–августе 2009 г.
в сравнении с январем–августом 2008 г.**

(по данным таможенной статистики, включая данные Белоруссии)

	Январь–август 2008 г.		Январь–август 2009 г.		Темпы роста, в %		
	млн долл.	% к итогу	млн долл.	% к итогу	стоимости	физического объема	цены
Экспорт, всего	327179	100,0	177753	100,0	54,3	-	-
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	4923	1,5	6311	3,6	128,2	-	-
пшеница и меслин	1107	0,3	1617	0,9	146,1	243,5	60,0
Топливо-энергетические товары	228830	69,9	117721	66,2	51,4	-	-
нефть сырая	119897	36,6	59361	33,4	49,5	100,5	49,2
Нефтепродукты	56045	17,1	27609	15,5	49,3	104,7	47,0
газ природный	45887	14,0	24299	13,7	53,0	69,1	76,6
Продукция химической промышленности, каучук	19555	6,0	11325	6,4	57,9	-	-
удобрения	6873	2,1	3691	2,1	53,7	82,6	65,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	8103	2,5	5363	3,0	66,2	-	-
лесоматериалы необработанные	2489	0,8	1238	0,7	49,7	56,2	88,4
лесоматериалы обработанные	1968	0,6	1664	0,9	84,6	97,3	86,9
Металлы и изделия из них	39351	12,0	20717	11,7	52,6	-	-
черные металлы	22180	6,8	9704	5,5	43,7	79,4	55,1
медь рафинированная	867	0,3	1300	0,7	150,0	270,2	55,5
никель необработанный	3863	1,2	1957	1,1	50,7	93,1	54,5
алюминий необработанный	5095	1,6	3363	1,9	66,0	99,9	66,0
Машины, оборудование и транспортные средства	14727	4,5	9767	5,5	66,3	-	-
летательные аппараты	1715	0,5	1781	1,0	103,9	-	-
автомобили легковые	690	0,2	161	0,1	23,3	28,9	80,7
автомобили грузовые	583	0,2	211	0,1	36,2	31,8	113,9
Другие товары	11690	3,6	6549	3,6	56,0	...	...

Очевидно, что тенденция госкапитализма является всемирно-исторической. Избежать ее не дано ни одной стране мира, включая США. Вертикальная интеграция и концентрация корпоративного капитала США настолько высоки, что буквально дик-

квартала 2009 г. – второй и третий. В третьем квартале производительность труда корпоративного сектора в расчете на 1 отработанный час возросла на 9,5% (рост выпуска составил 4%, сокращение

числа отработанных часов – 5%)¹. Здесь отчетливо видна ключевая закономерность посткризисного цикла: ввод капитала с более высоким техническим строением – замещение трудоемкого капиталоемким – увеличение производительности и экономии труда – понижение издержек – рост рентабельности. Практика всецело подтверждает закон развития, согласно которому экономия на издержках должна быть результатом повышения производительности труда и ввода нового промышленного капитала. Тогда только, в фазе оживления, проявляется мультипликативный эффект капиталовложений (чего не оговорил, к сожалению, Дж.М. Кейнс).

В-четвертых, девальвация относительно доллара: для развитых стран она стала редким исключением, а не правилом. Напротив, для пореформенной России она действует как непреложное правило (табл. 4).

Оставляя в стороне Японию, пошедшие на девальвацию страны, а в их числе Россия, Польша, Исландия и Венгрия, не относятся к неоиндустриальным и передовым. Но даже среди них Россия выделяется чрезмерным уровнем девальвации – 33,4%. Если другие страны провели по сути техническую девальвацию, как Япония и Польша, в стремлении хоть сколько-нибудь поддержать промышленный экспорт, либо незначительную, как Исландия и Венгрия, то Россия получила системную девальвацию. Группа стран, где прошла ревальвация относительно доллара, гораздо многочисленнее. В составе данной группы значатся ведущие неоиндустриальные державы мира, а также страны, интенсивно занятые сейчас неоиндустриализацией своего национального хозяйства: Китай, Индия, Бразилия и т.д. В условиях кризиса их валютные курсы четко выявляют инфляцию доллара, его обесценение.

Сопоставление обнаруживает бесспорную валютно-монетарную асимметрию: в период кризиса покупательная способность доллара в России росла, притом значительно, и одновременно сокращалась в странах, вступивших или активно вступающих в эпоху неоиндустриализации. Чем объяснима такая разительная противоположность? Почему по отношению к доллару Россия оказалась не заодно с большинством развитых стран? По какой причине валютно-монетарный блок российской антикризисной политики отличен от своих аналогов в странах ЕС?

Никакой загадки здесь нет. Причина объясняется просто: сырьевым характером нашей пореформенной экономики. Падение долларовых цен на про-

дукцию сырьевого экспорта – нефть, газ, удобрения, древесину, черные и цветные металлы, зерновые и т.д. – означает увеличение покупательной способности доллара. Индекс цен российского экспорта снизился в январе–августе 2009 г. на 45,7%, причем доля сырья и полуфабрикатов в его структуре составила 93% (табл. 5).

Индекс же цен российского импорта из развитых стран хотя и незначительно, всего на 0,3%, но подрос.

Таким образом, снизились долларové цены сырьевого, а не индустриально-технологического экспорта. Соответственно, для сырьевой страны, в какую превратилась пореформенная Россия, покупательная способность доллара увеличилась, тогда как для неоиндустриальных стран – снизилась. Поэтому у нас состоялась девальвация, а у них ревальвация. Что проявилось у них как кризис доллара, то стало в нашей стране кризисом рубля.

Отмеченная асимметрия имеет не только валютно-монетарное измерение. Она довольно тесно связана с эффективностью антикризисных мер. Как показывают расчеты, *в группе стран, где национальная валюта была девальвирована относительно доллара, скорость и глубина падения экономики оказались в 3,5 раза больше, чем в группе стран с ревальвацией внутренней валюты.*

Вместе с тем развитые страны применяют для своей валютно-монетарной политики целевые ориентиры, не лимитированные сиюминутной ценовой конкурентоспособностью экспорта. В период кризиса куда более значимы фундаментальные цели, связанные с долгосрочной, неоиндустриальной конкурентоспособностью производительного капитала, повышением его технического состава. Поэтому ревальвация национальной валюты становится для стран с преобладанием промышленного экспорта дополнительным, наряду с механизмом цены производства, побудителем к сокращению издержек на основе неоиндустриальной модернизации производительных сил.

В России же девальвация рубля служит фактором интенсификации сырьевого экспорта, вынуждает сырьевых экспортеров ставить внешний рынок выше внутреннего, противопоставит настоятельно необходимой смычке отечественной добывающей и обрабатывающей промышленности, усугубляет деиндустриализацию. *Из-за господства сырьевого капитала пореформенная Россия работает ради чужого развития, пренебрегая собственным.* Дорогое внутри и дешевое за рубежом, российское сырье помогает зарубежным ТНК снижать издержки, поддерживать спрос на товары, обновлять постоянный капитал.

На чем держится экспортно-сырьевая модель? Кратко охарактеризованные особенности

¹ Guha C. US companies see productivity spurt / The Financial Times, November 5th, 2009.

российской кризисной динамики обусловлены сырьевым перекосом, а значит – деиндустриализацией народного хозяйства. Одно прочно связано с другим. Сейчас больше разговоров о сырьевой ориентации и необходимости ее преодоления. Состояние же деиндустриализации упоминается куда реже, хотя именно оно выступает непосредственной причиной сырьевой деформации. Пока не преодолена деиндустриализация, до тех пор непреодолимой будет и экспортно-сырьевая модель.

Чтобы сделать основой развития производство средств производства и обрабатывающую индустрию, надо покончить с деиндустриализацией, развернуть крупномасштабную неоиндустриализацию России.

Состояние деиндустриализации возникло не само по себе. Оно имеет свои причины. Основные из них – системные: компрадорский характер экономической системы и господство в ней частнокапиталистической собственности в форме персонализированной и олигархической. Чуждая внутреннему развитию система и есть та сила, которая заставляет Россию работать на доллар.

Бытует взгляд, будто кризис нагрянул к нам извне и сорвал набранный ход развития, тогда как российская экономическая система прогрессивна и способствует развитию. Правилен ли подобный взгляд? Скажем прямо, он ошибочен.

Как известно, нынешняя экономическая система России настроена на долларовую цену за баррель нефти, а не производительность общественного труда. Остальные макроэкономические параметры, включая объемы экспорта, импорта, ВВП и пропорции его распределения, являются производными. Внутренний рынок поставлен тем самым в системную зависимость от внешнего, в конечном счете – от нефтедоллара. Покупательная способность нефтедоллара, равно как его девальвация или ревальвация, определяется масштабом эмиссии и подконтрольна только США. Когда нефтедоллар обесценивается, цена за баррель нефти растет, и наоборот. Увеличение цен нефтегазового экспорта приводит к росту ВВП, снижение – к спаду, как и произошло со второй половины 2008 г.

Экономическая система, зависящая от иностранного капитала и доллара, объективно функционирует как компрадорская. Все наше народное хозяйство она подчиняет снабжению зарубежных транснациональных корпораций сырьем и ресурсами. Господствующим она сделала сырьевой капитал, а не промышленный. Базируясь на частнокапиталистической собственности, персонализированной и олигархической, она разрушает смычку добывающей и обрабатывающей промышленности, равно как смычку города и деревни.

В результате деградируют и обрабатывающая

промышленность, и сельское хозяйство. Народное хозяйство впадает в состояние деиндустриализации, утрачивая производство передовых средств производства. Валютно-монетарная зависимость превращается в индустриально-технологическую. Частичная поначалу и относительная несамостоятельность перерастает в полную и абсолютную. На практике компрадорская система подспудно отбрасывает страну к положению, когда экономика становится неокOLONиальной, а политический режим – марионеточным.

В мировой кризис Россию ввергла экспортно-сырьевая модель роста, а она представляет собой не что иное, как оборотную сторону компрадорской экономической системы. В КНР и экономическая система, и покупательная способность юаня суверенны и ничуть не зависят от доллара. Развитие КНР происходит на основе самостоятельных циклов воспроизводства производительного капитала, вне зависимости от внешних. Основой роста китайской экономики служит производство средств производства, причем страна развернула широкую неоиндустриализацию. Промышленный капитал господствует там безраздельно. Его господство надежно, планомерно-системным образом ограждено от набегов фиктивного капитала, чего не сумели обеспечить другие развитые страны. Вот почему КНР, с ее колоссальным индустриальным экспортом, оказалась вне кризиса долларизации и продолжила движение по восходящей. Избавив свою экономическую систему от компрадорского характера, против кризиса устояла также Индия, которая уверенно наращивает внутреннее производство средств производства, высоких технологий и наукоемкой продукции.

Будучи компрадорской, пореформенная экономическая система ставит интересы иностранного капитала выше интересов России. Такая система может генерировать разве лишь сырьевой рост ВВП в долларовом выражении, причем в той только мере, в какой это позволяет страна-эмитент нефтедоллара. Ни Россия, ни какая-либо иная держава не имеет влияния на США. Напротив, это «империализм доллара» властвует над остальным миром, не исключая и большинство развитых стран. Относительной системной независимости от доллара добились Индия и Китай, благодаря чему сумели защитить от кризиса свое народное хозяйство, сохранить рост внутреннего спроса, промышленного производства и ВВП. Индия и КНР оказались среди тех весьма немногочисленных держав, которые избежали экономического спада.

Системный вопрос. Как доказывает опыт СССР в 1920–1930-е гг., Индии и Китая в наше время, *внешний кризис был бы не опасен для России, не будь в ней внутреннего системного кризиса.*

В свою очередь, системный кризис существует из-за господства сырьевого капитала и компрадорской экономической системы, а сама она основана на олигархической форме частнокапиталистической собственности. Бесполезно связывать с пореформенной экономической системой перспективу какой-либо модернизации. Ни инновационной, ни высокотехнологической, ни неоиндустриальной модернизации она не обеспечит. Напротив, она только продлевает состояние деиндустриализации и отсталости, потому что адекватна низшему капитализму, а не высшему, государственно-корпоративному.

Системный вопрос принципиален. Он болезнен и отличается социальной остротой, поскольку стоит в неразрывной связи с вопросом о собственности. Не всем в обществе легко признать тот факт, что трансформационный процесс 1990-х гг. оказался исторически реакционным и навязал неверное решение вопроса о собственности. Но жизнь все более властно требует признания истины и приведения общественных представлений в соответствие с генеральными тенденциями современности, в первую очередь – *неоиндустриальными*.

Сейчас правильно и часто говорится о необходимости устранения экспортно-сырьевой модели. Но важно сделать еще один шаг вперед и осознать, что сырьевой перекокс народного хозяйства России преодолим только путем замены компрадорской экономической системы принципиально новой для нашей страны – *государственно-корпоративной и планово-регулируемой*.

Россия иначе, чем развитые страны, по-особому вступила в кризисную полосу и по-своему проходит ее. Наблюдаемая на протяжении 2009 г. кризисная динамика, сравнительно гораздо более глубокая и длительная, оказалась в разладе с известными официальными прогнозами и заложенными в их основу представлениями о том, на каком этапе развития находится наша страна и каковы приоритетные задачи по ее модернизации.

Очевидно, необходимо переосмысление всей пореформенной действительности. И начать следует с поистине фундаментальной модернизации основополагающих воззрений на то, что на самом деле происходит со страной и почему, какой она вошла в мировой кризис и какой выходит из него. Не зчем и напрасно держаться за иллюзии и мифы, тиражируемые в *период роста без развития*, т.е. в 2000–2008 гг.

Практика сполна продемонстрировала, к примеру, бессосновательность суждений о «восстановительном росте»: под видом «восстановительного» происходил рост, в значительной мере раздуваемый инфляцией нефтедолларов. Да и как возможно подлинное восстановление отечественной экономики

без преодоления деиндустриализации, без полноценной работы обрабатывающей промышленности? Опрокинуто и мнение о фундаментальной устойчивости российской экономики, переведенной якобы с внешних на внутренние источники роста: как выяснилось, вместо внутренних до сих пор господствуют внешние факторы – не фундаментальные, а конъюнктурные. Беспочвенным оказалось также утверждение, будто валютный стабилизационный фонд способен служить «подушкой безопасности»: когда понадобилось, он не стал антикризисным и не помог ни поддержанию совокупного внутреннего спроса, ни включению инвестиционного мультипликатора, ни использованию механизма цены производства в качестве орудия экономического принуждения к снижению издержек. Называя вещи своими именами, *он выполняет функцию стабилизационного фонда доллара, а не рубля*.

Для выработки политики неоиндустриального подъема России важно учитывать два крупных фактора, соответственно внутренний и внешний: трансформационный по происхождению системный кризис России и глобальный «империализм доллара», старательно затушевываемый более благозвучным и менее определенным термином «глобализация».

Системный кризис России обусловлен трансформацией по модели низшего, домонополистического капитализма времен «свободной конкуренции». Исторически отсталая и реакционная, такая модель потребовала раздробления централизованных производительных сил и кооперированных форм организации крупного производства, короче – перехода от национализированного хозяйства к денационализированному. Проведенная в форме приватизации принудительная денационализация завершилась установлением господства частнокапиталистической, а по сути – компрадорской собственности, органически сращенной с иностранным капиталом.

Результатом столь раздробительной трансформации собственности явилась дезинтеграция системы общественного воспроизводства, распад его на отдельные звенья, лишенные внутрисистемной связи друг с другом. Вслед за тем стали нарастать деструктивные диспропорции между: добывающим и обрабатывающим секторами, промышленностью и сельским хозяйством, накоплением и потреблением, материальными и денежными потоками, внутренней и внешней покупательной способностью рубля, реальным и номинальным ВВП и т.д.

Разорванными оказались фундаментальные связи воспроизводства, начиная со связи сырьевого и промышленного капитала. Частная собственность организационно и экономически отделила добывающую промышленность от обрабатывающей, разо-

мкнула воспроизводственные циклы, отдала добычу сырья во власть компрадорского капитала. Прекратили свое существование ранее целостные цепочки добавленной стоимости, способные превращать сырье и материалы в наукоемкую и конкурентоспособную продукцию конечного спроса. Сфера общественного воспроизводства сузилась до производства сырья, полуфабрикатов и продукции низших технологических переделов.

Выключенная компрадорской собственностью из процесса общественного воспроизводства, обрабатывающая промышленность пришла в упадок. Начиная с 1990 г. совокупная производительная сила отечественной индустрии деградировала как количественно, сократившись на 35%, так и качественно, став в 2,5 раза менее эффективной. Страна осталась без высокотехнологичного производства средств производства, впала в состояние деиндустриализации.

Именно деиндустриализация стала прямым и самым тревожным проявлением пореформенного системного кризиса. В силу господства компрадорской формы частнокапиталистической собственности денационализированная экономическая система также приобрела характер компрадорской, критически зависимой от иностранного капитала, притом фиктивного и спекулятивного.

Надо смотреть в корень: экспортно-сырьевая деформация отечественной экономики возникла и воспроизводится не просто так. Сама собой она не исчезнет. Основанная на частной и дезинтегрированной собственности, компрадорская система не позволяет установить смычку добывающей и обрабатывающей индустрии. В свою очередь, без их смычки народное хозяйство не в состоянии генерировать инновационную и неоиндустриальную ренту: ему приходится ограничиваться максимизацией только валютно-сырьевой, в сущности настолько же инфляционной, насколько инфляционны нефтедоллары.

Стало быть, внутрисистемный кризис устраним только путем преодоления компрадорской экономической системы, а следовательно – устранения господства частнокапиталистической, дезинтегрированной формы собственности. Россия может и должна уйти от сырьевой модели, но для этого нужна вертикально интегрированная экономическая система, с базисом в виде государственно-корпоративной формы собственности.

В период роста без развития факт органической взаимосвязи внутреннего системного кризиса, деиндустриализации и экспортно-сырьевой модели тонул в море всякого рода мифов, иллюзий и проектерских деклараций. Сырьевой рост, конъюнктурный и во многом инфляционный, необоснованно отождествлялся с восстановлением и развитием.

Вопреки истинной природе такого роста выдвигались установки на увеличение его темпов. Неотложная задача замены компрадорской системы *вертикально интегрированной, или государственно-корпоративной*, должного отражения в концепциях и стратегиях социально-экономического развития страны не находила. Поэтому Россия осталась с компрадорской системой и экспортно-сырьевой моделью, вступив в очередной кризис глобальной долларизации в качестве слаборазвитой страны, специализированной на сырьевом экспорте и поддержке покупательной способности доллара за счет своего национального богатства.

Итак, без решения системного вопроса пореформенная Россия останется такой, какой была – сырьевым придатком развитых стран, с деиндустриализацией и внутренним системным кризисом. Необходимо заменить компрадорскую систему подлинно суверенной и прогрессивной, основанной на деперсонифицированной, государственно-корпоративной форме собственности, а потому плано-регулируемой и способной обеспечить крупномасштабную неоиндустриализацию нашей страны.

Альтернативы вертикальной интеграции и неоиндустриализации России не существует. Системная зависимость от доллара полностью исчерпала себя. Девальвация рубля подстегивает сырьевой экспорт и деиндустриализацию. Однако сырьевого роста больше не будет, ибо кризис дал толчок дедолларизации мира, постепенному освобождению от «империализма доллара». Фактор импортозамещения отпал из-за парада девальвации в СНГ. Сама жизнь требует сейчас: хватит работать на обогащение иностранного капитала.

Свое развитие Россия должна перевести на новую промышленную базу. Обязательные условия для этого: осуществление национализации стратегических высот экономики, неоиндустриализации и вертикальной интеграции; организационно-экономическое соединение добывающей и обрабатывающей индустрии; создание государственно-корпоративного сектора как ядра и движущей силы развития всего народного хозяйства нашей страны; формирование неоиндустриального производства средств производства, начиная с микропроцессоров и технотронных двигателей; введение стимулов для работников интеллектуального труда; общегосударственный план неоиндустриализации.

Кайсын Азретович Хубиев
д-р экон.наук, профессор экономического факультета
МГУ им М.В.Ломоносова

УРОКИ КРИЗИСА И ИМПЕРАТИВЫ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ

Глобальные проблемы кризиса

Глобальный характер нынешнего экономическо-го кризиса актуализировал глобальные вопросы о целях, средствах и перспективах общественного развития. Усилились сомнения относительно всеобщности и глобальности перспектив рыночно-капиталистической модели, в основе которой лежат ценности методологического индивидуализма и безграничного расширения потребления и увеличения накопленного богатства. Оппонентами целей и средств данной модели оказались: ограниченность ресурсов и провалы самого механизма их интернализации. Остро встал вопрос: что ожидает человечество, а не каждую страну в отдельности, в уже обозримой перспективе при исчерпании невоспроизводимых ресурсов и необратимых экологических изменениях. Либо продолжится борьба за большую долю ресурсного пирога и среды обитания, либо произойдет объединение интересов и усилий по их планомерному использованию в рамках разумных потребительских ограничений и совместной выработке альтернатив по истощающимся ресурсам. Вторая из альтернатив требует парадигмальных изменений, как в общественном развитии, так и в научных исследованиях по разработке и обоснованию новых целей и ценностей глобального экономического развития. Первая, основанная на методологическом индивидуализме, ведет в тупик с драматическими последствиями, которые будут нарастать. По мере исчерпания ресурсов борьба за обладание ими будет вестись с позиции силы на индивидуальном и станом уровне, как это уже было неоднократно в совсем еще недавней истории человечества. Глобальный характер кризиса оказался дополнительным напоминанием о том, что среда обитания человечества едина и связана с ограничениями и опасностями. Подан еще один сигнал человечеству о том, что его деятельность по воспроизводству жизни должна быть единой и согласованной в глобальном масштабе. Но приступить к реализации новых целей и созданию новых механизмов глобального экономического развития мешает господство и инерционность старой парадигмы и основанных на ней экономических ценностей моделей и механизмов. Например, Копенгагенская встреча участников Киотского протокола и 15-я конференция участников Рамочной конвенции ООН по изменению климата (декабрь 2009 г.), завершились без существенных нормативных результатов. Заметим, что на данной конференции об-

суждались не только вопросы климатических изменений. Были поставлены вопросы коренной трансформации экономик стран с целью «обеспечить для нынешних и будущих поколений долгосрочный и устойчивый рост с низким уровнем выбросов»¹ Решение актуальных проблем глобального развития невозможно в рамках старых парадигм, несмотря даже на то, что в рамках Киотского протокола мир осознает свое единство и общность проблем. Опираясь на это единство, надо двигаться дальше, к выработке и реализации новой парадигмы глобального развития.

Нынешний кризис выявил структурную деформацию мировой и национальной экономик. Гипертрофированно развитый финансовый сектор, на порядок опережающий реальный сектор по своей капитализации, явился одной из главных причин кризиса. В противоречивых функциях капитала (созидательная и спекулятивная) – созидательная обеспечивается преимущественно реальным сектором, а спекулятивная – финансовым. Бурное развитие финансового сектора сопровождалось возрастанием спекулятивной нагрузки на экономическую систему. Вторичные и производные активы принято называть фиктивным капиталом. Но он присваивает реальные доходы. Более того, он выработал инструменты гарантированной и высокой доходности. Кризис оказался стихийной реакцией рыночной экономики на наслаивание и «размножение» фиктивных инструментов присвоения общественного богатства, созданного в реальном секторе. Теоретический вывод о необходимости ограничения фиктивного капитала, давно сделанный классической теорией, не доведен до практических действий. В реальной практике наблюдается странная эклектичность: с одной стороны, правительства ведущих стран в приоритетном порядке оказывали помощь финансовому сектору, а лишь потом структурам реального сектора. С другой стороны, на излете рецессионной фазы кризиса с публичной громкостью президент США усиливает фискальную нагрузку на банковскую систему. С точки зрения политической – это эффектная мера, но с научной, а затем и практической точки зрения, это и непоследовательно, и неэффективно. За многочисленными декларациями о необходимости изменения финансовой системы нет научного обоснования характера и масштабов

¹ Экология и жизнь. 2009. № 11–12

необходимых перемен. Для этого необходимо определить границы эффективного влияния финансового сектора на реальный и заблокировать все «игровое», спекулятивно-паразитическое пространство. Если сохранится и усилится доминирование фиктивного капитала, угроза кризисов сохранится, а их последствия не вполне предсказуемы.

Для совершенствования структуры экономической системы необходимо разграничить финансовый и реальный секторы. Здесь возникают практические и теоретические трудности. Статистическая практика многих стран разграничивает финансовый и нефинансовый сектора. При этом разделение ведется по институционально-организационному признаку. Капитал финансовых организаций относится к финансовому сектору, а капитал организаций, производящих реальные блага, относится к нефинансовому сектору. Нам представляется, что более точное разграничение достигается при использовании воспроизводственного подхода, опираясь на кругооборот промышленного капитала. Если стартовому движению денежного капитала противостоят товарный и производительный капитал, то процесс находится в рамках реального сектора, какая бы организационная форма за этим ни стояла. Можно расширить рамки анализа и определить, что на втором шаге денежный капитал превратится в производительный, например, при ипотечном кредите. Если стоимость в денежной форме превращается в товарно-производительную форму, то функционирует в реальном секторе и там должна быть учтена, если даже она институционально принадлежит финансовой организации. Если же движение денег превращается во вторичные активы и там оказываются связанными в бумажно (фондовом) – денежном кругообороте (Д-В-Д), то стоимость пребывает в финансовом секторе, независимо от того, кому она организационно принадлежит. Например, если химический завод приобрел акции или деривативы, то его капитал (в данной части) принадлежит финансовому сектору, хотя сам он организационно относится к реальному. Таким образом, не ведомственная принадлежность, а кругооборот капитала служит основой разграничения двух секторов. Данный подход поможет лучше понять структуру экономики и принимать решения по ее оптимизации с точки зрения соотношения секторов.

Кризис вновь выявил деформированную структуру производства и распределения дохода. Резко сократившиеся во время кризиса продажи товаров и услуг свидетельствуют не о том, что в них престали нуждаться, а о том, что производительной силе общества не соответствует его потребительная сила. Сумма стоимости товаров и услуг, сконцентрированных на стороне предложения, превышает

стоимость, сконцентрированную в виде доходов на стороне спроса. Для ликвидации данного разрыва используются финансовые инструменты в виде разных форм кредита. Но источником погашения кредита также являются доходы, деформированно распределенные. С макроэкономической точки зрения, образуется пирамида, которая рушится во время кризиса, и происходит восстановление равновесия (разрешение противоречия) между производством и потреблением. Названное противоречие обостряется и тем, что во время кризиса из процесса создания благ выключается часть производительной силы общества в виде безработицы и простаивающей части производительного капитала. Отсюда можно сделать вывод, что для устойчивого и равновесного развития экономики производительная сила общества должна развиваться симметрично его потребительной силе.

Императивом посткризисного развития является изменение отраслевой структуры. Каковы тенденции в этом направлении? Часто упоминаются новейшие технологии (био-, нано- и т.д.). Но эти технологии и образованные на их основе отрасли не создадут техническую основу завершения данного цикла, а в лучшем случае составят технологический уклад в обозримом будущем. На постсоветском пространстве еще предстоит довершить индустриализацию и завершить освоение информационных технологий и лишь в более поздней перспективе можно рассчитывать на распространение новейших технологий. В рамках данного цикла основу инновационного обновления основного капитала составят: производство альтернативных видов энергии, энергосберегающие технологии и производство благ, направленных на развитие человека, его физических и креативных способностей. Отраслевой сердцевиной данного направления являются здравоохранение и образование. В этой связи, реформа образования, в особенности университетского, должна быть направлена на подготовку выпускников, инновационно мыслящих и действующих. Достичь данный результат можно единством фундаментальной подготовки и использования информационных технологий. Определяющими компетенциями при этом должны быть: аналитическая, научно-исследовательская, инновационная и антикризисная.

Какая проблема является центральной для постсоветских государств, на какой основной вызов современности они должны ответить? Это – с каким технологическим багажом им удастся выйти из кризиса. Либо мы вновь пройдем путь восстановительного роста на старой, уже изрядно обветшавшей технической основе, либо подчинимся закономерному процессу массового обновления основного капитала. Естественным для циклического развития

в рыночной экономике является второй путь. Но мы уже проскочили мимо данного процесса в 90-е годы прошлого столетия и нет убедительных признаков того, что это не повторится. Разобраться в причинах выпадения наших стран из этой закономерности необходимо для того, чтобы приложить целенаправленные усилия для преодоления негативной тенденции. Историческая уникальность ситуации состоит в том, что нынешний экономический цикл наложился на большой трансформационный цикл (БТЦ), который длится уже два десятилетия. Разрушительные факторы БТЦ были столь сильными, что они не позволяют проявиться созидательным тенденциям нынешнего экономического цикла. Поэтому выход из кризиса для наших стран с обновленным и инновационно насыщенным капиталом значительно труднее, чем для тех стран, которые не проходили через потрясения радикальных трансформаций, включая экономику Китая. Данная проблема является ключевой и заслуживает основательной разработки с целью выработки логически последовательных шагов для выхода из кризиса с багажом инновационно обновленного капитала.

Особенности большого трансформационного цикла

Протекание макроэкономических процессов в Российской Федерации и постсоветском пространстве в течение последних двух десятилетий уникально в историческом плане. В современной экономической науке нет разработанных моделей и теорий, с помощью которых можно адекватно описать нынешнее состояние российской экономики и выявить её тенденции.

Образовавшийся пробел в экономической теории в определенной мере можно преодолеть, используя воспроизводственный подход, разработанный в рамках классической экономической теории. В соответствии с этим подходом экономика России за последние два десятилетия проходит особый экономический цикл с некоторыми историческими аномалиями.

Во-первых, это исторический беспрецедентный цикл по своей продолжительности. Он охватывает почти два десятилетия и не укладывается в рамки закономерностей обычных циклов. В этой связи возникает вопрос о специфических причинах данного цикла. К его рассмотрению мы будем еще возвращаться. Но уже здесь необходимо отметить, что природа и основные причины данного цикла имеют не только и не столько экономическое содержание. Политические цели и установки зарубежных и отечественных политических сил, заинтересованных в разрушении государства, являются главным фактором длительного разрушительного цикла. В конце 80-х годов в СССР не было *никаких* ресурсных

ограничений для наступления кризиса: сырьевых, трудовых, технологических и др. Постепенно реформируемая экономика не допускала возможностей разобщения трудовых и технологических ресурсов, а тем более их деградации и разрушения. Демонтаж плановой экономики был необходимым условием расстройтва всей экономической и политической системы, что и было сделано. Другим генеральным направлением разрушения экономической системы в СССР было расчленение общенародной собственности в ее государственной форме. Что также было осуществлено в радикальном исполнении. Но разрушение экономической системы, складывавшейся десятилетиями, не могло оказаться краткосрочным процессом. Оно заняло два десятилетия. Таким образом, **политика оказалась концентрированным угнетением экономики и этим объясняется разрушительность и длительность российского экономического цикла.**

Во-вторых, описываемый российский экономический цикл оказался беспрецедентным по глубине спада. Сокращение ВВП к 1997 году составило около 50%. Такого сокращения основного макроэкономического показателя не было даже в самый тяжелый для страны 1942 год, когда немецкими войсками были захвачены экономически развитые территории на западе и юге страны. Такого глубокого спада не было в США во времена Великой депрессии. Подобный уровень сокращения производства был зафиксирован в полностью оккупированной и основательно разрушенной Германии в 1945 году. Разрушение экономики страны по политическим мотивам и целям оказалось сопоставимым только с военными разрушениями разгромленной и оккупированной страны. Аналоги столь масштабного спада производства в двадцатом веке можно обнаружить по результатам Первой мировой войны. Таким образом, последствия спада производства по политическим причинам (сюда же можно отнести и военные причины) глубже, чем в периоды циклов, возникающих по сугубо экономическим закономерностям.

В-третьих, драматической особенностью описываемого цикла является то, что в нем нарушена одна из важнейших закономерностей, характерных для циклов, имеющих экономическую природу. А именно: на фазе оживления и подъема происходит массовое обновление основного капитала на новой технологической основе. В этом состоит главный позитивный результат цикла. Массовые технологические обновления основного капитала служит главным оправданием трудностей, которые переживают во время кризиса население и предприятия, поскольку массовым обновлением основного капитала создается технологическая основа для более высокой производительности труда, экономическо-

го роста и роста уровня жизни. Российский цикл выпал из этой закономерности. Десятилетний рост производства с 1999 года по 2008 год носил восстановительный характер. Он происходил, в основном, за счет загрузки старых производительных мощностей, высвободившихся во время спада производства. По данным Госкомстата, обновление основного капитала составляет в среднем 3% (2000–2005гг.) в условиях, когда его износ, по самым скромным оценкам, составляет 44,5%.¹ При этом удельный вес полностью выбывших основных фондов в 2006 г. составил 13,3%. Фазы оживления и подъема происходили в основном на базе изношенных основных фондов, созданных в советский период. Социально-экономические жертвы, растянутые на два десятилетия, оказались напрасными. Выходя с самым ущербным результатом из двадцатилетнего цикла, экономика России вползла в новый финансово-экономический кризис. Консервация технологической отсталости обрекает экономику России на неустранимую отсталость, и сырьевая направленность её экономики может оказаться не временным качеством трансформационного периода, а приобретенным свойством с наследственными перспективами. Такая судьба экономики России полностью соответствует меморандуму международных финансовых организаций, предписывавших в начале 90-х годов прошлого столетия уничтожить «не эффективную», с их точки зрения, промышленность России, обремененную военно-промышленным комплексом, а высвободившиеся при этом ресурсы переключить на более «эффективную» западную экономику. Содержание подбанных предписаний соответствовало мнению, которое высказывалось некоторыми высокопоставленными зарубежными политиками (М. Тэтчер) о том, что Россия не заслуживает занимаемых обширных территорий с богатыми запасами сырьевых ресурсов. Если США были заинтересованы в разрушении СССР как великой державы, то страны Западной Европы были заинтересованы в ресурсах, главным образом сырьевых. К этим двум политическим силам прибавилась третья, внутренняя сила. Это социальная прослойка, устремленная к частному захвату государственной собственности и финансовых потоков. Слияние этих трех основных сил с массивной манипуляцией общественным сознанием дало свои разрушительные результаты, а каждая из названных сил ценой этих разрушений удовлетворила свои интересы. В этом состояла суть политического угнетения экономики. Политика выступила (в данном случае) концентрированным угнетением экономики.

В-четвертых, на большой трансформационный

цикл наложились два кризиса, 1998 и 2008 г. Это обстоятельства тоже составляет уникальное экономическое явление. Страны Запада (включая США) фрагментированно пережили кризис 1998 года и вступили в новый кризис после десятилетнего подъема с результатами технологического прогресса. В России оба кризиса (1998, 2008) были «вмонтированы» в один большой трансформационный цикл. Такие ситуации, когда на один большой цикл накладывается два кризиса, наукой не исследованы. Причем, как уже отмечалось, ни сам большой цикл, ни встроенный в него кризис 1998 года не дали импульса к технологическому процессу и массовому обновлению основного капитала. Кризис в 2010 году переходит в фазу стагнации, но тенденция еще неустойчивая. Поэтому трудно определить потенциал технологического обновления российской экономики на фазе оживления и подъема. Для оптимистических ожиданий нет предпосылок. Негативный фон большого трансформационного цикла продолжает довлеть над перспективами технологического развития.

Итак, двадцатилетний период (1990–2010) мы определяем как большой трансформационный цикл (БТЦ). **Трансформационный** потому, что он охватывает период коренных межсистемных преобразований в социально-экономическом и политическом устройстве общества. **Цикл** потому, что в нем содержатся все фазы цикла: спад, депрессия, оживление, подъем.²

Текущий кризис – это часть современного экономического цикла, который вмонтирован в БТЦ и испытывает на себе еще не растраченный разрушительный потенциал БТЦ, который не позволяет перейти на позиции системного обновления основного капитала.

Макроэкономические тенденции, обнаружившиеся при прохождении фаз большого цикла

Либерализация цен в начале января 1992 года дала взрывную инфляцию в 2700 % в год. В 1993 году цены выросли еще на 1900 %. Производство резко сокращалось, опережающими темпами сокращались инвестиции. Социальными последствиями были: рост безработицы, снижение доходов, физическое сокращение населения России. Как общий социальный итог: снижение уровня и ухудшение качества жизни. Исключительно драматический период был пережит в первой половине 90-х годов.

До 1997 года шел непрерывный спад производ-

¹ Российский статистический ежегодник. 2007 г. С. 333, 340.

² Иногда отмеченный двадцатилетний период называется кризисом, что верно отчасти, потому что кризис, по нашему мнению, отражает только часть цикла (спад и депрессию). С 1998 г. наблюдалось оживление, поэтому ограничиться кризисной характеристикой нельзя.

ства, хотя и замедляющимися темпами. Сокращалась инфляция. В 1997 году сформировались ожидания достижения дна экономического цикла в депрессионной фазе и переход к фазе оживления. Для подобных ожиданий были следующие основания. ВВП показал прекращение спада и даже рост в пределах статистической погрешности 0,4 %. Инфляция составила 11% и опустилась до психологического минимума, меньше одного процента в среднегодовом исчислении. Но ожидаемое оживление после длительной рецессии не началось. Мировой финансовый кризис 1998 года прервал процесс стабилизации российской экономики. Кризис был непродолжительным, но сильным. Он вызвал новое сокращение производства в 4,8% и краткосрочное усиление инфляции 84%. По своей природе это был финансовый кризис, и основные последствия для экономики России тоже были финансовые – обвал фондового рынка и девальвация национальной валюты. Кризис не затронул глубоко реальный сектор, и в 1999 году началось оживление и рост относительно высокими темпами. За 10 лет, с 1999 по 2008 г. ВВП вырос в 2 раза и, по оценкам Госкомстата и Минэкономразвития, к 2008 году экономика России восстановила докризисный уровень 1990 года.

Официальные сведения о том, что экономика России удвоила ВВП за последние 10 лет и восстановила докризисный уровень, вызывает большие сомнения. Эти оценки не соответствуют сопоставительным показателям производства в натуральном выражении даже по относительно благополучным отраслям.

Если же от относительно благополучно развивавшихся по конъюнктурным причинам отраслей перейти к анализу технологически сложных производств с высокой добавленной стоимостью, то обнаруживается картина глубокого отставания. Анализ другого крупного блока промышленного производства – транспортных средств и оборудования дает противоречивую картину. Выросло производство легковых автомобилей на 6,7%; автобусов – на 70%; грузовых и пассажирских вагонов соответственно на 34% и 27% (но производство вагонов метрополитена сократилось на 18%). Вместе с тем сократилось производство грузовых автомобилей на 36,8%; прицепов на 91%; мотоциклов и мотороллеров – на 99%. В сельском хозяйстве поголовье крупного рогатого сократилось на 77%.¹

По производству зерна Россия в 2008 году приблизилась к уровню 1990 года. В целом сельскохозяйственное производство еще не восстановило утраченные позиции.

Есть методические трудности сопоставления

взвешенных по физическим объемам и стоимости величин. И тем не менее анализ динамики натуральных величин не оставляет сомнений в том, что уровень производства 1990 года по сопоставляемой товарной структуре еще не восстановлен.

Состав ВВП 1990 года значительно отличался от состава ВВП, по которому оценивались результаты экономического развития за указанный период. В докризисный период в ВВП не учитывался ряд услуг, в особенности финансового характера (например, страховые), хотя в этот период эти услуги тоже оказывались. Сопоставимая статистика докризисного и нынешнего периода отсутствует, а по оценкам ВВП 2008 года в сопоставительной товарной структуре составляет около 80% от докризисного уровня. На основе манипуляций составом ВВП выводятся официальные данные об удвоении ВВП за 10 лет, что означает преодоление 50% спада на рецессионной фазе большого цикла. За указанный период менялась и товарная структура ВВП. Опережающими темпами росли отрасли сырьевого состава, производства алкоголя и т.д. Резко сократилось производство в отраслях с высокой добавленной стоимостью.

Качественная оценка факторов восстановительного роста

Сомнения относительно восстановления докризисного уровня производства не служат поводом для отрицания восстановительного роста, который происходит с 1999 года по 2008 годы. Актуализируется вопрос об оценке, который необходим и полезен для определения перспектив послекризисного экономического развития.

Существенно важно провести качественный анализ фазы оживления и подъема с учетом факторов роста.

1. Это был отложенный и восстановительный рост. *Отложенный* рост потому, что основные индикаторы роста сформировались в 1997 г. Начало роста было «отложено» из-за внешнего фактора – финансового кризиса 1998 года, который возник в Юго-Восточной Азии и по каналам мировой финансовой системы перекинулся на Россию. *Восстановительный* рост потому, что он восстанавливал докризисный уровень на прежней технологической основе. Необходимо отметить, что за два десятилетия не восстановлено то, что разрушено. Эти годы потрачены зря, поскольку восстановление осуществлялось на прежней докризисной технической и ресурсной базе, которая высвободилась в период спада. Как отмечалось выше, фаза подъема не сопровождалась технологическими обновлениями производства. Поэтому отмечается рост ВВП без развития экономики. В макроэкономической оценке за указанный период не происходил рост

¹ Российский статистический ежегодник. 2007 г.

потенциального уровня экономики (потенциальный ВВП). Конечно, эти оценки относятся к экономике в целом, хотя в отдельных отраслях была высокая инвестиционная активность даже в период спада. Например, предприятия алкогольной отрасли активно перевооружали производство зарубежными технологиями. Но, оценивая экономику в целом, нельзя утверждать, что из развалин кризиса экономика России вышла технологически обновленной. Наоборот, она увеличила свое отставание от технологически развитых стран. Уже здесь напрашивается вопрос: удастся экономике России выйти из кризиса 2008 года с технологическим обновлением производства? На этот вопрос мы попытаемся ответить позже. Здесь же необходимо констатировать, что отсутствие технологического фактора роста в послекризисный период требует тщательного анализа иных факторов десятилетнего экономического благополучия, которое вдохновляло идеологов и исполнителей радикальных реформ. По их мнению, двукратным ростом ВВП, доходов населения и другими позитивными результатами страна и население обязаны именно радикальным рыночным реформам.

2. Очевидным фактором роста была конъюнктура роста цен на мировых рынках сырьевых товаров: нефть, газ, металл, лес и др. Этот фактор достаточно широко освещен не только в экономической литературе, но и в средствах массовой информации, поэтому на нем мы подробно останавливаться не будем.

3. Не совсем ожидаемым фактором восстановительного роста оказалась девальвация национальной валюты. В четыре раза в среднем повысились цены на импортные товары и услуги. Спрос переключился на отечественный рынок, и российские производители получили возможность для увеличения предложения своей продукции. Например, до 1998 года, в том числе и в Сочи избранном в качестве столицы предстоящих Олимпийских игр, не были заняты огромные возможности для организации отдыха и лечения. Зато иностранные курорты были заполнены российскими отдыхающими. Но после девальвации рубля уже в 1999 году курорты России оказались переполненными. В Сочи, например, наполненность оказалась более 100%. На полную мощность заработали курорты Кавказских Минеральных Вод. Оживилось отечественное производство продуктов питания. Отечественные производители оперативно внедрили в импортозамещающее производство товаров и услуг. Оперативность оказалась возможной потому, что были использованы ресурсы, высвобожденные рецессией. В этом суть восстановительного роста. Оживление экономики по данному фактору носило ситуационный характер. Конкурентоспособность рос-

сийской экономики не повысилась, производственную базу составляли устаревшие фонды. Поэтому фактор импортозамещения на основе девальвации национальной валюты не мог быть долгосрочным, и он исчерпал себя по мере перестройки цен и их адаптации к мировым ценам на основе нового валютного курса. Помимо краткосрочности, у данного фактора есть еще одна негативная черта. Обратной стороной импортозамещающего роста оказалось снижение реальных доходов населения. Рост производства дался ценой снижения уровня жизни. В силу изложенного данный фактор не может быть отнесен к *качественным* факторам роста. Его суть: краткосрочность, ситуационность, противоречивость.

4. В указанный период образовался еще один фактор. Он касается уровня монетизации экономики. Одной из особенностей рецессионного периода была, как уже отмечалось, высокая инфляция. Борьба с ней велась сжатием денежной массы. В экономике образовался недостаток денежной массы для обслуживания нормального обращения товаров и услуг. Низкий уровень монетизации экономики привел к распространению бартерной торговли (натурального обмена), что также служило тормозящим фактором для всей экономики. Конец 90-х годов обеспечил деньгами каналы денежного обращения. Центральный банк скупал валютную выручку экспортеров через межбанковскую валютную биржу и свои обязательства покрывал выпуском рублевой массы. Повышался уровень монетизации, нормальное товарно-денежное обращение вытесняло бартерные сделки, ускорялись сделки, стимулировались долгосрочные проекты и т.д. Таким образом, повышение уровня монетизации явилось еще одним фактором оживления и роста экономики.

5. В последние годы все чаще стал отмечаться такой фактор, как рост внутреннего спроса в качестве стимула для роста предложения.

Перечисленные факторы в их качественной оценке нельзя отнести к позитивным по следующим основаниям.

Они не являются результатом целенаправленного действия правительства. Отложенный и восстановительный рост не обозначались как специальная правительственная программа. Мировая конъюнктура цен на сырьевые товары и энергоносители формируется стихийно, а не по воле правительств отдельных стран. Девальвация национальной валюты не ставилась как задача в правительственных программах. Повышение монетизации экономики является следствием роста валютной выручки экспортеров. Лишь политику роста доходов как фактора стимулирования предложения в какой-то мере можно отнести к заслугам правительства. Итак, перечисленные факторы оживления нельзя отнести к

заслугам правительства. Они сформировались стихийно, выступили как внешний дар, а правительство скорее паразитировало на этом, не прилагая существенных усилий по выработке и реализации масштабной программы экономического развития. Себе в заслугу правительство относит формирование стабилизационного фонда за счет бюджетного профицита. Эта заслуга особенно сильно пропагандировалась в 2009 году, в год кризиса, с указанием на то, что стабфонд служит запасом прочности экономики России перед вызовами и угрозами мирового финансового кризиса. Немного позже мы дадим оценку данным заслугам правительства.

Рассмотренные факторы явились конъюнктурными, недолгосрочными и противоречивыми. Конъюнктурность объясняется состоянием мировых рынков, которые имеют как повышательные, так и понижательные тенденции в своем циклическом развитии. Конец 80-х годов XX века продемонстрировал понижательные тенденции. Конец первого десятилетия XXI столетия тоже демонстрирует понижательную тенденцию. Зависимыми от конъюнктуры оказались факторы: импортозамещения, монетизации и рост доходов.

Противоречивость перечисленных факторов не стала еще предметом специального исследования среди экономистов, соответственно она не учитывается правительством в выработке и реализации экономической политики. Между тем важность подобного анализа трудно переоценить. Начнем с доходов населения. Они действительно опережали рост ВВП. Рост доходов также опережал рост производительности труда. На самом деле это негативная тенденция роста незаработанных доходов. Их прямым следствием является усиление инфляционных или паразитических тенденций, либо сочетание двух негативных тенденций одновременно. Качественно и инновационно развивающаяся экономика за счет технологического прогресса характеризует опережение производительностью труда роста доходов. Тогда и рост ВВП обеспечивается преобладанием интенсивного фактора. Противоречивым был и фактор импортозамещения, поскольку он, как уже отмечалось, достался ценой высокой инфляции, девальвации национальной валюты и снижения реальных доходов населения. Противоречивым был и исходный фактор, превосходящий остальные факторы по важности – рост цен на экспортные ресурсы. Поскольку экспортные товары были включены в мировые тенденции роста цен на *исходные сырьевые ресурсы*, то несложно было прогнозировать, что по технологическим цепочкам этот процесс приводит к удорожанию конечных товаров и услуг, а это, в свою очередь, приведет к трудностям реализации и в итоге к рецессии. Истоки кризиса нельзя сводить только к трудностям

ипотечного кредитования и иным финансовым причинам. Многолетний рост цен на исходные ресурсы должен был обернуться ростом цен на конечные товары и услуги: продовольствие, недвижимость и др. Взрыв цен на продовольственные товары, беспрецедентный рост цен на недвижимость – это обратный результат устойчивого роста цен на исходные ресурсы и это одна из причин экономического кризиса. Возможно, это более существенная причина, чем кризис ипотечного кредитования и затруднения на финансовых рынках.

Россия относится к числу стран, получивших выгоду от роста цен на ресурсы, и она имела финансовые возможности для противостояния экономическому кризису. При этом следует иметь в виду, что данный кризис не только финансовый, а финансово-экономический, затрагивающий реальный сектор экономики. Противостоять такому кризису можно упреждающим инновационным развитием. Все ресурсы и накопления должны быть направлены на новые технологии: ресурсосберегающие, высокопроизводительные. Накопление профицита бюджета, полученного от конъюнктурных факторов, – это самая пассивная форма использования средств. С одной стороны, накопления складывались в стабилизационный фонд. Для смягчения финансового кризиса стабфонд служит хорошим инструментом. Активами в форме финансов легко поддержать затруднения на финансовом секторе. Но если это кризис не только и не столько финансовый, а финансово-экономический, с рецессией в реальном секторе, то стратегия стабфонда ошибочна. Активной позицией правительства в данном случае было бы использование всех накоплений и даже привлеченных средств на инновационное развитие и технологическое обновление. Именно такую политику проводили другие страны, например, США, где не только накопления, но и бюджетный дефицит использовался для политики, стимулирующей инновационный тип развития. Поэтому Россия и развитые западные страны вступили в кризис с разными технологическими позициями. Соответственно и выйдут они из кризиса в разном состоянии. В этой связи встает судьбоносный вопрос для экономики России, состоящий в следующем: из большого цикла 1990–2009 года и финансового кризиса 1998 года Россия вышла без обновления основного капитала, без инновационной составляющей. Удастся ли ей из кризиса 2009 года выйти с технологически обновленной производственной базой? Без активной позиции правительства, направленной на достижение данной цели, и с надеждой на инновационное могущество стихии рынка достижение подобной цели нереально.

А это самый важный вопрос для экономики России. Более важных вопросов в обозримом будущем

нет. Следует заметить, что в академических и университетских кругах развивались идеи существенной корректировки экономической политики, направленной на активную поддержку реального сектора и технологическое обновление. Предлагалась даже политика инвестиционной экспансии. Лишь после наступления кризиса правительство стало обращать серьезное внимание на поддержку реального сектора, да и то после заботы о поддержке финансового сектора.

Инновационная риторика на фоне кризиса

Схожесть социально-экономических систем на постсоветском пространстве проявляется в почти что синхронной риторике в области экономической политики. Инновационная риторика сменяется модернизационной. Причем Республика Казахстан опережает других, в том числе и Россию.

Незадолго до наступления кризиса на уровне руководства РФ развернулась инновационная риторика, сопровождаемая отдельными мероприятиями по поддержке новых исследовательских направлений и перспективных технологий. Любая активность в данном направлении, поддерживаемая ресурсами и средствами, заслуживает поддержки. Но, к сожалению, два обстоятельства не позволяют рассчитывать на плодотворные результаты. Во-первых, это несколько запоздалые действия. Наступивший кризис вызвал судорожную деятельность по противостоянию его разрушительным последствиям. Во-вторых, разноплановая действительность по инновационному развитию не носит системный характер. Даже создание отдельных госкорпораций не объединено единой инновационной идеологией и программой межотраслевых и народнохозяйственных диверсификаций. Риторика преобладает над реальной деятельностью. Следует заметить, что в рамках СНГ уже накоплен более продвинутый опыт создания институтов развития.

Чем объясняется инновационный провал в России? Помимо объективных причин, связанных с кризисом и спадом производства (что тоже связано с субъективными принципами выбора модели реформ, имеющих гетерогенную природу и разрушительные последствия), имеются и локально субъективные причины. В плотных окологосударственных кругах экономических советников господствовала идея саморазвития экономики, ее модернизация «снизу». Логическим завершением данной позиции явилась формула «чем меньше государственное участие, тем выше темпы экономического развития». Данная формула распространялась на модернизацию, инновации и все лучшее, что может произойти в экономике и обществе. Беспрецедентное участие государств развитых стран в судьбе частного бизнеса, демонстрируемое в последнее

время, приглушил тон неолиберального оптимизма. Если брендовые фирмы США (Форд, Крайслер...) жизненно нуждаются в государственной помощи, а государство не может от них отмахнуться неолиберальной риторикой, надо думать об иных парадигмах. Заявления лидеров ЕС о том, что мировая экономика нуждается в новой финансовой и экономической системе, свидетельствуют не о конъюнктурном восприятии происходящих событий, в том числе и связанных с государственным участием. Назрел существенный вопрос об изменении характера взаимодействия реального и финансового секторов экономики и роли фондового рынка.

Кризис – не лучший фон для обсуждения теоретических вопросов инновационного развития. С другой стороны, именно кризис высветил актуальность данной проблемы с несколько неожиданной стороны. Экономической теорией доказано и практикой подтверждено, что упрямое инновационное развитие экономики является самым эффективным способом противостояния экономическим кризисам. А если кризис неумолимо наступил, то массовое обновление основного капитала (аналог массовой инновации) является основным позитивным результатом, оправдывающим лишения кризисной поры, и самым эффективным способом выхода на траекторию качественно нового этапа экономического развития.

Экономика решительно отклонилась от закономерностей циклического развития, старательно коллекционируя все негативные ее черты и обходя позитивные тенденции. Из беспрецедентно глубокого цикла, растянувшегося на полтора десятилетия, мы выходили с незначительным по масштабам и глубине обновлением основного капитала, т.е. технологическое обновление обошло нас стороной. Неоправданными, с точки зрения исторического развития, оказались жертвы российского народа, а экономика России еще больше отстала от мирового развития.

Подобная ситуация могла быть хоть как-то оправдана на фазе спада и депрессии, хотя их характер и глубина были в существенной мере вызваны безоглядно выбранной и радикально проводимой политикой экономического либерализма. Можно было оправдать положение технологической стагнации отсутствием благоприятной среды для инновационного рывка народнохозяйственного масштаба. Но с 1999 года накапливались источники инвестиций, однако процесс массового технологического обновления не наступал. Центральный банк накапливал резервы, правительство копило профицит бюджета в самых пассивных для инновационного развития формах (инструментах), которые оказались в огне финансового кризиса. Предстоит еще подсчет потерь результатов политики прими-

тивного накопительства. Сегодня эта политика выдается за мудрое предвидение. Дескать, подушки безопасности были приготовлены специально для такого случая, чтобы смягчить удары очередного кризиса. Пожалуй, это самой существенное, что выдает отечественная либеральная экономическая мысль, продемонстрировавшая свое очевидное банкротство. Беда еще в том, что она, получив в свое время реальные рычаги экономической власти, увлекла российскую экономику в бездну технологической стагнации и отставания от мирового развития.

Экономический кризис породил довольно забавную оправдательную риторику. На нее можно было не обращать серьезного внимания, если бы она была невинной и не касалась причин кризиса, ответственности за ее результаты и оценки экономической политики. Ее суть состоит в том, чтобы далеко за океан отвести причины финансово-экономического кризиса, а отечественную экономику представить в виде невинной жертвы. По этой логике – раз причины кризиса далеко за океаном, то и виновные там же. Позиция предусмотрительной жертвы, накопившей рискованные резервы, куда предпочтительнее положения хотя бы соучастника. Но ведь отечественная экономическая модель выкраивалась по законам рынка и именно поэтому так синхронно лихорадит наши экономики. Правящая элита не решается даже на те заявления, которые все громче звучат из уст некоторых ведущих политиков в Западной Европе, о необходимости перестройки финансовой системы; изменения экономической политики и даже экономического мирового порядка. Критика персон, олицетворяющих зарубежную экономическую политику, признанной первопричиной мирового финансово-экономического кризиса, должна продолжаться в критическом анализе модели экономического устройства, основы которой были созданы по их рецептам.

Основным противоречием воспроизводственного процесса за последнее десятилетие была стерилизация средств (источников) инновационного развития. Благоприятная конъюнктура мировых сырьевых рынков позволила накопить средства, которые превращались в пассивные фонды, размещенные в активах других стран. Экономика США, например, где размещалась часть стабилизационного фонда, функционировала при бюджетном дефиците, поскольку инновационно активная экономика с жадностью поглощает не только собственные накопления, но и привлеченные извне средства. Напротив, образование бюджетного профицита, а тем более его пассивная «стерилизация» являются свидетельством экономической политики, по своей сути отторгающей инновационные процессы в народно-

хозяйственном масштабе. Отдельные попытки поддержать перспективные направления развития науки и технологий носят точечный характер, но не характеризуют сущность экономической политики как инновационно ориентированной.

Достаточно убедительно звучали иные голоса, высказывавшие альтернативные взгляды. Еще в середине 90-х годов предлагалась политика «инвестиционной экспансии» в качестве национально-экономической идеи. В новых условиях предполагалось реализовать народнохозяйственную инвестиционную стратегию, соизмеримую с довоенной индустриализацией в СССР. Подробная идея, в разных вариантах с разными подходами и обоснованиями, развивалась в академических и вузовских кругах, в том числе научных конференциях и публикациях в Московском университете. Но иные кумиры властвовали умами политиков. Оказавшимся у разбитого инновационного корыта идеологам проводимой экономической политики остается забота о припасенных амортизаторах кризиса, над которым висит дамоклов меч обесценения в водоворотах финансового кризиса.

Заслуживает специального внимания еще одно противоречие глобальной экономики, всосавшей в воронку кризиса и нашу – отечественную. Страны, которые принято называть развитыми, озабочены поддержкой финансового сектора экономики, в том числе и за счет бюджетных денег. Существует мнение, достаточно обоснованное и признаваемое многими экономистами и политиками, что причиной современного и предыдущего (1998 г.) кризиса является гипертрофированное развитие финансового сектора за счет клонирования вторичных активов и деривативов. И, тем не менее, именно в сторону финансового сектора обращена помощь этих стран. Реальный сектор, создающий реальные блага остается в лучшем случае на втором плане. Развитые страны, будучи лидерами в области технологий, могут себе это позволить, хотя и там имеются альтернативные мнения. Но российская экономика, пристраивающаяся им в затылок по части направлений финансовой помощи, находится в ином технологическом состоянии и ей следует решать другие задачи как текущего, так и стратегического порядка.

Даже в Западной Европе часто звучат голоса довольно влиятельных политиков о необходимости существенного переустройства как финансовой системы, так и экономического мироустройства. Одним из назревших направлений в этом отношении является изменение пропорций и механизмов функционирования финансового и реального секторов в пользу последнего. Необходимо определиться в приоритетности сектора экономики, несущего главную нагрузку по жизнеобеспечению об-

щества. Но именно на финансовом секторе сосредоточены интересы владельцев всеобщей формы денежного богатства. Имея экономически обеспеченное влияние на власть, они едва ли позволят посягнуть на область своих интересов. Мировой кризис и политика властей по смягчению его последствий обнажили и социальные противоречия. Налогоплательщики США и Западной Европы справедливо ставят вопрос о том, почему за счет бюджетных средств оказывается помощь финансовым магнатам и спекулянтам, звучат голоса в пользу изменения направлений антикризисных мер. Например, предлагается на суммы, эквивалентные финансовой помощи, снизить налоги с тем, чтобы стимулировать спрос со стороны покупателей и уменьшить издержки со стороны производителей. Эти меры направлены на поддержку реального сектора. Несмотря на экономическую обоснованность данной позиции, за ней не стоит влиятельная институционализирующая сила.

Мобильность и сила влияния заинтересованных представителей финансового сектора оказались сильней как в мире, так и в нашей стране.

Из глубочайшего кризиса девяностых годов Россия вышла ни с чем, в смысле технологического обновления, нарушив тем самым закономерность циклического развития. Необычная с точки зрения теории и истории реальность еще не стала предметом глубокого анализа и прогностических оценок. Возникла новая проблема, точнее, та же проблема, только в новом издании: с чем мы выйдем (в том же смысле технологического обновления) из очередного кризиса. Заявления политиков и некоторых экономистов о том, что экономика России выйдет из кризиса еще более сильной, можно лишь по форме оценить как перспективные. Но нигде не излагается суть экономической политики, отторгающей инновационное развитие. Почему именно этот кризис должен усилить экономику, если этого не сделали другие кризисы? Ответы на эти вопросы не предполагаются, они не ищутся активно, поскольку в этом случае придется оценивать суть проводимой политики. К этому правящая элита и обслуживающая ее экономическая теория не готовы. Преобладают настроения переждать экономический кризис, ничего по сути не меняя в модели экономической политики на сторону реального сектора экономики с сильным акцентом на технологические инновации, усугубится технологическая маргинализация российской экономики, обреченная на еще большую зависимость от конъюнктуры мирового сырьевого рынка.

Инновационная риторика сменилась модернизационной. Речь идет лишь об уровне осознания важности проблемы на уровне высшего руководства России. Ее практическая реализация, вылившаяся в

перетягивание бюджетного каната между Минфином и Минэкономразвития, свидетельствует о сетной заурядности практических действий. Проблема нынешней модернизации сопоставима с довоенной индустриализацией. Соответствующей должна быть политическая воля, ресурсы, научно-технические разработки и механизмы. Главный вопрос – ресурсы, которые должны соответствовать масштабам изменений.

Заключительная часть

Россия оказалась в числе стран, получивших большие доходы от конъюнктурного роста цен на товары ее сырьевой группы. Она имела уникальный исторический шанс использовать «золотой дождь» для упреждающего технологического рывка при определенной политике. Это не запоздалое прозрение. Такая точка зрения активно излагалась экономистами академического и университетского базирования. (Мы предлагали политику инвестиционной экспансии, соизмеримой в историческом масштабе с довоенной индустриализацией, превратить в национальную экономическую идею.) Но были более значимые фигуры, занимавшие те же позиции (академик РАН Д.С.Львов, чл-корр РАН С.Ю.Глазьев и др.) Однако эти идеи не могли пробиться через плотные слои околоправительственных экономистов, «толпою жадною теснящихся у трона», монополизировавших все правительственные заказы и гранты. На государственные деньги они развивали идеи «модернизации снизу», «либерализации внешнеэкономической деятельности». Был даже «выведен» закон – чем меньше государственное участие в экономике, тем выше темпы экономического роста (это плоды интеллектуальных усилий бывшего экономического советника главы государства и его единомышленников). Здесь наступает момент истины: **эффективна та экономика, которая поглощает все свои накопления на нужды технологического прогресса. А еще эффективней экономика, заимствующая на эти же цели, поскольку при этом происходит накопление конкурентоспособности и экономической эффективности.** Всевозможные накопления при устаревших фондах – это изъятие из активного оборота ресурсов реальной экономики в пользу финансового сектора, да еще и содержащихся в зарубежных активах. По этим основаниям мы оцениваем проводившуюся в России экономическую политику как стратегически неэффективную. Она инерционна, безрискова и удобна для правительства, ибо под рукой на случай кризиса оказалась финансовая соломка, которую и подстелить можно.

Наверное, здесь наступило время высказать свои рекомендации. Нам видятся два варианта активной экономической политики, имеющих стратегическое

значение. Они зависят от глубины проникновения кризиса в реальный сектор. Если оправдываются неблагоприятные прогнозы, сравнивающие спад с Великой депрессией, то надо спасать экономику развертыванием широкого фронта работ по созданию производственной и социальной инфраструктуры и стимулировать реальный сектор расширением внутреннего спроса. В соответствующую программу может быть включено строительство дорог, портов, мостов, жилья, инфраструктуры ЖКХ, городских хозяйств, объектов социального назначения. На эти цели потребуются расходы не только государственных, но и частных и корпоративных накоплений, поскольку речь идет о программе поддержки и развития всей национальной экономики. Вспомним, что подобными методами Рузвельт выводил американскую экономику из той самой Великой депрессии причем, не имея накоплений. Он пошел на расширение бюджетного дефицита для стимулирования спроса; стимулировал инвестиции регулированием предельной процентной ставки; вводил государственные гарантии для страхования частных инвестиций и т.д. (Очевидным образом элементы «Нового курса» Рузвельта присутствуют в политике Б.Абама.) Если же мета-стазы проникновения кризиса в реальный сектор удастся купировать методами монетарной и фискальной политики, не прибегая к чрезвычайным мерам, то надо реализовать, как уже упоминалось, политику инвестиционной технологической экспансии, как общенациональной экономической идеи. По историческому значению она должна быть соизмерима с довоенной индустриализацией, вывести страну на уровень мирового технологического развития, с созданием десятков новых отраслей, изменивших весь экономический облик страны в тот исторический период. Заметим, что и при советской индустриализации не было государственных накоплений. Конечно, индустриализация потребовала ограничений в потреблении ради промышленного накопления. Теперь таких ограничений не требуется. Необходимо мобилизовать государственные накопления, стимулировать частные и корпоративные инвестиции, а для технологий национального экономического значения можно прибегнуть к заемным ресурсам (как внешним, так и внутренним) и бюджетному дефициту. Конечно, это масштабные задачи, но они, как свидетельствует исторический опыт, реализуемы. Альтернативой является вялотекущая политика расходования государственных накоплений. Нельзя считать стратегической политику финансовой подпитки экономики, без ясной промышленной и инновационной программы, да еще и за счет урезания важных расходных статей бюджета, например, на образование.

Остается рассмотреть еще один общий вопрос,

который иногда обсуждается в связи с нынешним кризисом: окажет ли влияние нынешний кризис на экономическое мировоззрение и миропорядок? Судя по материалам декларациям G-20, существенных перемен не будет. Там говорится о неизбежности рыночных принципов, хотя и допускается эффективное регулирование финансовых рынков. Но часто высказывались и иные точки зрения, в том числе и руководителями европейских стран о том, что необходимо фундаментальное реформирование финансовой системы и даже мирового экономического порядка.

Дух и содержание декларации «двадцати» свидетельствует о том, что и данный кризис рассматривается как исключительно финансовый. Но если признать его мировым циклическим кризисом, а это уже признается большинством экономистов, то и выводы должны быть иными.

Заслуживают внимания неофициальные мировые форумы ученых и политиков, которые можно назвать альтернативными и даже оппозиционными по отношению к позиции ведущей двадцатки в оценке причин кризиса и перспектив мировой экономики. VI мировой общественный форум «Диалог цивилизаций» (2008 г.) был посвящен развернутой критике либеральной теории и идеологии. Но по части позитивных предложений отличается мнение канцлера Австрии Альфреда Гузенбаура, который считает необходимым создать международный финансовый институт (организацию) наподобие ВТО для регулирования финансовых рынков. Основная идея состоит в том, чтобы освободиться от мировой долларовой экспансии. Идея выстрадана мировой (неамериканской) экономикой. Но нет пока определенных реальных способов ее реализации. Возврат к аналогам Бреттонвудской системы невозможен в условиях нынешней глобализации экономики. На освобождение от долларовой экспансии направлены и попытки торговать экспортными российскими товарами за рубли, в том числе и созданием специальных товарных бирж в России. Правильная, но очень запоздалая идея. Она высказывалась отечественными экономистами на начальной стадии повышения цен на энергоносители. Самый благоприятный период упущен.

И все-таки контроль над мировой финансовой системой и даже создание новой финансовой системы – это очень важная проблема, но для мировой экономики она носит частный характер. При всей ее важности она не соответствует уровню нового мирового экономического порядка. Исходя из нашего анализа и оценок, рискнем сделать выводы, которые несут скорее концептуальный, нежели экономически технологический характер.

1. Альтернативой либеральной модели рыночной экономики можно признать социально ориен-

тированную экономику, высшей целью которой является рост благосостояния и развитие личности каждого гражданина, а не концентрация сверхбогатства у узкой прослойки группы людей, получивших власть над ресурсами.

2. Если социально персонифицированным субъектом нынешнего кризиса является финансовый олигархизм (власть и контроль сверхбогатства), то ему может быть противопоставлен социальный субъект массовой самоорганизации производителей реальных благ, способный влиять на власть и управление.

3. Стихийным регулятором рыночной экономики должно быть противопоставлено регулирование, основанное на современных информационных технологиях.

4. Глобальному финансовому контролю олигархических групп должна быть противопоставлена политика финансового полицентризма, укрепление и конвертируемость национальных валют.

5. Идея модернизации России на инновационной основе важная, хотя и запоздалая. Но она еще не конкретизирована до определения комплекса отраслей, стратегически важных для решения данной задачи, определения объема средств, необходимых для реализации данной задачи, и самого механизма реализации. Принципиальным является вопрос о субъекте реализации данной задачи. До сих пор в экономической политике преобладала идея «модернизации снизу». Она подпитывается определенными кругами экономистов.¹

6. На наш взгляд, **основным противоречием стратегии модернизации** является то, что субъект, инициирующий модернизацию (высшее руководство страны), не обладает достаточными ресурсами, а субъекты, в чьи руки перешли основные ресурсы и денежные потоки, уже давно позаботились о системной модернизации условий своего бытия и едва ли они заинтересованы в системном изменении условий жизни общества.

Если признать в качестве главной цели экономического развития России модернизацию как системное изменение среды обитания, уровня и качества жизни, то в качестве главного выдвигается вопрос о субъекте. Экономические ресурсы в результате радикальных реформ распределены в пользу тех субъектов, которые коренную модернизацию условий своего обитания уже произвели. Насколько их может волновать судьба экономики в целом? Сторонники модернизации «снизу» не отвечают на вопрос о том, почему до сих пор этого не происходит. Ведь красугольным камнем приватизации было положение о том, будто негосударственные (частная) формы собственности по определению обладают сильным мотивом прогрессивного развития. Общество вправе выдвинуть «модернизационные» требования к тем, кому были отданы государственные (природные и созданные трудом народа) ресурсы. Именно их обладатели ответственны за выполнение поставленной задачи. Конечно, ресурсами обладает и государство, которое должно их использовать для поддержки инновационно мотивированных субъектов. Но они ограничены. Средства эти должны быть расширены за счет дополнительных источников рентного и монопольного происхождения. Государство, выдвинувшее идею модернизации как общенациональную задачу, должно иметь средства, ресурсы и механизм реализации. Однако это не разрешение указанного выше противоречия. Предстоят институциональные изменения, которые должны соединить ресурсы инновации с инновационно мотивированными субъектами. Пути и способы решения данной социально острой проблемы подлежат дополнительному изучению и осуждению.

¹ Показателен широко обсуждаемый документ Института современного развития «Россия XXI века».

А.В.Тодосийчук,
ведущий советник комитета Государственной думы
по науке и наукоемким технологиям,
д-р.экон.наук, профессор, действительный член РАЕН

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА СТРАНЫ НА ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

В современных условиях темпы и качество экономического роста, результативность науки все в большей степени определяются характеристиками научно-технического потенциала, который включает в себя совокупность финансовых, кадровых, материально-технических, информационных, организационных и иных ресурсов, необходимых для осуществления научной и научно-технической деятельности.

ности в хозяйственный оборот.

В первой половине 90-х годов XX века в России наблюдалось резкое сокращение объемов финансирования научных исследований и разработок. Устойчивый рост затрат на науку в первом десятилетии текущего века не позволил компенсировать ее хроническое недофинансирование, о чем свидетельствуют данные Федеральной службы государственной статистики. В таблице 1 представлены

Таблица 1

Внутренние затраты на исследования и разработки¹

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2008
Внутренние затраты на исследования и разработки: млн руб.(до 1988 г. – млрд руб.):	140,6	12149,5	76697,1	105260,7	135004,5	169862,4	196039,9	230785,2	431073,2
- в фактически действовавших ценах	3,22	2,49	3,32	3,91	4,34	4,78	4,69	4,55	5,42
- в постоянных ценах 1989 г.	0,74	0,85	1,05	1,18	1,25	1,28	1,17	1,07	1,03
- в процентах к валовому внутреннему продукту									

Мировая практика показывает, что экономика не может нормально и результативно функционировать без стабильного наращивания научно-технического потенциала, состояние которого во многом зависит от качества механизма управления научно-техническим развитием, объемов финансирования науки из бюджетов всех уровней, средств предпринимательского сектора экономики, частных бесприбыльных организаций, собственных средств научных организаций и вузов, других источников, вовлечения результатов интеллектуальной деятель-

данные о динамике внутренних затрат на исследования и разработки.

Анализ структуры внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования свидетельствует о том, что основным источником финансирования российской науки (около 70% в общей структуре затрат из всех источников) по-прежнему является федеральный бюджет. И это несмотря на то, что в результате проведения в 1990-х годах политики ускоренной приватизации государственной собственности в частных руках сосредото-

Таблица 2

Финансирование науки из средств федерального бюджета (миллионов рублей; до 1998г. – млрд руб.)¹

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2006	2008
Расходы федерального бюджета,	95,3	2366,3	17396,4	23687,7	31055,8	41576,3	47477,9	97363,2	162115,9
в том числе:									
- фундаментальные исследования	-	-	8219,3	11666,6	16301,5	21073,3	24850,3	42773,4	69735,8
- прикладные научные исследования	-	-	9177,1	12021,1	14754,4	20503,0	22627,8	54589,8	92380,1
В процентах:									
- к расходам федерального бюджета	2,43	1,60	1,69	1,79	1,51	1,76	1,76	2,27	2,14
- к валовому внутреннему продукту	0,50	0,29	0,24	0,26	0,29	0,31	0,28	0,36	0,39

точено более 90% национального богатства. В таблице 2 приведены статистические данные о финансировании науки из средств федерального бюджета.

В индустриально развитых странах наблюдается совершенно иная картина в области финансирования научно-технической сферы. Статистические данные свидетельствуют о наличии устойчивой тенденции опережающего роста затрат на НИОКР по сравнению с приростом валового внутреннего продукта и капитальных вложений, сокращения сроков разработки новой продукции, увеличения частоты ее обновления на рынке. Например, в 2008 году доля внутренних затрат на НИОКР в валовом внутреннем продукте Китая составила 1,49%, Канады – 1,82%, Кореи – 3,47%, США – 2,68%, Германии – 2,54%, Японии – 3,44%. Доля предпринимательского сектора в финансировании науки по ряду стран лежит в пределах от 50 до 80%.

Анализ данных, представленных в таблице 2, свидетельствует об устойчивом росте расходов федерального бюджета на науку в первом десятилетии текущего века. Однако увеличение расходов бюджета на науку в условиях хронического ее недофинансирования в 90-е годы XX века направлено лишь на покрытие затрат по текущим статьям (в основном, заработная плата, страховые взносы, частичное возмещение материальных затрат, коммунальных платежей), но не обеспечивает в соответствии с потребностями такие статьи расходов, как приобретение нематериальных активов, приборов и оборудования. И это притом, что уровень заработной платы в науке остается одним из самых низких в стране. Результаты расчетов свидетельствуют о том, что в настоящее время расходы на науку за счет всех источников составляют 10–15% от минимально необходимой потребности.

В настоящее время финансирование НИОКР из бюджета осуществляется в основном на конкурсной основе. Анализ опыта деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти, размещавших государственный заказ на выполнение НИОКР на конкурсной основе, свидетельствует о том, что конкурсы носили зачастую формальный характер, победители были определены уже заранее в результате закулисных договоренностей чиновников-распределителей и приближенных к ним деятелей науки.

Поэтому дальнейшее использование действующей

сей ныне системы отбора исполнителей НИОКР усилит негативные тенденции развития науки, ускорит деформацию и развал научно-технического потенциала страны. Необходимо обеспечить реальный, а не формальный переход к конкурсному отбору тематики и исполнителей НИОКР с использованием анонимной научной экспертизы, исключающей случаи проявления субъективизма и экономической заинтересованности лиц, принимающих соответствующие решения.

Федеральные целевые научно-технические программы и программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2008–2012 годы являются важнейшим механизмом реализации научно-технической и инновационной политики. Однако анализ показывает, что в них не предусмотрен механизм внедрения полученных результатов НИОКР, а также передачи этих результатов в другие федеральные целевые программы для тех же целей. Этот недостаток не устранен и в федеральной целевой научно-технической программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007–2012 годы», утвержденной постановлением правительства Российской Федерации от 17.08.2006 г. № 613. Отсутствие механизма вовлечения результатов научно-технической деятельности снижает эффективность проводимых НИОКР.

В целом ряде случаев остается декларативным положение о комплексном подходе к развитию российской науки при реализации приоритетных направлений науки, технологий и техники, а также критических технологий федерального уровня. Анализ расходной части федерального бюджета за 2006–2010 годы свидетельствует о том, что по целому ряду приоритетов расходы либо не запланированы, либо не позволяют в полной мере и в необходимые сроки обеспечить их реализацию. К тому же в ряде случаев имеет место несоответствие приоритетных направлений развития отраслевой науки приоритетам инновационного развития профильных отраслей экономики.

В настоящее время планирование расходов федерального бюджета на научно-инновационное развитие осуществляется по сути дела автономно, «от достигнутого», без соблюдения научно обоснованных пропорций в отраслевом разрезе.

Таблица 3

Персонал, занятый исследованиями и разработками
(на конец года; тыс. человек)¹

	1995	1996	1997	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2006	2008
Всего:	1061,0	990,7	934,6	855,2	887,7	885,6	870,9	866,2	839,3	807,1	761,2
в том числе											
исследователи	518,7	484,8	455,1	417,0	426,9	422,2	414,7	411,4	401,4	388,9	375,8
техники	101,4	87,8	80,3	74,8	75,2	75,4	74,6	74,5	70,0	66,0	60,2
вспомогательный персонал	274,9	260,0	244,9	220,1	240,5	238,9	232,6	230,9	223,4	213,6	194,8
прочие	166,1	158,1	154,3	143,3	146,1	149,0	149,0	149,4	144,5	138,5	130,4

Кроме того, ни в академическом, ни в вузовском, ни в отраслевых секторах науки не проводится обоснование уровня расходов на финансирование научных исследований и разработок из федерального бюджета с учетом социально-экономических целей, областей науки и видов работ (фундаментальных исследований, прикладных исследований, разработок).

Снижение объемов финансирования науки, падение престижа научного труда негативно отразилось на численности и возрастной структуре научных работников. Динамика численности персонала, занятого исследованиями и разработками в 1995–2008 гг., представлена в таблице 3.

Анализ данных, представленных в таблице 3, свидетельствует о наличии устойчивой тенденции сокращения численности персонала, занятого исследованиями и разработками. Отсутствие достаточного притока талантливой молодежи в науку и образование сопровождается старением научных и научно-педагогических кадров, повышением среднего возраста ученого от 43 лет в 1991 году до 59 лет в 2008 году. Выборочный анализ возрастной структуры научных работников в ряде научных организаций показал следующее: доля ученых в возрасте до 29 лет составляет 6,8%, в возрасте 30–39 лет – около 13,7%, в возрасте 40–59 – 38,1%, от 59 лет и выше – около 41,3%. То есть число научных работников пенсионного возраста более чем в 5 раз превышает число исследователей в возрасте до 29 лет. В итоге – научные организации и научные школы обречены на вымирание.

Вместе с тем на фоне сокращения численности персонала, занятого исследованиями и разработками, повышения среднего возраста ученых, имеют место тенденции устойчивого роста числа аспирантов и докторантов, кандидатов и докторов наук¹. Основные причины таких диспропорций –

неэффективная система государственного регулирования подготовки научных кадров, низкий уровень закрепляемости молодежи в науке из-за невысокого социального статуса ученого, необеспеченности жильем и отсутствия ясных перспектив профессионального и карьерного роста молодежи.

Значительное снижение объемов финансирования науки, низкая доля капитальных затрат (2,4–3%) во внутренних затратах привели к развалу значительной части материально-технической базы сферы НИОКР. В таблице 4 представлены данные об основных средствах исследований и разработок в ценах 1995 года.

В 2007 г. стоимость основных средств исследований и разработок в постоянных ценах составила 54,1% от их стоимости в 1995 г. и 1,09% от стоимости основных фондов экономики в целом. Научное оборудование в среднем не обновлялось 7–8 лет, его средний возраст сейчас составляет 14 лет. И это притом, что предельный срок эксплуатации научного оборудования и приборов во всем мире составляет 11 лет. Средний возраст научного оборудования, эксплуатируемого в развитых странах, – 7 лет.

В условиях деградации научно-технического потенциала в принципе невозможен рост результативности науки по количественным и качественным показателям. Выполнение эффективных НИОКР, направленных на получение и применение новых знаний, возможно только в условиях надлежащей материально-технической и информационной оснащенности науки, надлежащей оплаты труда научных работников. По экспертным оценкам, среднестатистический российский ученый обеспечен оборудованием, необходимым для проведения исследований, в десятки раз хуже, чем его коллеги из развитых стран. Поэтому от российских ученых, в основном пенсионного возраста, ожидать науч-

Таблица 4

Основные средства исследований и разработок¹

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2003	2004	2007
Основные средства – всего, млн руб., до 1998 г. – млрд руб.	85087,6	121920,9	107605,3	88270,3	62608,4	46336,0	38177,1	44600,8	40412,8	46025,0
Фондовооруженность персонала, занятого исследованиями и разработками: – стоимость основных средств исследований и разработок в расчете на одного работника, тыс. руб., до 1998 г. – млн руб.	80,2	123,1	115,1	103,2	71,8	52,2	43,1	52,0	48,1	57,5
– стоимость основных средств исследований и разработок в расчете на одного исследователя, тыс. руб., до 1998 г. – млн руб.	164,0	251,5	236,4	211,7	149,0	108,8	90,4	108,8	100,7	117,2

ных открытий не приходится.

Эффективность использования научно-технического потенциала характеризуется показателями результативности научной и научно-технической деятельности, их вкладом в социальный прогресс и экономический рост. На практике получили большое распространение следующие основные показатели результативности науки: число патентных заявок и выдачи патентов на объекты промышленной собственности, поступления от экспорта технологий, число научных статей, их удельный вес и цитируемость в ведущих журналах мира.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что результативность научной и научно-технической деятельности в России вследствие ухудшения характеристик научно-технического потенциала находится на достаточно низком уровне. В частности, об этом свидетельствуют данные, представленные в таблице 5, о поступлении патентных заявок и выдачи патентов на объекты промышленной собственности.

Великобритания (84780 публикаций), Италия (47546 публикаций), Канаде (50225 публикации), Китаю (107712 публикации), США (317984 публикации), Франции (60216 публикаций), Японии (76098 публикаций).

Место России в научном рейтинге стран по такому показателю как удельная результативность науки (отношение числа результатов научной и научно-технической деятельности к числу исследователей) будет еще ниже, поскольку по численности исследователей наша страна занимает четвертое место в мире, уступая только Китаю, США и Японии.

Снижение результативности научных исследований и разработок, спад инновационной активности промышленных предприятий привели к падению конкурентоспособности страны на мировых рынках, снижению вклада интеллектуального капитала в экономический рост. В 2008 году Россия занимала менее 0,3% мирового рынка наукоемкой продукции. Для сравнения: доля США составляла около 39%, Японии – 30%,

Таблица 5

Поступления патентных заявок и выдача патентов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы¹

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Подано патентных заявок в России – всего	35609	38562	38265	41377	42593	45644	51775	54337
в том числе заявителями:								
отечественными	29844	32746	32022	34667	33954	35242	39776	39835
иностранцами²⁾	5765	5816	6243	6710	8639	10402	11999	14502
Выдано патентов	23316	22641	25645	35190	33923	33101	35541	36805
в том числе заявителям:								
отечественным	19716	19782	22155	31085	29855	28035	30086	30040
иностранцам²⁾	3600	2859	3490	4105	4068	5066	5456	6785
Действует патентов	168396	178743	133275	143584	149454	164099	171536	180721

По числу патентных заявок на изобретения, полезные модели, промышленные образцы Россия значительно уступает многим индустриально развитым странам.

Поступления от экспорта технологий в 2008 году в России составили 833,2 млн долл., Великобритании – 34621,8 млн долл., Германии – 42739,4 млн долл., США – 85919,0 млн долл., Японии – 21080,1 млн долл.¹

Одним из показателей результативности науки является число научных статей, их удельный вес и цитируемость в ведущих журналах мира. По числу публикаций в ведущих журналах мира в 2008 году Россия (27333 публикации) уступает таким странам как Бразилия (28519 публикаций),

Германии – 16%. Вклад интеллектуального капитала в экономический рост в индустриально развитых странах составляет порядка 50–75%. В России же вклад науки в прирост валового внутреннего продукта составляет менее 1%².

Индифферентность предпринимательского сектора к науке и инновациям, сильная зависимость величины доходной части федерального бюджета от конъюнктуры цен на мировом рынке энергоресурсов снижают вероятность стабильного увеличения ассигнований на исследования и разработки в полном объеме и по всем направлениям в долгосрочной перспективе. Данное обстоятельство требует разработки новой концепции управления

¹Наука. Инновации. Информационное общество. С.48.

²Тодосийчук А.В. На пути к инновационной экономике. М.: Оргсервис - 2000, 2009.

наукой для обеспечения ее устойчивого развития в условиях необходимости формирования экономики, основанной на знаниях, с одной стороны, и с учетом имеющихся ограничений в виде недостаточного финансирования науки, ухудшения кадровой и материально-технической составляющих научно-технического потенциала – с другой стороны.

В настоящее время в России господствующими в большинстве отраслей экономики являются третий и частично четвертый технологический уклады. В развитых же странах доминирующим является пятый технологический уклад и широким фронтом развиваются производства шестого технологического уклада. В связи с этим необходим объективный критический анализ всей совокупности имеющихся принципиально новых технологий и возможности их реализации для перехода к шестому технологическому укладу, минуя реликтовый четвертый технологический уклад, а также ряд технологий пятого технологического уклада. Этот «скачок» необходимо сделать для того, чтобы сократить технологическое отставание России от развитых стран и не допустить нерациональное использование ресурсов на разработку морально устаревшей на мировом рынке продукции. Отсюда вытекает необходимость существенной корректировки всей государственной социально-экономической и научно-инновационной политики в расчете на максимальную концентрацию ресурсов на обеспечение приоритетов бюджетного финансирования науки и радикальных инноваций. В этой связи среди первоочередных мер формирования и реализации стратегии инновационно-технологического прорыва можно назвать следующие.

1. Необходимо незамедлительно сделать «инвентаризацию» действующих ныне приоритетных направлений науки, техники и критических технологий. При их корректировке целесообразно учитывать состояние научно-технического потенциала конкретных научных организаций, реализующих указанные приоритеты. Анализ показывает, что из-за снижения количественных и качественных характеристик научно-технического потенциала многие научные организации фактически утратили свой «научный» статус, поскольку они оказываются не в состоянии осуществлять научную и научно-техническую деятельность, направленную на получение новых знаний. Во многом это вызвано и тем, что в условиях бюджетных ограничений не были своевременно приняты меры о прекращении финансирования менее значимых научных направлений и о перераспределении высвободившихся средств в пользу приоритетов более высокого уровня. Управление научными исследованиями и разработками в условиях дефицита финансовых ресурсов призвано обеспечить первоочередное и стабильное финансирование высокоприоритетных направлений развития науки.

2. На законодательном уровне необходимо законодательно утвердить перечень долгосрочных при-

оритетных направлений науки, техники и технологий, являющихся ядром шестого технологического уклада.

Основанием для формирования указанного перечня должны быть долгосрочные научно-технические прогнозы, а также результаты комплексного мониторинга научно-технического потенциала страны для оценки возможностей конкретных научных организаций решать поставленные проблемы. В последние два десятилетия деятельность по разработке долгосрочных научно-технических прогнозов практически свернута. В развитых же странах затраты на разработку научно-технических прогнозов составляют около 2% всех расходов на науку. Эффект от этих работ более чем в 50 раз превышает затраты, связанные с их проведением.

3. Решение проблем перехода российской экономики на инновационный путь развития требует надлежащего кадрового обеспечения сферы науки, наукоемких производств, высшего и послевузовского профессионального образования. Устойчивое развитие науки и образования во многом зависит от решения вопроса притока молодежи. Кроме того, имеет место существенная несбалансированность рынка труда и рынка образовательных услуг: уровень трудоустройства выпускников образовательных учреждений профессионального образования по целому ряду профессий и специальностей находится на уровне 20–30%¹. Для решения указанных проблем необходима разработка федерального закона «О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» и федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (в части государственного регулирования системы подготовки научных и научно-педагогических кадров).

Для оздоровления ситуации в системе подготовки научных и научно-педагогических кадров на законодательном уровне целесообразно закрепить следующие положения:

а) подготовку кадров осуществлять в рамках государственного и муниципального заказа и договоров о целевой контрактной подготовке с гарантией последующего трудоустройства выпускников по полученной специальности. Объем подготовки научных и научно-педагогических кадров должен ежегодно утверждаться постановлением правительства Российской Федерации или высшими государственными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по каждой научной специальности на основе долгосрочных научно-технических прогнозов;

б) финансовое обеспечение подготовки научных и научно-педагогических кадров должно осуществляться на основе нормативов подушевого финанси-

¹ Тодосийчук А.В. Теоретические основы прогнозирования научно-инновационного развития профессионального образования. М.: ИУО РАО, 2006.

рования, утвержденных Правительством Российской Федерации или высшими государственными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по каждой научной специальности;

в) для повышения ответственности выпускников аспирантуры и докторантуры, а также работодателей в законе необходимо предусмотреть экономические меры в части возмещения затрат на обучение в бюджет соответствующего уровня при отказе в трудоустройстве в научной организации, наукоёмком предприятии, учреждении высшего и послевузовского профессионального образования.

4. Для формирования единой государственной научно-технической политики при разработке проекта федерального бюджета целесообразно восстановить в бюджетной классификации расходов единый раздел, в котором должны быть четко прописаны объемы финансирования науки, поскольку существующая структура расходов на научные исследования и разработки (по разделам, ведомствам, академиям наук, фондам, целевым программам) существенно затрудняет расчет расходов на науку, делает его по сути дела условным.

5. Для повышения обоснованности размера расходов на выполнение научных исследований и разработок Министерству образования и науки Российской Федерации разработать методику расчета себестоимости научно-технической продукции и укрупненные нормативы финансовых затрат в расчете на одного исследователя по каждой научной специальности.

6. Для повышения эффективности бюджетных средств, выделяемых на науку и капитальные вложения, целесообразно формировать государственный или муниципальный заказ не на отдельные разрозненные виды работ, входящих в инновационную деятельность, а на реализацию полного инновационного цикла «научные исследования – разработки – освоение и тиражирование инновационной продукции», т.е. на реализацию инновационных проектов «под ключ». Реализация такого подхода позволит обеспечить реальную, а не формальную интеграцию научных организаций, вузов и промышленных предприятий для осуществления инновационной деятельности.

Для решения указанной задачи необходимо разработать федеральный закон «О размещении заказов на разработку, освоение, производство и поставку инновационной продукции (работ, услуг)».

7. Бюджетное планирование финансового обеспечения сферы исследований и разработок должно осуществляться по социально-экономическим целям, областям науки и видам работ с соблюдением научно обоснованных пропорций между ними. При формировании расходной части федерального бюджета необходимо обеспечить научное обоснование пропорций между затратами на науку, образование и капитальными вложениями. Соблюдение указанных пропорций необходимо для обеспечения устойчивого развития науки, подготовки квалифицированных кадров для инновационной экономики, материализации и промышленного тиражирования инноваций.

8. При формировании федерального бюджета на науку не учитывается значительный временной лаг (3–5 лет) между получением научно-технических результатов и их внедрением в хозяйственную практику. В этой связи затраты на науку следует планировать не год в год, а с упреждением, на величину этого лага. Это позволит на практике реализовать принцип непрерывности финансирования науки соответствующей природе этих работ.

9. Для повышения результативности науки необходимо обеспечить оптимальное распределение научно-технического потенциала в региональном и отраслевом разрезе. Результаты проведенных исследований показали, что научно-техническая эффективность взаимодействующих субъектов уменьшается по мере увеличения разрыва между мощностью и качеством их научно-технического потенциала.

10. В условиях индифферентного отношения предпринимательского сектора экономики к науке и инновациям, наряду с мерами государственной поддержки инновационной деятельности целесообразно внедрить механизм «экономического принуждения» предприятий и организаций разных форм собственности путем нормативного распределения получаемой ими прибыли для обязательного финансирования расходов на НИОКР, вовлечение результатов интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот, подготовку и переподготовку кадров.

РЕФОРМИРУЕМАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ОЖИДАНИЯ

Макаров А.Н.,
доктор экон.наук, профессор

ВЕКТОР РЕФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПАРАЗИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ДОХОДОВ ИЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ?

Мировой финансово-экономический кризис по-разному повлиял на ситуацию в секторах российской экономики: ускорил деградацию воспроизводственного потенциала одних, предоставил шанс для развития другим. К числу последних, по мнению ряда ученых, относится российское сельское хозяйство¹. Экономисты исходят из того, что на протяжении почти двух десятилетий оно функционирует фактически в кризисных условиях. Однако, несмотря на ухудшение состояния материально-технической базы сектора, включая землю, отечественные аграрии сумели приспособиться к работе в стрессовой ситуации. При этом сельское хозяйство России имеет ряд преимуществ по сравнению с другими отраслями экономики при переходе к новому, шестому технологическому укладу². Но их можно реализовать только при мощной поддержке со стороны государства, поскольку техническое и технологическое перевооружение АПК требует огромных средств, которыми отрасль не располагает. Следует также отметить, что во время кризисов возрастают многочисленные риски, включая угрозы для продовольственной безопасности страны. Если бы российская экономика была более диверсифицированной, в том числе за счет развитого сельского хозяйства, последствия мировых экономических потрясений не оказались бы для нас столь серьезными. Актуальна разработка системы антикризисных мер для российского АПК. Эффективное аграрное производство невозможно без создания условий для экономической реализации собственности на землю, поскольку именно земля представляет собой основное сельскохозяйственное средство производства.

Нынешняя ситуация в аграрном секторе экономики России характеризуется тем, что создано «окно возможностей» для перехода от решения антикризисных задач к формированию стратегических путей модернизации страны³, в том числе и реформирования земельной собственности. Однако как провозглашенная цель стратегии, так и пути дви-

жения к ней могут быть намечены различным образом. Самый актуальный тому пример – переход к рынку, многообразие подходов к которому и инструментов породило многообразие используемых стратегий также и в реформировании собственности на землю в аграрном секторе экономики. Фактические сценарии основывались на самых различных путях формирования институтов рынка, породили деформированные модели ее экономической реализации и привели к «теневизации» земельной собственности⁴. Ключевой характеристикой стратегии преодоления сложившегося столь глубокого кризиса в аграрном секторе экономики является укрепление прав собственности на основе создания условий для эффективной экономической реализации земельной собственности.

К сожалению, Россия остается одной из немногих стран, которая до сих пор не нашла адекватного способа разрешения вопроса об эффективной земельной собственности⁵. И это несмотря на то, что в XX в. было сделано множество попыток трансформировать свой аграрный сектор, системно отношений земельной собственности. Основным содержанием аграрной⁶ земельной реформы в России, начавшейся с принятия в 1990 г. закона «О земельной реформе» и направленной на преобразование земельных отношений по поводу владения, пользования и распоряжения землями, явилось изменение отношений собственности на сельскохозяйственные земли, создание множественности форм собственности и землепользования⁷. В то же время следует заметить, что еще в конце 90-х годов развитие сельского хозяйства вообще не считалось приоритетом для государства, соответственно, и

¹ См.: Назаренко В. [Рецензия] // Вопросы экономики. 2010. №3. С.147–149. Рец. на кн.: Голубев А.В. Кризис и сельское хозяйство России. М.: Колос, 2009.

² Глазьев С. Кризис, антикризисные меры и стратегия инновационного народнохозяйственного развития в зеркале теории долгосрочной мегатехнологической динамики // Российский экономический журнал. 2009. № 1. С. 4.

³ Сегодня при идентификации действительно различных путей будущего развития России выявляется возможность реализации, по крайней мере, четырех базовых стратегий (См.: Россия в 2008 – 2016 годах: сценарии экономического развития. М.: Научная книга, 2007. С.11–15).

⁴ См.: Макаров А.Н. Земельная собственность и ее реализация. М.: ТЕИС, 2007. С.350 – 359.

⁵ Как отмечено в докладе министра сельского хозяйства России Е. Б. Скрынник, «по площади на душу населения Россия входит в пятерку стран планеты и в 3,3 раза превосходит среднемировой показатель. Однако по показателям эффективности землепользования мы заметно отстаем: располагая 9% сельхозугодий мира, производим лишь 1,5% валового внутреннего продукта мирового сельского хозяйства» (www.mcsx.ru).

⁶ Термин «аграрный» в дословном переводе с латинского обозначает земельный. Отсюда к аграрной сфере относятся те виды деятельности, институты и отношения, которые связаны с землепользованием и с землевладением. Несмотря на всеобщий характер и многообразие форм землепользования, под аграрной сферой в узком смысле слова на современном этапе по-прежнему подразумевается сельскохозяйственное производство (См.: Амосов А.И. Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества в последние столетия: Закономерности социального и экономического развития. М.: ЛКИ, 2009. С.66).

⁷ См.: Сельская экономика: учебник/под ред. С.В.Киселева. М.: ИНФРА-М, 2008. С.19, 247–248.

проблемы собственности на основное средство сельскохозяйственного производства оставались не столь актуальными¹. С начала земельных преобразований исполнилось двадцать лет. По сути, за период с 1990 по 2010 г. в России фактически созданы основы нового земельного строя. Разумеется, значительное внимание в ходе проводимых реформ было сосредоточено на отношениях собственности. По состоянию на 01.01.2008 г. в частную собственность граждан и юридических лиц передано 132,2 млн га земель, что сравнимо с территорией ряда крупных стран континентальной Европы. Абсолютное большинство (97%) этих земель являются сельскохозяйственными угодьями. В итоге перераспределения земель более 44 млн граждан и юридических лиц получили землю в частную собственность².

Как показывают исследования, социальный инстинкт людей, рождающийся из стремления защитить свои насущные экономические интересы, толкает не к превращению всех и вся в частных собственников, в мелких буржуа, а к организации совместного владения собственностью³. Проведенные исследования подтверждаются сложившейся практикой в отношении земельной собственности, что позволяет сделать важный вывод о том, что земля, которая до XIX века оставалась основным видом частной собственности, к началу XXI века постепенно превращается в основу становления общей собственности гражданского общества. Отчетливо вырисовывается мировая тенденция: в странах с развитой рыночной экономикой индивидуальная частная собственность, в том числе и на землю, сохраняет свои позиции лишь в распределительных отношениях. В сфере производства господствует общая собственность, преимущественно в акционерном виде. Для современных индустриально развитых стран воплощением богатства становятся капитал, знания, услуги и другие невещественные ценности. Богатство не привязано больше к осязаемому и несокрушимому благу, каковым являлась земля, хотя ее роль как объекта жизнеобеспечения

постоянно возрастает, учитывая складывающуюся демографическую ситуацию.

Отсюда «в XXI веке требуется введение новых форм землепользования и землевладения. Как часть среды обитания, земля сельскохозяйственного назначения становится объектом жизненных интересов всего общества»⁴. Однако в рамках современной либеральной догмы неявно, а иногда и открыто под собственностью понимается только право частной собственности. В этой связи российскому обществу настойчиво навязывается мысль о том, что частная собственность на землю – неперемный атрибут рыночной экономики. По сути, этим определяются концептуальные основы и вектор реформы земельной собственности. В то время как структура собственности в современных развитых рыночных экономиках не сводится только к частной и государственной собственности. Более того, сегодня действует комплекс достаточно существенных факторов, объективно «роняющих» на самую низкую отметку приоритет частной собственности на сельскохозяйственные земли. И поэтому представляется вполне уместным существенно изменить акценты в приоритетах земельной реформы и земельной политики, поставить в центр реформистских мероприятий не собственно приватизацию, а подготовку необходимой базы для хорошо организованного, эффективного и безопасного в социальном, экономическом и экологическом плане продолжения переходного этапа в создании многоукладного земельного строя. Изменение ориентиров в представлениях о месте частной земельной собственности в системе современных ценностных установок населения предполагает и соответствующую трансформацию в подходе к решению и других узловых вопросов современной земельной политики. Взамен ориентации исключительно на восстановление частной земельной собственности как универсального разрешения всех проблем землепользования, основные усилия необходимо направить на создание комплекса необходимых предпосылок для экономической реализации земельной собственности и эффективного землепользования.⁵

В этой связи следует отметить, что существует немало успешных примеров того, как реформа в сельском хозяйстве послужила инициатором роста на начальном этапе процесса экономического развития и явилась важнейшим фактором сокращения бедности. Так, бурное развитие сельского хозяйства в последние годы в Китае благодаря введению системы ответственности домохозяйств, активному участию государства в создании условий для экономической реализации земельной собственности послужило основной причиной снижения бедности

¹ См.: Чкаников М. Земля пришла в движение (Реформу сельских земель отдадут муниципалитетам) // Российская газета. 2010. 10 февр. С.1,5.

² См.: Лойко П.Ф. Землепользование: Россия, мир (взгляд в будущее). Кн. 2 / П.Ф.Лойко; Гос. ун-т по землеустройству. М., 2009. С.180.

³ В этой связи в экономике как развитых, так и развивающихся стран в качестве небольшого, но обязательного компонента присутствуют также различные формы предприятий, принадлежащих занятым на них работникам, в том числе производственные кооперативы, а также за пределами сферы собственно производства. В настоящее время кооперативы присутствуют в экономике практически всех стран мира, как развитых, так и развивающихся, насчитывая примерно 800 млн членов и обеспечивая работой около 100 млн чел. (См. об этом: Колганов А.И. Демократия и права собственности. Является ли частная собственность обязательным условием развития демократии? // Демократия и рынок: Противоречия и альтернативы / Пнд ред. М.И. Войскова. М., Культурная революция, 2009. С.76–88).

⁴ Общая экономическая теория: вводный курс. В 3 кн. Кн.1: учеб. пособие / под ред. А.А. Пороховского. М.: Кодекс, 2010. С. 255.

⁵ См.: Лойко П.Ф. Землепользование: Россия, мир (взгляд в будущее). Кн. 1. С.107–114.

в сельских районах с 53% в 1981 г. до 8% к началу XXI века. Рост сельского хозяйства предшествовал ускорению промышленного роста, что весьма напоминало то, как сельскохозяйственные революции предшествовали промышленным революциям, прокатившимся по странам умеренного климатического пояса от Англии середины XVIII века до Японии конца XIX века. Опыт послевоенной Японии, Республики Корея, Китая и других стран свидетельствует о том, что земельная реформа может создать благоприятные условия для экономической реализации земельной собственности¹. Однако эти меры требуют более глубокого анализа издержек и потенциальных результатов. Позиция великой державы не гарантирована России ее прошлыми достижениями или запасами сырьевых ресурсов. При неправильном использовании они больше развращают и укрепляют привычку отдельной части общества жить на ренту, представляющую паразитическую форму дохода, нежели способствуют развитию человека и инноваций. Для того чтобы быть эффективным, любой подход к земельной реформе необходимо интегрировать в общую стратегию сельскохозяйственного развития – при условии использования понятных правил, придания правам собственности четкого и безусловного характера, способствуя тем самым экономической реализации собственности на землю.

Что касается реформирования земельных отношений, то на практике земельная реформа может иметь различное содержание и охватывать самые разнообразные виды деятельности. Она может включать перераспределение земли и прав на нее из одного сектора экономики в другой, к примеру, передача земли, принадлежавшей государству, муниципальным образованиям, юридическим или физическим лицам. Земельная реформа может быть связана с действиями по восстановлению прав на землю бывших ее собственников – процессом, известным под названием земельная реституция. Она может представлять процесс объединения земель, в рамках которого все землевладельцы в каком-либо регионе сдают свои земли с целью более эффективного использования и получают взамен новые земельные наделы, сопоставимые по стоимости. К земельной реформе относится действие по изменению механизма по реализации прав владения землей, при котором традиционно сложившиеся схемы и обычаи землевладения ликвидируются и заменяются более простыми и эффективными процедурами передачи земли. Соответствующие воздействия на землевладение и землепользование могут быть также результатом реформ налогообложения земельной собственности, которые изменяют характер использования земли².

В то время как реализуемая сегодня земельная реформа в России по существу сводится к безоговорочному формированию частной собственности на землю, превращению формы в самодовлеющую конструкцию земельной собственности и ее экономической реализации³, то есть начало и острота нынешнего кризиса в сельском хозяйстве страны связаны с самой идеологией перестройки системы отношений земельной собственности. Перестройка началась с закрепления Земельным кодексом РСФСР (апрель 1991 г.) многообразия форм собственности на землю и наделения работников реорганизуемых колхозов и совхозов земельными паями. На сегодняшний день приватизация сельскохозяйственных земель практически завершена. Она охватила 13% от общей площади земельного фонда и закрепила большую часть из них в частной собственности. В результате того, что в практику мирового землепользования впервые был введен термин «земельная доля» как объект собственности, собственникам земельных долей (паев) стали принадлежать в целом до 70% площади сельхозугодий, находившихся в пользовании сельхозпредприятий⁴. Таким образом, юридически в ходе земельных преобразований в 1990–1998 гг. около 12 млн работников бывших колхозов и совхозов, пенсионеров и социальных служащих, проживающих на территории реорганизованных 23,5 тыс. хозяйств, бесплатно получили доли в праве общей собственности на сельскохозяйственные участки, при этом работники становились совместными собственниками земли. Однако совместная собственность является больше виртуальной, чем реальной, она существует номинально только на бумаге, хотя каждый может потребовать ее выделения в натуре. Реальным здесь является только то, что гражданам были выданы свидетельства на право собственности на земельные доли, не обозначенные в натуре ни межевыми знаками, ни бороздами, которые не имеют границ, координатно-геодезической привязки, не отражены в земельном кадастре.

Первоначальные задумки об учреждении Российского земельного банка, о повсеместном проведении землеустройства, о выкупе земельных долей у пенсионеров так и не были реализованы. Кроме того, более 120 млн га земель бывших колхозов и совхозов без их оформления и регистрации более 15 лет хаотично используются новыми сельскохозяйственными организациями, не являющимися действительными легитимными субъектами зе-

щее). Кн. 1. С.30.

³ См.: Макаров А.Н. Земельная собственность и ее реализация. С.315–322.

⁴ См.: Исянов Р. Аграрный сектор в рыночной экономике // Вопросы экономики. 2008. №12. С.139; Мамаева Г. Использование земельных ресурсов Российской Федерации в 2000–2004 годах // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2006. №6. С.49.

¹ См.: Доклад о мировом развитии 2008. Сельское хозяйство на службе развития: пер. с англ. / Всемирный банк. М.: Весь мир, 2008. С.30,154–177.

² См.: Лойко П.Ф. Землепользование: Россия, мир (взгляд в буду-

мельной собственности. Тем самым эти земельные участки находились в постоянном движении (отводились для иных нужд, не использовались, забрасывались и т.д.), однако достоверные данные о сельскохозяйственном землепользовании на сегодняшний день отсутствуют. Четвертая часть земельных долей в стране (около 27 млн га) и на сегодняшний день остается невостребованной, так как их собственники не получили документов о правах на землю, или, получив их, не предприняли каких-либо действий по распоряжению земельными долями. Из-за неурегулированности отношений с земельными долями на практике хаотично используются земли бывших колхозов и совхозов (более 120 млн га), которые не были включены в площадь земельных долей, что делает крайне неустойчивым землепользование сельскохозяйственных организаций и, как следствие, — отсутствие долгосрочных интересов в сфере сельскохозяйственного производства и экономической реализации земельной собственности, имеет место нарушение экосистем и экологического состояния земель, спекуляция землей¹.

Проводимая сегодня земельная реформа основана на идее превращения российских крестьян в титульных собственников с закреплением за ними права собственности на земельные участки, выделением их в натуре. Реформа сопровождается привлекательными лозунгами превратить крестьян в «настоящих собственников». На самом же деле, если реформа будет завершена в том виде, в каком ее затеяли, то можно не сомневаться в том, что траектория практически реализуемой концепции реформирования земельной собственности в соответствии с «хореодным эффектом»² приведет нынешнюю Россию к современному изданию столыпинской реформы³. Результатом подобного подхода неизбежно становится спекуляция землей, а свободный рынок земли неизбежно будет эволюционировать в сторону формирования слоя латифундистов, в том числе также и зарубежных, паразитически присваивающих земельную ренту. Сторонники спекуляции землей замалчивают, а может, целенаправленно добиваются того, чтобы посредством легитимизации этого процесса было положено начало аннексии российских земель и массовой бескровной оккупации России. Она лишь вначале будет носить скрытый, теневой характер, однако впоследствии все формальные рамки будут переступлены и

армии финансовых завоевателей хлынут в страну, не признавая никаких российских регламентов⁴. К тому же технологии захвата земель денежным капиталом сегодня доведены до совершенства. Как только земли (обычно наиболее ценные) становятся коммерческим активом и предметом финансовых спекуляций, они неизбежно переходят в руки теневых покупателей и кредиторов⁵, которые, становясь титульными собственниками, получают также и право на паразитическую форму дохода — ренту.

Сегодня земельная реформа зависла на стадии выделения долей, но еще не прошло межевание, выделение земельных участков в натуре и оформление титульной собственности. В этой ситуации радикально настроенные сторонники аграрных реформ требуют скорее довершить реформу и сделать всех крестьян реальными собственниками. При этом они ссылаются на, по сути, ставшее предрасудком и к тому же глубоко ошибочное мнение о том, что логическая завершенность земельной реформы в виде выделения земельных участков в натуре сделает их настоящими собственниками, поскольку они могут эти участки продать, заложить и т.д. На самом деле именно этот путь представляется самым коротким путем для отчуждения крестьян от земли. Совершенно очевидным является то, что узакониванием частной собственности на сельскохозяйственные земли, формированием теневого оборота земли обеспечивается прямое выталкивание земли в сферу спекуляции в условиях сегодняшней ее практически нулевой цены. Все это неминуемо приведет к скупке земель за бесценок, поскольку при низкорентабельном производстве как результате нынешней аграрной политики, сельскохозяйственные угодья не образуют земельной ренты как основы рыночной оценки (цены) земли. В этой связи «титулизация» собственности крестьян будет иметь последствия, аналогичные ваучеризации: немногие владельцы денежного капитала скупают основные массивы земли, и с концентрацией земель в руках немногих произойдет массовое отчуждение крестьян от земли как главного ресурса сельскохозяйственного производства.

Особую актуальность для России приобретает проблема потерпевших, обманутых земельных пайщиков. С 2006–2007 гг. количество совершенных преступлений растет настолько лавинообразно быстро, что суды и прокуратуры с ними уже не справляются. Процветает высокодоходный спекулятивный рынок сельскохозяйственных земель, связанный с дешевой скупкой земельных долей у сельских жителей с последующей их перепродажей

¹ См.: Лойко П.Ф. Землепользование: Россия, мир (взгляд в будущее). Кн. 1. С. 103–104.

² См.: Макаров А.Н. Реализация земельной собственности: Системный институционально-эволюционный подход. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. С.132–137; Он же. «Аристотелевско-платоновский» спор, «теневизация» и «эффект тropy» в формировании земельной собственности // Управление собственностью: теория и практика. 2008. №4. С.30–41.

³ См. об этом: Резников Л., Мелентьев А. К обоснованию левodemократической реформационной альтернативы // Российский экономический журнал. 2004. №7. С.18.

⁴ См.: Экономический рост и вектор развития современной России / под ред. К.А.Хубиева. М.: Изд-во МГУ: ТЕИС, 2004. С.714–720.

⁵ См.: За кулисами становления экономических теорий. От теории — к коррупции / М. Гэффи, Г.Титова, Ф. Харрисон. СПб., 2000. С.272.

по рыночной цене с изменением категории земель¹. Тем более для этого созданы благоприятные условия. Например, в Республике Татарстан в ряде муниципальных образований обладатели земли добровольно отказались от нее, а в 32 районах республики работа в этом направлении не проводилась вообще. Кроме того, 535 тысяч гектаров земельных долей (11 процентов от общих площадей) сельскохозяйственного назначения до недавнего времени оставались невостребованными, их собственники не распоряжались ими в течение трех и более лет с момента приобретения прав на них².

За годы земельных преобразований накопилось много проблем в сфере действующего земельного законодательства. Правовой механизм регулирования отношений, связанных с земельными долями, сегодня еще далек от завершения. В настоящее время в стране действует более одной тысячи законодательных актов на федеральном уровне, регулирующих земельные отношения. Причем большинство из них носит декларативный характер, позволяя чиновникам на местах трактовать их в зависимости от ситуации, практически формируя в Российской Федерации неимоверно бюрократизированные земельные отношения. В этой связи следует отметить, что во многих странах управление земельными ресурсами является наиболее коррумпированной из государственных услуг. Частыми явлениями при распределении государственных земель и управлении ими являются нарушение законов и открытое мошенничество. Плата за пользование землей порой очень высока³. Во многих развивающихся странах значительная часть судебных процессов касается споров также по поводу земельной собственности. Неразрешенные конфликты не только угрожают суды и сдерживают инвестирование, но и могут снизить продуктивность использования земельных ресурсов, формировать неэффективные фрагментарные модели экономической реализации земельной собственности⁴.

Вследствие разногласий и противоречивости ряда земельных законов, их произвольного толкования некомпетентными лицами, имеющими право принимать решения, вызывающие юридические последствия, на местах возникли крупные нарушения в области приватизации земельных участков, снимающие какие-либо ограничения на изменение функционального назначения любой земельной собственности. Следствием этого являются самовольный захват, уклонение от оформления прав на

землю и от уплаты земельных налогов, незаконное предоставление и изъятие земель, несанкционированное выведение из сельскохозяйственного оборота и сокращение площади плодородных земель, коррупция, спекуляция земельными участками и другие негативные явления, отрицательно сказывающиеся на развитии сельскохозяйственного производства. Так, в настоящее время из 115 млн га сельскохозяйственных угодий, переданных в общую долевую собственность в виде земельных долей без определения на местности границ, «полностью легальный» земельный клин может быть представлен: земельными угодьями, всего площадью в 2,8 млн, оформленными в собственность сельскохозяйственных организаций (которые к тому же едва ли не все уже заложены в банки); 14,3 млн га, возделываемыми на правах аренды с государственной регистрацией договоров. Таким образом, 82 % земли обрабатывается на «птичьих правах», в том числе: в аренде без госрегистрации договоров 54,6 млн га⁵; 24,5 млн га возделываются вообще без оформления каких-либо документов, которые фактически представляют собой «самозахват» невостребованных долей⁶.

Складывающаяся сегодня ситуация сохраняет и воспроизводит вектор земельной реформы. Этому способствует и то, что сельские жители, являющиеся собственниками земли, живут несопоставимо хуже по сравнению с горожанами и поэтому растут с собственностью за элементарные житейские прибавки⁷. В этой связи значительные площади приватизированных сельхозугодий оказались в России в собственности лиц, не связанных непосредственно с аграрным производством. Львиную долю земельной ренты в неявной форме присваивают производители и посредники с поставляемых в село экономических ресурсов за счет неэквивалентности обмена продукцией. Поэтому можно констатировать, что в сельском хозяйстве появилась значительная часть собственников земельных долей, представляющая собой группу рантье.

К сожалению, в предлагаемом ныне проекте поправок в ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в качестве главных вопросов рекомендованы: установление критериев, по которым можно признать земельный участок неиспользуемым по целевому назначению, а также введение упрощенной процедуры добровольного отказа от права собственности на земельную долю через

¹ См. об этом: Законодательные проблемы противодействия незаконному завладению земельными долями // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2008. №6. С.83–101.

² Демина И. С. уважением к земле (Чтобы она приносила доход, надо повысить эффективность ее использования) // Республика Татарстан. 2009. 3 окт. С.2.

³ См.: Доклад о мировом развитии 2008. Сельское хозяйство на службе развития. С.157.

⁴ См.: Макаров А.Н. Реализация земельной собственности: Системный и институционально-эволюционный подход. С. 313–319.

⁵ Пока такая форма допустима, но предполагается, что после 27 января 2011 года эти договоры по закону станут нелегитимными. Хотя регистрировать эти договоры невозможно, поскольку не оформлены права собственности на землю.

⁶ См.: Чкаников М. Земля пришла в движение // Российская газета. 2010. 10 февр. С.1, 5.

⁷ «Большинство граждан писали заявления о внесении своих паев в капитал новопеченного АО, получая взамен тонну картошки или еще что-то полезное, но несопоставимое со стоимостью земли» (Левакова И.В. Земельный рынок – утопия или реальность? // Проблемы местного самоуправления. 2006. № 1(17). С.60).

регистрационные палаты (иначе в соответствии с действующим законодательством это можно сделать только по решению суда путем признания земельной доли «бесхозным» имуществом, при этом период перехода прав растягивается почти на три года)¹. Предложенные здесь меры ни в коей мере не направлены на разрешение принципиальных проблем земельной реформы и на преодоление кризиса путем изменения ее вектора на создание условий для экономической реализации земельной собственности. Сформулированные рекомендации сводятся в основном к удешевлению и максимальному упрощению процедуры межевания, оформления прав титульной собственности крестьян, т.е. концептуально поддерживается аграрная реформа, которая нацелена на приватизацию земель сельскохозяйственного назначения и сводится к неуклонному закреплению частной собственности на них. Доведение аграрной реформы до логического конца создаст условия для экономической реализации частной собственности путем присвоения титульными собственниками паразитической формы дохода в виде земельной ренты, которую будет уплачивать общество через уровень цен сельхозпродукции.

В то время как «в XXI веке требуется введение новых форм землепользования и землевладения. Как часть среды обитания, земля сельскохозяйственного назначения становится объектом жизненных интересов всего общества»². В этой связи выход из сложившейся ситуации в области отношений земельной собственности связан с решительным отказом от ультралибералистских постулатов и позитивной разработкой концепции корректировки земельной реформы. При этом структуру земельной собственности как системы следует рассматривать на трех уровнях: 1) функциональное использование земли для сельскохозяйственного производства; 2) предпринимательское землевладение; 3) титульная собственность, с соответствующими каждому уровню субъектами, а именно: наемный работник, предприниматель и титульный собственник, и формами их доходов: заработная плата, прибыль, рента. Основная идея в проведении реформы земельной собственности должна быть в том, чтобы главной фигурой в аграрном секторе с индивидуальной и общественной точки зрения выступал не титульный собственник земли, а предприниматель, т.е. производитель сельскохозяйственной продукции.

Имеющиеся теоретические и практические аргументы, а также исторический опыт многих стран, доказывают, что для эффективного предпринимательства титульная собственность не требуется ни на одной из фаз воспроизводства. Как теорией, так

и историческим опытом многих стран доказываются, что концентрация земель у эффективно хозяйствующих субъектов и оптимизация размеров землепользования, устойчивость и эффективность системы земельной собственности и ее экономической реализации могут быть обеспечены в условиях государственной собственности доступом производителей сельскохозяйственной продукции к земельным ресурсам на уровне владения (одной из эффективных форм которой является аренда). И данный уровень является внутренним системообразующим фактором отношений собственности на землю. Именно данный уровень необходим и достаточен для того, чтобы аграрная реформа в России стимулировала не размножение власти титульных собственников, притягивающих паразитические формы доходов, а предпринимателей – создателей реальных благ, от которых зависит вся аграрная цивилизация. Именно для предпринимательского землевладения необходимым и достаточным является уровень экономической власти арендатора. Данный уровень делает возможной эффективную реализацию земельной собственности, позволяя контролировать процесс создания благ, распоряжаться результатами производства, контролировать финансовые потоки. В этом случае в качестве сделки на рынке будет выступать не право собственности на земельный участок, а право пользования им, то есть хозяйствования на нём. Это будет способствовать обеспечению доступа к земле всех граждан, способных заниматься сельскохозяйственным производством, поскольку приобретение участков в аренду является менее капиталоемким и не требует больших и одновременных затрат.

Таким образом, суть конструктивной позиции в этом вопросе состоит в развороте аграрной реформы в сторону максимального благоприятствования предпринимательскому землевладению, созданию массового производителя сельхозпродукции при сохранении титульной собственности за государством. Для стимулирования же появления массового производителя сельскохозяйственной продукции необходимо заморозить титулизацию собственности, сохранив ее за государством. Продолжая выдвинутую ранее идею «очистительной» роли кризиса, следует заметить, что в России сегодня сложилась уникальная ситуация, когда еще не состоялась экспроприация земли частными собственниками. И это оставляет возможность реального решения проблемы собственности на землю и ее экономической реализации в интересах всего общества. В сложившихся условиях следует замораживать земельную реформу по части натурализации паев. Исходя из данной концепции, претензии на выделение в натуре земельных участков должно производиться, во-первых, на конкурсной основе; во-вторых, исключительно для производства сельхозпродукции и без права продажи и залога, но и без арендной платы. А тем, кто претендует на нату-

¹ См.: Бухарова О. Земля на птичьих правах // Российская газета. 2010. 9 февр. С.5.

² Общая экономическая теория: вводный курс. В 3 кн. Кн.1: учеб. пособие С.255.

реализацию своих долей, выделить участки с целевым назначением и на конкурсной основе без арендной платы. Данная модель интенсифицирует аграрную реформу в сторону развития предпринимательства. Причем доступ к сельскохозяйственному предпринимательству будет иметь каждый, кто этого пожелает, правда, на конкурсной основе.

Конструктивность предложенной нами позиции подтверждается и мировым опытом. Хотя бурное развитие инноваций в последние годы охватило множество стран и рынков, однако в сфере поддержки мелких земельных собственников остаются огромные институциональные пробелы, а рынки земли по-прежнему несовершенны и неэффективны. Финансовые рынки все еще подвержены асимметричному доступу на рынки и неравному распространению информации. Несмотря на стремительное развитие финансовых услуг, большинство земельных собственников по всему миру до сих пор не обладает доступом к услугам, необходимым для конкуренции на рынке. Рынки средств производства характеризуются низкой эффективностью за счет малых масштабов и деформируются из-за субсидий, которые приносят выгоду только крупным землевладельцам. Как известно, многие республики бывшего СССР полностью или частично распродали или приватизировали государственные банковские программы. В странах Центральной и Восточной Европы около 50% мелких земельных собственников говорят о том, что финансовые ограничения являются для них основным препятствием к росту и расширению бизнеса. Основная причина возникновения этой проблема состоит в том, что кредиторы предлагают лишь ограниченное число финансовых продуктов и, как правило, предъявляют высокие требования к обеспечению кредита. Поэтому продвижение, совершенствование и даже создание сельских институтов для поддержки широкого спектра финансовых операций в сельском хозяйстве – одна из основных проблем, с которыми сталкиваются правительства ряда стран¹. В этой связи существует точка зрения, что развитие рынков купли-продажи земли повышает стимулы к

осуществлению инвестиций и создает основы для использования земли в качестве обеспечения кредитов. Однако несовершенство других рынков и прогнозы повышения цен на землю влияют на продажу земельных площадей больше, чем на их аренду, приводя к тому, что в результате продажи земля не всегда переходит к более эффективным производителям.

Как подтверждает практика многих стран, рынки продажи земли сегодня менее развиты, подвержены влиянию изменений жизненного цикла и обладают меньшим потенциалом для перераспределения доходов, чем рынки аренды земельных площадей. Исторически сложилось, что большинство продаж земли происходило в условиях спада, когда несостоятельные землевладельцы должны были передавать свои земли ростовщикам, которые в результате могли сосредоточить в своих руках огромные земельные площади². Выявлено влияние аренды земельных площадей на структуру занятости, уровень продуктивности земель и благосостояние населения. Кроме того, аренда земель повысила уровень продуктивности, повысила чистый доход от арендованных земельных участков примерно на 60% за счет перехода земельных площадей от собственников, не способных или не заинтересованных осуществлять аграрные виды деятельности. В развитых странах около 50% сельскохозяйственных угодий арендуются зачастую с заключением сложных контрактов. В развивающихся странах площади арендных земель возрастают там, где ранее эта форма землепользования не была распространена, например, в Восточной Европе; во Вьетнаме, где доля фермеров, арендующих землю, за пять лет возросла в четыре раза и составила 16%; и в Китае, где аренда земли позволяет сельским общинам справляться с широкомасштабной миграцией, где рынки аренды земли значительно способствовали диверсификации в сельском хозяйстве и росту доходов в рамках стремительно растущей экономики страны.

При этом функции государства по регулированию земельных отношений определяются необходимостью рационального использования сельскохозяйственных угодий, прежде всего для обеспечения продовольственной безопасности страны и улучшения социально-экономического положения селян. Необходимость государственного регулирования земельных отношений диктуется еще и тем, что следствием приватизации государственной собственности, в том числе земельных участков, стали деформация экономики страны, расслоение общества на очень богатых и бедных, рост социальной напряженности в обществе, преступности и т. д.

¹ Следует отметить, что здесь существует множество альтернатив. Во многих странах вновь возникают финансовые кооперативы и их объединения как перспективные институты сельскохозяйственного финансирования, сочетающие преимущество пространственной близости с современными инструментами. Благодаря тому, что эти кооперативы находятся непосредственно в сельских районах, трансакционные издержки у них, как правило, ниже, чем у других финансовых институтов. Институты по сельскохозяйственному финансированию, спонсируемые государством, достигли высоких результатов во многих сейчас уже развитых странах, в том числе в Республике Корея и в Китае. Однако немало развивающихся государств, где правительства по совершенствованию финансовых рынков в сфере сельского хозяйства на практике приносят больше вреда, чем пользы, значительно искажая рыночные цены, подрывая и вытесняя частные финансовые институты и приводя к возникновению централизованных, неэффективных и зачастую переукомплектованных бюрократических структур, узурпированных политиками.

² См.: Доклад о мировом развитии 2008. Сельское хозяйство на службе развития. С.159.

В.Н.Косторниченко,
д.э.н., главный редактор журнала
«Управление собственностью»

РАЗВИТИЕ КОНЦЕССИОННОГО ДЕЛА В РОССИИ КАК ИСТОЧНИК ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКУ

Незавершенность реформ в современной России обусловлена, прежде всего, проблемами структурной перестройки. Их разрешение требует привлечения значительных внутренних и внешних капиталовложений, что становится важнейшей общенациональной задачей. Однако о решении этой задачи приходится говорить гипотетически: инвесторы вообще не торопятся вкладывать средства в экономику. Надежды некоторых отечественных экономистов на то, что общая либерализация экономики и макроэкономическая стабилизация приведут к значительной активизации инвестиционного процесса в стране, к существенному притоку иностранных капиталовложений, не оправдались. Ведущий специалист по западным инвестициям в СНГ П. Фишер отмечает: «Наивно думать, что прямые иностранные инвестиции придут сами без специальной концепции и организации этого процесса по мере того, как будет достигнута финансовая стабилизация в области макроэкономики... Подобная стратегия должна переходить на микроуровень, поскольку это именно та среда, в которой иностранный капитал будет работать и реализовывать свои проекты». Эти слова, по нашему мнению, относятся в полной мере и к внутренним капиталовложениям. При этом эксперты указывают на то, что чем серьезнее проблема «инвестиционного голода» в стране, тем выше потребность в наступательном характере этой стратегии.

Отсюда вытекает императив разработки конкретных механизмов по активному привлечению иностранного и отечественного капиталов. Одним из наиболее действенных и проверенных временем механизмов такого порядка являются концессии, которые широко применяются для решения инвестиционных задач в наиболее «проблемных» секторах экономики.

Классическим примером удачного использования концессий является отечественный опыт нэпа 1920-х гг. В этот период система концессий позволила не только восстановить разрушенное Гражданской войной хозяйство, но и стала впоследствии основой мощного индустриального развития страны. Модернизация всего советского производства 1920-х годов, проектирование и строительство практически всех советских заводов, создание новых отраслей промышленности были во многом обеспечены за счет заключенных концессионных соглашений с иностранными фирмами. Свыше 80%

этих концессий было сосредоточено в добыче золота, серебра, свинца, марганца, нефти, в производстве цветных металлов, алюминия, в эксплуатации лесных, рыбных ресурсов, в автомобилестроении, в машиностроении, электроэнергетике и т.п.

Современная экономическая практика также содержит многочисленные примеры удачного использования концессий. Применение концессий позволило Китаю стать вторым в мире (после США) получателем прямых иностранных инвестиций. Широко используются концессионные соглашения и в практике развитых стран. Так, в Испании на базе концессионных соглашений были построены платные автомагистрали. В период действия концессии (35 лет) концессионер был гарантирован от отрицательного воздействия инфляции и колебаний валютных курсов и других неожиданностей. На такой же основе Великобритания и Франция строили тоннель под проливом Ла-Манш.

Но концессионные соглашения используются не только при строительстве дорог, мостов и тоннелей. Так, в Германии, Франции и США на основе концессионных контрактов строятся и эксплуатируются объекты водочистки и водоснабжения.

В области природопользования концессии применяются особенно широко. Во Франции, в Италии, Испании и Португалии и других странах континентальной системы права используются горные, лесные, водные и иные концессии. Концессии на минеральные ресурсы также весьма распространены. Например, на разработку нефтяного шельфа в Северном море были заключены концессионные контракты между нефтяными компаниями и правительствами Великобритании и Норвегии.

В сегодняшней отечественной экономической практике концессии не получили необходимого распространения, вопрос о концессиях слабо изучен. Поэтому, прежде всего, необходимо ответить на следующие вопросы: что такое концессия и какова сфера ее применения? В чем достоинства концессий по сравнению с действующей сегодня в России лицензионной разрешительной системой?

В современном праве *под концессией понимается режим коммерческого использования государственной или муниципальной собственности*. При этом государство (через свои органы и компании) или муниципалитет заключают с пользователем концессионный договор, согласно которому предпринимателю передаются на определенный срок и

на определенных договором условиях находящиеся в общественной собственности объекты.

С точки зрения инвесторов концессионная система имеет ряд несомненных *преимуществ перед лицензионной системой*, получившей распространение в России.

1. Концессия дает возможность инвестору взаимодействовать с государственными органами, компаниями и муниципалитетами в рамках гражданско-правовых отношений.

Серьезным недостатком лицензионной разрешительной системы является то, что она базируется на нормах административного права, т.е. на отношениях власти и подчинения. Эти нормы предполагают, что государство и его органы всегда пользуются иммунитетом (неприкосновенностью) и не могут быть участниками судебного разбирательства. Концессионный договор базируется на гражданском праве, т.е. в таком договоре одной из сторон выступает государство, в лице какого-то государственного органа или предприятия, а другой – частное, как правило, юридическое лицо – концессионер. В этом случае государство, отказываясь от своего так называемого суверенного иммунитета, участвует в гражданском обороте как равноправная с концессионером сторона. Государство несет и обязанности, и права, государству можно вчинять иски, по решению суда на него могут налагаться санкции и т.п. Таким образом, концессия как договорная форма экономических отношений между государством и предпринимателем в отличие от административной системы имеет неоспоримое преимущество, заключающееся в том, что государство выступает равным субъектом правоотношений с концессионером, и это является привлекательным фактором для частных инвесторов. Совершенно очевидно, что серьезным инвесторам, настроенным на долговременное сотрудничество, более выгодно вести отношения, базирующиеся на гражданском праве, чем на административном, и иметь дело со стороной, подсудной обычным коммерческим, торговым, арбитражным или даже третейским судам.

2. *Концессия является более приемлемой для инвестора в плане налогообложения.*

Передаваемые в концессию объекты находятся, как правило, в неконкурентных или ограниченно конкурентных сферах экономики (недропользование, коммунальная собственность, строительство автомобильных дорог). Вследствие этого пользователи вправе рассчитывать на специальный (льготный) налоговый режим, заключающийся в волеизъявлении сторон в индивидуальном концессионном договоре. В данном случае это не означает, что по каждому договору устанавливается индивидуальный налоговый режим и получается каждый раз непредсказуемый результат. Скажем, в сфере при-

родопользования специальный налоговый режим жестко формализуется, при этом учитываются основные параметры – особенности эксплуатации недр, категория получаемого сырья, развитость инфраструктуры, удаленность и ряд других моментов. Это дает возможность разработать дифференцированные режимы налогообложения по разным типам и видам природных ресурсов. Предоставление того или иного налогового режима обуславливается формальными признаками, например, региональным расположением объекта природопользования, объемом инвестиций, общим экономическим значением для развития страны и региона. Обычно льготный налоговый режим действует в течение зафиксированного контрактом срока, т.е. до момента достижения определенного уровня рентабельности, необходимого для выплат налогов и полноценной работы концессионного предприятия.

3. *Концессионное соглашение содержит так называемую «дедушкину оговорку», т.е. гарантирует выполнение принятых в нем условий на весь заключаемый соглашением срок независимо от изменений в законодательстве.* В данном случае концессионер получает предсказуемое налогообложение и защиту от многочисленных поправок в далеко еще не сформировавшихся законах и административных актах России.

С точки зрения государственных и муниципальных органов концессия также обладает рядом достоинств.

1. *Концессия позволяет привлечь инвестиции в долго окупаемые и малорентабельные проекты.*

Чтобы привлечь для их разработки частный капитал надо создать для инвестора такие условия, чтобы он был согласен на протяжении десятков лет вкладывать собственные, частные средства в разработку российских недр. Только в этом случае государство получает от реализации проектов, осуществляемых на деньги инвесторов, дополнительные «внеплановые» доходы в бюджет.

В коммунальной сфере выгода также весьма ощутима. Заключая договор о концессии, государство и муниципалитеты снимают с себя обязанности по управлению зачастую убыточными коммунальными предприятиями, получают возможность сократить государственные расходы за счет привлекаемых средств концессионера, а сэкономленные средства использовать в социальной сфере, жилищном строительстве и т.п.

2. *Концессия позволяет привлечь к управлению государственной и муниципальной собственностью более эффективного управляющего.*

Частный управляющий-концессионер, работающий по гражданско-правовому договору за вознаграждение, напрямую связанное с результатами его труда, будет эффективнее назначенного государ-

ственного чиновника, работающего фактически за получаемое из бюджета «жалованье», не связанное напрямую с результатами его труда.

3. *Концессия позитивно влияет на ситуацию в экономике страны в целом.* Она содействует:

- привлечению передовой иностранной техники и технологий, улучшению организации и методов производства (в соответствии с требованиями внутреннего и особенно внешнего рынка);
- повышению конкурентоспособности отечественных предприятий через конкуренцию и пример более высокой организации;
- увеличению капитальных фондов государства благодаря переходу в его руки имущества концессионных предприятий по истечении сроков действия ряда договоров;
- росту государственных доходов через налоги, долевые отчисления, займы, связанные с концессиями;
- улучшению расчетного и валютного баланса страны через приток иностранной валюты и уменьшение импорта, зависящего от усиления отечественного экспорта; благоприятствованию условиям внешней торговли (в том числе более выгодному кредиту);

- повышению спроса на продукцию отечественного машиностроения и другие предметы промышленного потребления со стороны концессионных предприятий;

- увеличению товарности хозяйства, производства товаров для экспорта и для личного потребления рабочих и служащих концессий, созданию новых производств;

- подготовке квалифицированных кадров для отечественных компаний, росту занятости населения, формированию социальной инфраструктуры, относящейся к концессионным предприятиям;

- расширению международных экономических и политических связей страны в целом.

Таким образом, отмеченные выше достоинства концессий, ее преимущества в сравнении с лицензионной системой дают основания говорить *о необходимости целенаправленного развития концессионного дела в стране как важнейшего средства по привлечению в страну внутренних и внешних инвестиций.*

РЕФОРМИРУЕМАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

НИЖЕГОРОДЦЕВ Роберт Михайлович,
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт проблем управления РАН, г. Москва.

КВАЗИМОНОПОЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ФИРМ НА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКАХ: ПРОБЛЕМА РАВНОВЕСИЯ И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

1. Квaziмонополюльная стратегия фирмы

Квaziмонополистом называется экономический агент, рыночное поведение которого способно сместить точку ценового равновесия на отраслевом рынке при условии неизменности прочих параметров рынка.

Квaziмонополюльная стратегия фирмы предполагает наличие определенных рутин, шаблонов поведения, выражающих отрицание принципов совершенной конкуренции, а именно:

- попытки квaziмонополиста контролировать цены отраслевого рынка или хотя бы влиять на них,
- попытки ставить барьеры для входа на рынок других фирм,
- попытки захвата рыночных ниш путем дифференциации продукта,
- попытки максимально полного учета общественного спроса посредством проведения ценовой дискриминации,
- попытки использовать асимметричность информации или вовсе монополизировать информацию о состоянии отраслевого рынка.

Пусть состояние однопродуктового отраслевого рынка описывается в координатах (Q, P) , где Q — объем производства продукта, P — цена единицы продукта (рис. 1). Пусть $Q = D(P)$ — функция спроса, выражающая зависимость объема спроса на создаваемое экономическое благо от цены единицы этого блага. Обозначим обратную функцию D^{-1} через W : кривая спроса в координатах (Q, P) выглядит как $P = W(Q)$. Поскольку спрос на продукт убывает с ростом его цены, то обратная к D функция W тоже

будет монотонно убывающей по Q : $\frac{dW}{dQ} < 0$.

Как известно, на любом квaziмонополюльном рынке объем производства Q_0 определяется квaziмонополистом исходя из принципа равенства предельной выручки MR и предельных издержек MC , а складывающаяся при этом «квazиравновесная» цена единицы блага определяется спросом, т.е. $P_0 = W(Q_0)$. «Равновесие» квaziмонополиста в данном случае традиционно понимается как состояние от-

сутствия внутренних побудительных мотивов для изменения рыночной стратегии.

Заметим, что предельная выручка квaziмонополиста $MR(Q)$ убывает с ростом Q , причем убывает быстрее, чем кривая спроса $W(Q)$, поскольку потребители, предъявляющие спрос на данный продукт, оценивают приращение своей функции полезности от обладания данным благом выше, чем продавец этого блага. Математическое доказательство этого факта достаточно просто:

$$MR(Q) = \frac{dTR}{dQ} = \frac{d(P \cdot Q)}{dQ} = \frac{d}{dQ}(W(Q) \cdot Q) = W(Q) + Q \cdot \frac{dW}{dQ} < W(Q),$$

где $TR(Q)$ — валовая выручка производителя, равная произведению цены единицы блага P на объем продаж Q .

Барьеры входа-выхода, которые существуют в отрасли, достаточно условно можно разделить на две большие категории: стоимостные и институциональные.

К *стоимостным* барьерам относятся:

1. Высокие первоначальные издержки (большой объем примененного в производстве капитала). Этот барьер преодолевается, в частности, посредством кредита.
2. Положительный эффект масштаба при крупном производстве (высокие объемы производства делают его более рентабельным).

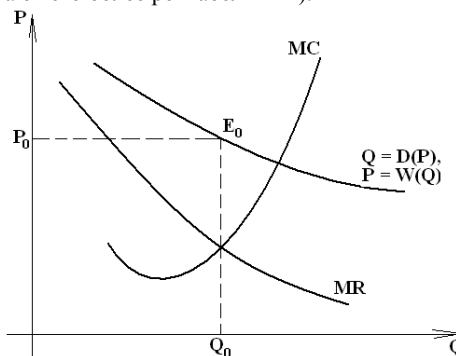

Рис. 1. Равновесие квaziмонополиста на отраслевом рынке

3. Высокая себестоимость продукта. Причины этого факта могут быть весьма различны: слишком отсталая (или, наоборот, слишком передовая и до-

рогостоящая) технология, нерациональное территориальное размещение производства, неоптимальная структура хозяйственных связей и т.д.

4. Неблагоприятная конъюнктура в данной отрасли или общий спад производства.

5. Демпинг со стороны конкурентов (либо ценовая война, развернувшаяся на данном отраслевом рынке).

К институциональным барьерам относятся:

1. Лицензирование, квотирование или прямой запрет на определенные виды деятельности.

2. Сертификация качества и стандартизация продукта (определенные детали должны быть сделаны с определенной нормативной точностью, химический состав нефтепродуктов должен соответствовать неким стандартам и т.п. — это технологические проблемы, решение которых представляет собой барьер для входа в отрасль).

3. Устойчивые предпочтения потребителей. Существуют группы отраслей, в которых между поставщиками и смежниками складываются прямые длительные хозяйственные связи. В некоторых случаях (например, в периоды, когда риски по каким-то причинам возрастают) потребители предпочитают проверенных, известных им поставщиков. В особенности это касается проблемы выхода на зарубежные рынки: продукт может быть достаточно хорош, но он чужероден, не соответствует культурным традициям и предпочтениям потребителей, и они этот продукт не берут.

4. Ограничения доступа к ресурсам. Это могут быть любые специфические активы (плодородная земля, источники сырья, человеческий капитал, научно-техническая или экономическая информация) и некоторые виды неспецифических активов.

5. Государственная поддержка конкурентов. В данном случае неважно, это поддержка финансовая или институциональная, на внутреннем рынке или на внешних, поддержка зарубежных конкурентов или отечественных, осуществляет ее ваше собственное правительство или государственные органы других стран. В любом случае сам факт государственной поддержки конкурентов выступает институциональным барьером для входа в отрасль.

Существуют также психологические барьеры, влияние которых на развитие отраслевых рынков не следует недооценивать.

Заметим, что дифференциация продукта и ценовая дискриминация действуют в некотором смысле в противоположных направлениях. Усиление дифференциации продукта поднимает кривую спроса W , увеличивая ее отрыв от кривой MR (стрелка 1 на рис. 2) и способствуя повышению «квазиравновесной» цены P_0 : чем сильнее дифференциация, тем ближе квазимонополюльный рынок к монополистическому, тем дальше он от состояния совершенной

конкуренции. Ценовая дискриминация, напротив, направлена на то, чтобы продать каждую единицу данного экономического блага по цене ее спроса, т.е. по максимально высокой цене, которую готов заплатить за нее какой-либо потребитель. Тем самым важнейшая цель, преследуемая фирмой, применяющей ценовую дискриминацию, заключается в том, чтобы поднять кривую MR и максимально сблизить ее с кривой спроса (стрелка 2 на рис. 2), увеличивая тем самым «квазиравновесный» объем производства Q_0 .

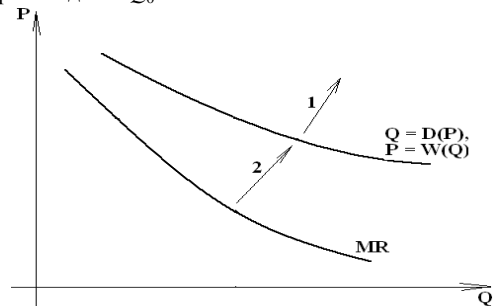

Рис. 2. Стратегия квазимонополиста на отраслевом рынке

Соотношение этих двух (отнюдь не исключаящих друг друга) составных частей конкурентной стратегии фирм-квазимонополистов определяется состоянием и тенденциями развития конкретного отраслевого рынка.

2. Долгосрочное равновесие на рынке монополистической конкуренции

Большинство моделей рынка монополистической конкуренции исходит из факта наличия на этом рынке достаточно большого числа фирм, приблизительно равных по своим возможностям воздействия на цены и структуру этого рынка и пытающихся занять свою долю рынка главным образом за счет дифференциации продукта и сегментации рыночных ниш.

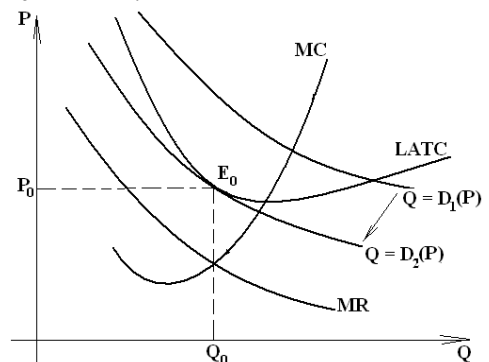

Рис. 3. Равновесие немонополистической фирмы на рынке монополистической конкуренции

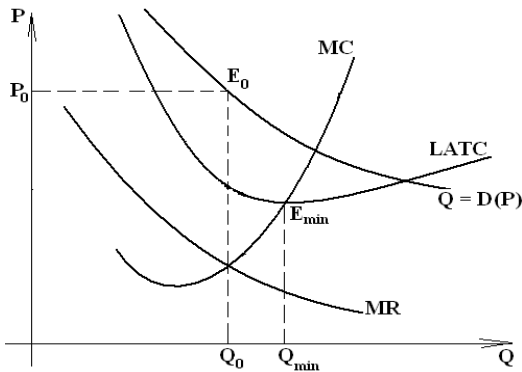

Рис. 4. Равновесие квазимонополиста на рынке монополистической конкуренции

В этих условиях ни одна из присутствующих на рынке фирм не выступает квазимонополистом в собственном смысле этого слова, и ни одна из них в состоянии долгосрочного равновесия не получает экономическую прибыль. Это объясняется тем, что в случае краткосрочного получения фирмами экономической прибыли (этой ситуации соответствует кривая спроса D_1 на рис.3) новые производители будут входить на данный отраслевой рынок до тех пор, пока кривая спроса не понизится до состояния D_2 , в котором она будет касаться кривой долгосрочных совокупных издержек $LATC$, и ни один из участников рынка не получит экономической прибыли.

Это рассуждение, которое с удручающей частотой воспроизводят современные учебники экономической теории, характеризует равновесие *немонополистической фирмы* на рынке монополистической конкуренции. Между тем стоит напомнить, что монополистическая конкуренция выступает единственным типом отраслевого рынка, на котором присутствуют фирмы *разных типов*, отличающиеся друг от друга степенью воздействия на цены, возможностью проведения ценовой дискриминации, аккумулярованием информации о состоянии рыночных ниш и т.д., — иначе говоря, различающиеся возможностью проведения квазимонопольной стратегии.

Большинство рынков монополистической конкуренции характеризуется наличием относительно небольшого числа квазимонополистов, с которыми конкурирует немонаполистический сектор. Например, такая ситуация традиционно складывается на страновых и региональных рынках информационных продуктов и информационных услуг (в частности, образовательных). Для квазимонополистов, действующих на этих рынках, описанная выше логика неприменима.

Квазимонополист должен получать монополь-

ную прибыль, и залогом этого служит более низкий уровень издержек на единицу продукции, достигаемый квазимонополистом за счет правильного использования асимметрии рыночной информации и создания препятствий для входа на рынок других фирм. Кривая долгосрочных средних совокупных издержек $LATC$ у квазимонополиста проходит ниже, чем у немонаполистических участников того же рынка, и пересекает кривую спроса (рис. 4). Это неустранимое преимущество перед немонаполизованным сектором приводит к получению им экономической прибыли в состоянии долгосрочного равновесия.

3. Регулирование естественных монополий

Фирма-монополист, действующая в условиях естественной монополии, как и любой другой квазимонополист, при установлении цены и объемов производства не ориентируется на величину *средних* издержек, независимо от того, велики они или малы. Решающим является правило равенства *предельных издержек* и *предельной выручки*, получаемой фирмой-производителем в результате продажи предельной единицы создаваемого им экономического блага. В одних случаях «естественный» монополист терпит убытки, и его спасает государство, которое с помощью субсидий поддерживает данный отраслевой рынок. Так функционирует большинство транспортных квазимонополистов — метрополитен, железная дорога и проч. В других случаях (РАО ЕЭС, Газпром и т.д.) «естественный» монополист получает экономическую прибыль, и задача государства заключается в том, чтобы регулировать норму его прибыли, ограничивая ее разумными пределами и в то же время не допуская развала данного отраслевого рынка.

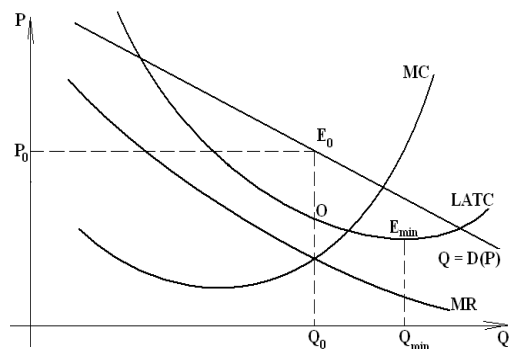

Рис. 5. Естественная монополия в состоянии долгосрочного равновесия

Рассмотрим эту ситуацию подробнее (рис. 5). Задача монополиста — найти объем производства Q_0 , при котором максимальна разница между ценой «квазиравновесия» и величиной средних совокуп-

ных издержек (отрезок OE_0 на рис. 5). Этот «квазиравновесный» объем производства меньше объема выпуска $Q_{\min}$, минимизирующего величину средних совокупных издержек $LATC$. Кривая $LATC$ достигает глобального минимума при весьма значительном объеме производства, что является естественным барьером для входа других фирм в данную отрасль.

Нетрудно заметить, что предлагающиеся время от времени попытки насильственно «расчленив» на части фирму-монополиста такого рода приводят к заметной потере эффективности данного рынка, причем для всех его участников. Пусть в результате преобразований монополия оказалась раздроблена на три приблизительно равные по объему выпуска фирмы, для каждой из которых объем производства составил $Q_1 = Q_0/3$ (рис. 6).

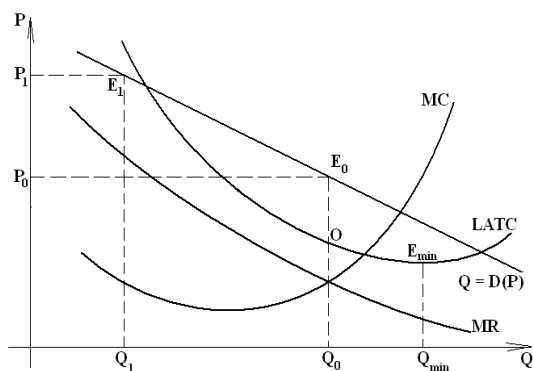

Рис. 6. Результат дробления естественной монополии

Первым и наиболее очевидным следствием дробления естественной монополии становится резкий взлет цен на данном отраслевом рынке: «квазиравновесная» ситуация перемещается из точки E_0 в точку E_1 , а это значит, что в результате разрушения монополии проигрывают потребители. Одновременно с этим снизится прибыль квазимонополистов, а в некоторых случаях их ожидают убытки, которые придется частично покрывать правительству. На рис. 6 изображен именно тот случай, когда при объеме производства Q_1 , установившемся после раздробления естественной монополии, цена единицы продукции в долгосрочной перспективе окажется меньше ее средней себестоимости: кривая спроса в этой точке проходит ниже кривой $LATC$. Следовательно, с макроэкономической (народнохозяйственной) точки зрения данный отраслевой рынок тоже станет менее эффективным: при установленных государством небольших объемах производства фирмы-производители окажутся не в состоянии сами себя прокормить без помощи правительства.

Таким образом, прямое дробление фирм-монополистов с целью искусственного стимулирования конкуренции на отраслевом рынке далеко не всегда оказывается хорошим решением. Следует помнить о том, что развитие конкуренции должно быть не самоцелью, а лишь средством повышения эффективности функционирования отраслевого рынка, и в случаях, когда оно приводит к противоположным результатам, от подобной меры регулирования монопольных рынков лучше отказаться.

В целом ряде случаев государственное регулирование монопольных отраслевых рынков должно сводиться не к подавлению фирм-монополистов, а к их разумной поддержке в интересах защиты потребителей и в целях повышения эффективности данного отраслевого рынка с точки зрения государства.

МОКИЧЕВ Сергей Васильевич,
доктор экономических наук, профессор,
декан экономического факультета
Казанского государственного университета, г. Казань

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Региональная экономическая система как социальное целое находится на этапе, когда кризис в экономике перестает доминировать и уступает место порядку. Но нет ясности, какому именно порядку в макроэкономической системе. Неопределенность существует объективно, как одна из характеристик трансформационной экономики.

Формирование эффективного институционального порядка в региональной экономической системе – достаточно сложный и долгий процесс, так как складывается из большого множества конкретных элементов институциональной структуры и обусловлен степенью отлаженности взаимодействия между ними. Поэтому об институциональном порядке можно судить по способности региональной экономической системы в трансформационной экономике к самоорганизации, предполагающей сочетание необходимости ее структурного преобразования с экономической целесообразностью и политическими возможностями. При этом процессы изменений не должны выходить из руслу эволюции и взаимной трансформации всех элементов региональной экономической системы.

Стабильность институционального порядка в региональной экономической системе время от времени нарушается, сменяясь периодом распада одних институтов и появлением других, и те из них, которые сохраняются, не обязательно являются лучшими. Процесс развития, понимаемый как усложнение институциональной структуры, а также как качественное изменение составляющих ее элементов, выражается в преобразованиях институциональной среды. В этой связи трансформационные процессы составляют содержание изменений институционального порядка, результатом которого является существенное преобразование региональной экономической системы и ее переход в новое качественное состояние.

Поиск эффективной региональной экономической системы исходит из того, что каждая модель региональной системы соответствует строго определенному институциональному порядку, в котором существует набор формальных и неформальных институциональных ограничений. Именно конкретные институциональные ограничения образуют «правила игры».

Проблема возможности институционального порядка связана с разделением властей, которое означает, что принятие законов, их исполнение и кон-

троль за нарушениями законов обеспечивают разные ветви власти: парламент принимает законы; исполнительная власть, правительство действуют в соответствии с принятыми законами; судебная власть наказывает за их нарушение. В таком случае институциональный порядок в регионе означает достаточное согласие (консенсус) исполнительной власти с законодательной.

Процесс трансформации сосредоточивает внимание на легитимности институционального порядка. Легитимный порядок означает, что региональные субъекты ориентируют свое поведение на определенные ценности, а отклонение от них подлежит социальному контролю. Легитимность институционального порядка может быть гарантирована прежде всего внутренней мотивацией региональных субъектов, а также ожиданием воздействия внешней среды. Внутренние гарантии представляются: аффективно-эмоциональной преданностью; ценностно-рационально – верой в абсолютную значимость институционального порядка как выражения непреложных ценностей. Внешний контроль обеспечивается, во-первых, стратегией развития экономики России в целом; во-вторых, российским законодательством, соблюдение которого гарантируется принуждением.

Исходя из этого можно заключить, что институциональный порядок – это консолидированное поведение региональной экономической системы в структуре макроэкономической системы России, которое обеспечивает эффективное удовлетворение потребностей членов общества и осуществление основных функций региональной экономической системы; такое поведение предполагает соответствие между ценностями региональной экономической системы и нормами ее реального поведения. Институционализация власти в экономике региона предполагает расширение модели рационального выбора за счет введения в нее предпосылки неравенства субъектов региональной экономической системы.

Неравенство в отношениях между экономическими агентами порождает власть, где одна сторона выступает в качестве субъекта, другая – в качестве объекта власти. Явление «принуждения» состоит в том, что в случае отказа от подчинения субъект власти создает такую величину потерь или такие издержки для объекта власти, которых невозможно избежать, сократить или компенсировать, действуя

альтернативным подчинению образом. Ключевой мотив в стремлении субъекта обладать экономической властью – экономический интерес. Властный аспект можно выделить в отношениях собственности, обмена, найма, управления производством, в агентских отношениях, отношениях государственного регулирования экономики, то есть там, где находят пересечение интересы хозяйствующих субъектов и государства.

Подход институциональной теории власти в региональной экономической системе состоит в том, что в условиях неравенства экономических агентов и наличия фактора власти издержки производства благ и издержки его присвоения принципиально не совпадают.

В базовой неоклассической модели все транзакции, связанные с обменом правами собственности, выступают как Парето-улучшения, поскольку готовность заплатить за ресурс большую цену отражает готовность использовать его более эффективным образом. Зависимость региональной системы от ресурсов показывает, что она способна выживать в той мере, в которой приобретает и поддерживает свои ресурсы. Ресурсы, которыми наделены регионы неодинаково, обеспечивают им в трансформационной экономике стратегическое преимущество. Ресурсная составляющая региональной экономической системы проявляется наиболее рельефно, если рассматривать региональную систему не статично, а находящуюся в состоянии непрерывного изменения, постоянной трансформации, характеризующуюся высокой степенью инновационной активности. Целесообразно сегодня рассматривать региональную экономическую систему как институт интеграции знаний, в котором реализуются инновации, создаются условия, в которых множество индивидов могут интегрировать свои специальные знания. Динамические способности региональной экономической системы определяют ее ресурсный потенциал в интегрировании, создании и реконфигурации внутренних и внешних компетенций для соответствия быстро меняющейся среде. Динамические способности отражают потенциал региона в достижении новых и инновационных преимуществ.

Ресурсное понимание региональной экономической системы означает существенный разрыв с неоклассической парадигмой. С точки зрения ресурсной парадигмы, состояние региональной экономической системы и ее рыночного равновесия является аномальным: региональная система характеризуется постоянной динамикой, в процессе накопления ресурсов на основе непрерывной инновационной активности она вынуждена разрушать равновесное состояние. Одновременно имеющиеся ресурсы обладают свойством «клейкости», они резко ограничивают мобильность региональной си-

стемы в ее переходах из одного состояния в другое.

В неинституциональной модели препятствиями для достижения Парето-эффективности служат транзакционные издержки и институты, от действия которых зависит величина данных издержек. Это означает, что не все эффективные транзакции совершаются.

При помощи институтов один индивид влияет на другого с целью подчинения его поведения цели максимизации собственной выгоды, реализации экономического интереса. Институты являются "рамками", оформляющими экономические отношения в регионе. Выигрыш от института возникает за счет снижения неопределенности независимо от того, чьи интересы стоят за этим взаимодействием, то есть от того, кто, кого и к чему принуждает, уменьшает неопределенность в отношениях между этими экономическими агентами и тем самым сокращает величину транзакционных издержек [4.С.18–19].

В рамках теории общего равновесия мы сталкиваемся с непреодолимыми проблемами, связанными с поиском возможных равновесий, то есть таких ситуаций, в которых действия и ожидания региональной экономической системы и макроэкономической системы в некотором смысле взаимно согласованы. Во-первых, если в модели взаимоотношений Республики Татарстан и Российской Федерации предполагается существование точки равновесия, то возможна и множественность равновесий. Во-вторых, если равновесное решение единственно, то в модели взаимоотношений нет очевидного механизма, который бы привел экономику субъектов взаимоотношений к равновесному состоянию.

Возникает потребность в модели равновесия региональной и макроэкономической системы ввести предпосылку о рациональных ожиданиях, с помощью которой такие параметры, как убеждения и/или ожидания, задаются внутри модели взаимоотношений в качестве одного из условий равновесия.

Институциональный порядок, формируемый в регионально: человеческий потенциал, материальная база развития первого, инвестиционный потенциал, состояние экономики, финансы, социально-политическая обстановка. Обобщенная оценка уровня развития региона отражает состояние дел по отдельным составляющим, каждая из которых оценивается с учетом соответствующего набора показателей. По каждому показателю должны быть установлены его абсолютное значение, затем доля субъекта РФ в России, далее указано место региона по данному показателю среди всех регионов. Такая схема исследования показателей дает наглядное представление о месте региона в системе субъектов РФ.

Следующий шаг связан с возможностью замены аксиомы рациональности взаимоотношений ссылкой на то, что региональный субъект и макросубъект руководствуются фиксированными правилами независимо от ситуации, в которой они находятся. В процессе своего взаимодействия их убеждения и, возможно, предпочтения изменяются по правилам, которым они следуют, и они оказываются в новой точке.

Таким образом, в исследовании региональной экономической системы и ее взаимосвязи с макроэкономической системой выделяются три области реальности: эмпирическая (опыт и восприятие), неэмпирическая, реально существующая (события и состояние экономики) и "глубинная" (структуры, механизмы, движущие силы и тенденции взаимоотношений). Речь идет не только о том, что эти три области онтологически не сводимы одна к другой, но и о том, что они не "синхронны", их движения не совпадают друг с другом. Опыт взаимоотношений региональной экономической системы с макроэкономической системой не совпадает по времени с событиями, позволяя нам сравнивать и пересматривать восприятие того или иного явления во взаимоотношениях, а события не совпадают во времени с теми механизмами, которые ими управляют.

В условиях трансформации можно исследовать систему данных взаимоотношений с позиции двух теорий. Теория трансцендентального реализма полагает, что система взаимоотношений региона и центра структурирована не транзитивно, то есть, во-первых, не сводима к событиям и, во-вторых, существует независимо от их идентификации. В рамках теории эмпирического реализма, напротив, система взаимосвязей состоит лишь из опыта взаимоотношений и событий, которые также сводятся к опытным данным. Две указанные онтологические теории предполагают различные концепции научного объяснения взаимосвязи региона и центра. В соответствии с эмпирическим реализмом, научное объяснение взаимосвязи с необходимостью ограничивается отысканием постоянных связей между событиями в отношениях двух экономических систем. В соответствии же с трансцендентальным реализмом основным объектом научного объяснения являются не события или постоянные экономические связи, а установление и исследование механизмов, лежащих в их основе. Это суждение можно эксплицировать в виде такой зависимости: уровень институционального порядка $[Y_{инп}]$ измеряется как произведение коэффициента удовлетворенности жизнью в регионе в целом $[K_{уж}]$ и коэффициента соответствия между региональными ценностями и реализуемыми нормами $[K_{с(ц,н)}]$. Можно записать эту зависимость в виде простой формулы:

$$Y_{инп} = K_{уж} \times K_{с(ц,н)}$$

Если поставить в эту формулу эмпирические величины коэффициентов, то получим количественное выражение величины институционального порядка. Например, если $K_{уж}$ имеет значение 0,7 и $K_{с(ц,н)}=0,9$ (из 10 реализуемых норм 9 соответствуют региональным ценностям), то в итоге получим уровень институционального порядка: $Y_{инп}=0,63$. Если $K_{уж}=0,4$ и $K_{с(ц,н)}=0,6$, то получим $Y_{инп}=0,24$. В первом случае это высокий уровень институционального порядка, а во втором случае – низкий. Если первое состояние порядка трансформируется во второе, то, значит, происходит разложение порядка; если движение имеет противоположное направление, то порядок укрепляется.

Конечно, не просто измерить ценности, нормы и степень их соответствия. Это сложная, но решаемая задача. Словом, институциональный порядок – операционализируемое понятие, его можно измерить.

В современном постиндустриальном обществе качественно возрастает роль деятельности региональной экономической системы. Это требует новых подходов к изучению проблемы институционального порядка, в особенности – трансформации прежнего порядка в новый, закрепления нового порядка. Становление региональной экономической системы в постиндустриальном обществе означает непрерывный процесс самообразования и самосоциализации региональной экономической системы в результате постоянно воспроизводимого напряжения между потенциальной деятельностью региона и его нынешней социально-экономической практикой, определение количественных параметров расчета "коридора" безопасности социально-экономического развития региона. Значительное отклонение данного показателя от его среднего значения будет свидетельствовать об увеличении степени региональной экономической угрозы, и наоборот, близость к среднему показателю – об относительной экономической безопасности региона.

Региональные органы власти, разрабатывая политику формирования заработной платы и доходов населения, могут руководствоваться объективными экономическими законами и проводить формализацию связи доходов населения, "потребительской корзины", цен на микро- и мезоуровнях и производительности труда. Устранение региональных экономических угроз связано с поддержанием региона в состоянии "равновесия", с развитием бюджетного федерализма и особенностями межбюджетных отношений в России, с соблюдением интересов территорий разных уровней.

Особую специфику в этот вопрос вносит реформа местного самоуправления, приоритетом которой является конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления. Это, в свою очередь, предполагает распространение трансфертного

принципа на взаимоотношения регионального и местных бюджетов.

На наш взгляд, концепция постиндустриальной региональной экономической системы отражает начало нового этапа в развитии региона. Он означает, с одной стороны, качественное повышение роли региональных экономических систем, а с другой – адаптацию современного региона к постиндустриальному обществу, его социокультурной структуре, саморазвитие региона, появление в нем новых системных качеств – гибкости, способности к самозменению. Благодаря этому обеспечивается как возможность роста активности региона в макроэкономической системе России, так и сохранение способности к саморазвитию.

Региональной экономической системе присуща сложная внутренняя структура, а потому она может вести себя при одних и тех же внешних условиях по-разному, поскольку ее внутренние состояния могут различаться. То есть внутренняя организация региональной экономической системы должна быть такова, чтобы любой исход мог быть выверен из внешних условий, определяемых макроэкономической системой, либо сведен к ним. Равновесие взаимоотношений региона и центра можно интерпретировать как состояние, в котором все экономические действия и/или планы и/или ожидания взаимно совместимы.

С учетом сказанного нетрудно объяснить, почему в рамках соглашений между центром и регионом вновь и вновь возникают различные модификации понятия "равновесие". В рамках соглашений региональная экономическая система стремится к усилению самостоятельности, а значит, закрытости своей системы по отношению к центру, что делает региональную экономическую систему неадекватной глобализирующему миру, ибо глобальная экономическая система открытая. Как объяснить происходящие события? С одной стороны, можно предположить, что неадекватно интерпретируется условие усиливающейся самостоятельности региональной экономической системы, ее закрытость по отношению к центру. В таком случае, очевидно, будет сделан вывод о том, что следует учесть и проанализировать большое количество воздействий внешней среды на региональную экономическую систему. Если же, с другой стороны, возникнут сомнения в правильной формулировке условия внутренней закрытости региональной экономической системы, то последуют попытки уточнения свойств региональной системы.

Чтобы понять, какой тип институционального порядка закрепляется в современной региональной экономической системе, необходимо определить направление процессов институционализации новых отношений, характер утверждающихся соци-

альных институтов. Вместе с тем закрепление порядка зависит от его легитимности, соответствия культуре населения данного региона, прежде всего – динамике ценностно-нормативного сознания населения региона.

Либеральные экономические ценности существуют в сознании людей рядом с традиционными национальными ценностями. На этой почве образуются кластеры композитивных правил поведения. По сути, институционализируется синкретично кластеризованное общество, включающее компоненты традиционного, либерального и постлиберального порядков.

В ответ на экономический кризис в современном постиндустриальном обществе появились новые представления о строении и динамике современной региональной экономической системы, ее соотношении с макросистемой. В результате произошла не утрата системных свойств региональной экономической системы, а обретение новых системных качеств, соответствующих современным вызовам, которые исходят от региональной системы и ее зависимости от ресурсов (*resource dependency*).

Правовая природа региональной экономической системы, как и ее устройство, носит гибкий, смешанный характер. Региональная экономическая система – это элемент макросистемы. Она возникла как субъект с универсальной компетенцией, деятельность которого охватывает все сферы и направления межрегиональной интеграции. Ее цель – не только экономическая интеграция и юрисдикция, но и как можно более тесный союз регионов России. Она стала результатом зрелой либерализации и означает вступление региональных экономических систем в стадию постлиберализации.

Языки, цели, ценности, нормы, законы региональной экономической системы обращены непосредственно к человеку. Интегрируясь в макроэкономическую систему и в общероссийское пространство, каждая региональная экономическая система сохраняет многие социокультурные особенности. Вследствие этого новая, общероссийская макроэкономическая система являет собой макросоциум, дифференцированный на исторически сложившиеся региональные экономические системы. Возникла качественно новая ситуация: каждая региональная экономическая система делегирует существенную часть своего суверенитета макросоциуму и должна соответствовать единым требованиям макросистемы. Выполнение требований – длительный и противоречивый процесс. Его осуществление повышает способность каждой региональной экономической системы преодолевать угрозы и беспорядки, порождать организацию и порядок.

В процессе развития региональной экономиче-

ской системы все отчетливее выявляются системные качества нового, современного суперсоциума, а региональные экономические системы консолидируются в новый, сетевой макросоциум. Эта система включает разработку общих подходов к руководству общерегиональным развитием, нацеливающих каждую региональную систему на выполнение ее главной задачи – активное участие в территориальном разделении труда, развитии хозяйства с учетом производственно-экономического, ресурсного потенциалов и географического положения. Кроме того, от государственных органов управления требуется регулирование межрегионального взаимодействия при решении проблем, непосильных для одного региона, а также осуществление крупных территориальных программ, имеющих производственно-экономическое значение для всех или ряда регионов.

При этом нужно отметить, что необходимы законодательные акты, наделяющие государство и региональные органы власти полномочиями для решения вышеперечисленных вопросов [5. С.25].

Вместе с тем макросистема включена в глобальную систему. Это уже часть сетевой глобальной системы; она подвержена угрозам глобальных рисков, но сознательно стремится развить свою способность отвечать на эти угрозы, поддерживать стабильный порядок.

Словом, макроэкономическая система – это гибкая и потому более устойчивая интеграция региональных экономических систем, которая лучше отвечает потребностям развитой личности и вызовам глобализации. Это сетевая, гибкая, саморазвивающаяся экономическая система и достаточно устойчивая часть глобальной системы.

Макроэкономическая система России представляет собой большой гетерогенный социум: не компактное гомогенное общество, а совокупность территориальных экономических систем, исторически сложившихся в Российской империи, эволюционировавших и ныне существующих в качестве субъектов Российской Федерации, которые воспринимаются как административно-политические единицы, выполняющие также некоторые экономические и социальные функции. В их взаимоотношениях с макроэкономической системой доминируют административные распоряжения сверху вниз, при слабых, ненадежных воздействиях – снизу вверх. Горизонтальные взаимодействия региональных экономических систем как социально-экономических субъектов развиты слабо, их координация друг с другом осуществляется преимущественно через верхние эшелоны власти. Все это препятствует гибкости российской макроэкономической системы, снижает ее динамизм и устойчивость.

Тем самым создается угроза безопасности рос-

сийской макроэкономической системе, которая сталкивается с растущими вызовами, создаваемыми меняющейся внутренней и глобальной ситуацией. Нарастает потребность как в интеграции, так и в легитимной дифференциации ее региональных экономических систем, в повышении их социального статуса как полноправных, достаточно самостоятельных социокультурных сообществ, а не только административно-политических единиц Российской Федерации. Почву таких сообществ образуют первичные локальные экономические системы – сельские приходы, городские микрорайоны. На этой почве вырастают следующие уровни систем – региональная экономическая система (субъект макроэкономической системы) мезосистема (федеральный округ), большая макросистема (общероссийская макроэкономическая система). Существование нескольких уровней экономических систем создает предпосылки для разнообразия форм демократической консолидации всех граждан России.

Другая особенность современной ситуации российской макроэкономической системы заключается в асимметрии, контрастности качеств различных элементов ее структуры: многие соседствующие региональные экономические системы контрастны и внутри себя, и в рамках макрорегионов (федеральных округов), и в масштабах макросистемы в целом. Соседствуют региональные системы, в которых контрастны условия жизни. Во многих региональных системах сохраняется высокий уровень безработицы, которая сопровождается еще более высоким уровнем преступности. В подавляющем большинстве региональных систем сложилась нецивилизованно низкая продолжительность жизни.

Еще одна особенность ситуации российской макроэкономической системы состоит в невысоком уровне притязаний личности по отношению к региональной системе и к общероссийской системе в целом. Да, в сознании россиян государственный патернализм уступает место личной самостоятельности. Но растет влияние, прежде всего, инструментальных ценностей; терминальные же ценности остаются преимущественно традиционными. Ценность свободы отходит на второй план по сравнению с безопасностью. В итоге многие региональные системы представляют собой традиционные просторы, на которых буксует современный институциональный порядок. Тем не менее, внутри региональных систем назревает потребность в повышении паритетности личности во взаимоотношениях с социумом, прежде всего – с региональной системой.

Но пока такая потребность реализуется, скорее, в девятном, отклоняющемся поведении индивидов. Крайней формой таких отклонений служит нарушение закона.

В условиях перехода к постиндустриальному обществу динамическая модель региональной системы сохраняет свое значение: региональную систему можно разложить на отдельные элементы, состояние каждого элемента можно описать через динамические переменные, эволюция состояния во времени задается динамическими законами рынка.

Динамический хаос составляет значительную часть современного типа развития региональной экономической системы. С хаосом связан тип движений динамических региональных систем, который сегодня принимает вид нелинейной экономической системы. Особенность нелинейных региональных экономических систем состоит в том, что они обладают возможностью множественности путей развития, многообразия в поведении системы.

Литература

1. Болтенкова Л. Асимметричность Федерации//Регионология. – 1997. – №1.
2. Марченко Г. Региональные проблемы становления новой российской государственности. – М., 1996.
3. Елисеев Б.П. Договоры и соглашения между РФ и субъектами РФ: решение или порождение проблем? // Государство и право. – 1999. – № 4. – С.5–13.
4. Попов С.В. Экономический институт "власть" в национальном хозяйстве и его регионах. – Тамбов, 2006.
5. Пешкова Е.П. Методологические основы государственного регулирования экономических процессов в регионе. – Ростов н/Д, 2001.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ

Блэр Рубл, профессор, директор института Кеннан (Вашингтон, США);
Элисон Гарланд, магистр в области международных отношений;
Мэган Массуми, магистр в области городского и регионального планирования.
Перевод с английского: Гатауллина Э.М., Назмиев Э.Ф.

ГЛОБАЛЬНАЯ УРБАНИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМА ГОРОДСКОЙ НИЩЕТЫ¹

Современное общество – это урбанизированное общество: большинство населения земного шара проживает в городах. Согласно данным ООН, городское население земного шара увеличится с 3,3 млрд в 2008 году до почти 5 млрд в 2030 году (Фонд народонаселения ООН 2007, 1). Расширение городов произойдет не в развитых странах, а в тех уголках мира, которые вряд ли способны справиться с дополнительной нагрузкой. Скорость урбанизации намного превышает скорость, с которой могут быть предоставлены услуги и основная инфраструктура, поэтому последствия для городской бедноты будут ужасными. Неспособность подготовиться к беспрецедентному и неизбежному расширению городов приведет к серьезным последствиям для глобальной безопасности и окружающей среды.

В течение 2 последних лет Вильсонский центр (Вашингтон, США) в рамках проекта по сравнительному изучению городов (CUSP) провел серию семинаров с целью довести эти тенденции до внимания международного сообщества. При поддержке отдела по борьбе с бедностью, входящего в бюро по экономическому росту, развитию сельского хозяйства и торговли Американского агентства по международному развитию, участники вышеуказанного проекта изучили многомерные проблемы городской нищеты, выявляя инновационные подходы к городскому здравоохранению, водоснабжению, канализации, криминологической обстановке, молодежи, миграции, планированию, земельным рынкам и жилью. Серия семинаров собрала ученых, политиков и руководителей местных сообществ с целью обсуждения стратегий по включению городских приоритетов в повестку дня по глобальному развитию.

Один млрд людей – 1/3 от всего городского населения – в настоящее время живет в трущобах (UN-HABITAT, 2006 – программа ООН по содействию устойчивому развитию населенных пунктов). В городах по всему земному шару сотни миллионов людей живут в ужасающей нищете, не имея доступа к соответствующему жилью, чистой воде и канализации. Перенаселение и истощение окружающей среды сделали бедные слои города очень восприимчивыми к заболеваниям. Незащищенность проникает во все аспекты жизни обитателей тру-

щоб. Не имея земли в собственности, они сталкиваются с постоянной угрозой выселения. Криминал и насилие сконцентрированы в городских трущобах, непропорционально влияя на бедных жителей города. Большинство обитателей трущоб завысит от случайной работы в неофициальном секторе, для которого характерны низкая зарплата и плохие условия работы. Нелегальные поселения часто расположены на опасных для проживания землях городских окраин. Пожалуй, наиболее отчужденно в городских трущобах растет молодежь, чьи неудовлетворенные потребности в социальном пространстве, образовании, здоровье и работе могут привести к социальным проблемам, а затем и к подрыву безопасности в городе.

Оторванная от жизни в официальном городе, городская нищета невидима для своего правительства. В стихийных поселениях нет ни школ, ни поликлиники, проезд до рабочего места становится неадекватным и дорогостоящим. Они вынуждены платить значительно больше денег частным поставщикам за услуги и инфраструктуру, так как государство их этим не обеспечило. Очевидное неравенство, пространственная сегрегация и вытеснение ведут к появлению социального напряжения, криминала и насилия.

Глобальная нищета стала феноменом города. В 2002 году 746 миллионов городских жителей жили на сумму меньше чем 2 доллара в день (Ravallion 2007, 16). В абсолютном выражении число бедных слоев городского населения увеличивалось в последние пятнадцать-двадцать лет быстрее, чем в сельской местности. Стремительный рост городов превратил Азию в место, где находится самое большое количество трущоб в мире (Halfani 2007). Но еще больше угроза урбанизации нищеты в Африке, где урбанизация происходит наиболее высокими темпами. Ванесса Ватсон отмечает, что быстрая урбанизация в Африке объясняется экономическим развитием. За последние 15 лет число жителей трущоб на территории Африки южнее Сахары почти удвоилось и на сегодня составляет 72% от общего городского населения (UN-HABITAT 2006, 11).

Бедные слои города и увеличение трущоб являются локальной проблемой, но их природа и масштаб требуют глобальных решений. Увеличение

числа трущоб связано с политическими ошибками. Рыночные силы в одиночку не могут справиться с проблемами урбанизации. На самом деле старые подходы к городскому развитию и нерегулируемой деятельности частного сектора обострили дисбаланс в городе.

Вместо того, чтобы планировать развитие города и работать над обеспечением земель, инфраструктурой и услугами бедного населения, политики ошибочно сконцентрировались на сдерживании процесса урбанизации, безуспешно стараясь приостановить поток миграции из села в город. В то время как по меньшей мере 2 миллиона обитателей трущоб ежегодно выселяется из своих жилищ с целью реализации проектов по внедрению инфраструктуры и осуществления частных застроек (UN-HABITAT 2007). Согласно отчету лидеров развивающихся стран ООН, только 14% были довольны соотношением городского и сельского населения в своей стране. «Большинство из тех, кто был не доволен, ссылаются на ускорение урбанизации. Около 73% правительств-респондентов проводят мероприятия по снижению урбанизации, среди которых только 3% проводят мероприятия по ускорению этого процесса (Bloom and Khanna 2007, 13). Мероприятия по сокращению урбанизации и борьбе с бедностью основываются на неправильном понимании демографических корней урбанизации, 60% из которых является результатом естественного прироста, а не миграции. «Стратегия, которая направлена на снижение урбанизации, должна переключить свое внимание на факторы, которые влияют на снижение рождаемости – социальное развитие, инвестиции в здоровье и образование, расширение полномочий женщин, доступность репродуктивных услуг (Фонд народонаселения ООН 2007, 13)». Проводимая стратегия в области миграции формируется под влиянием страха, отсутствия адекватной информации и институционального потенциала, пишет Лорен Ландау. Борьба с бедностью требует определения стратегических рамок, основывающихся на лучшем понимании отношений между миграцией и урбанизацией, объединяя стратегии по городскому и сельскому развитию.

Другой тенденцией в урбанизации, которую до сих пор не брали в расчет, является рост малых и средних городов. В то время как проблема урбанизации мегагородов получила большой резонанс, более половины мирового городского населения в настоящее время проживает в городах с населением меньше чем 500 тысяч человек. Ожидается, что на малые города придется половина роста городского населения в 2005–2015 годах, однако возможности малых городов управлять этим процессом при помощи имеющихся услуг и стратегий малы (Фонд народонаселения ООН 2007, 9). Национальные пра-

вительства должны реагировать на данные изменения соответствующим планированием и вливанием инвестиций, что поможет малым городам управлять урбанизацией на местном уровне.

Авторы этой статьи призывают к лучшему пониманию комплексных отношений между городом, урбанизацией и бедностью, чтобы обеспечить политиков средствами, необходимыми для достойного ответа вызову урбанизации. Подходы к развитию города часто носят фрагментарный и секторальный характер. Успешное развитие города требует интегрированного подхода, основанного на серьезной аналитической работе, который будет охватывать инфраструктуру, обеспечение жильем, реализацию социальных программ, здравоохранение, образование, физическую среду, создание дохода у населения, микрофинансирование, кредиты, сетки безопасности и импликацию (Freire 2007).

Городское развитие – это долгий процесс, и время является исключительно важным фактором в определении последствий политических мер и содействия. Получаемый результат часто расходится с целями инициируемых проектов и циклами финансирования. В частности, авторы выражают скептицизм по поводу программы «Цели развития тысячелетия» (Millennium Development Goal – MDG), которая непосредственно направлена на решение проблем бедных слоев населения города. Например, задание 11, цель 7 MDG гласит, что к 2020 году необходимо достичь значительного улучшения в жизни по меньшей мере 100 миллионов обитателей трущоб (<http://www.un.org/millenniumgoals>). Однако, по прогнозам, общая численность жителей трущоб к 2020 году достигнет 1,4 млрд (UN-HABITAT 2006). Таким образом, MDG не только не точна в определении целей, но и ограничена в своих задачах, которые связаны только с небольшой долей мирового числа жителей трущоб.

Авторы согласны, что исследование, проводимое с учетом местных особенностей, важно для лучшего понимания причин и характера проблем городской нищеты. Решения, принимаемые местным сообществом и академической средой совместно с муниципальными властями и частным сектором, будут больше соответствовать задачам и ожидаемым результатам. Ариф Хазан в своей работе о проекте Orangi Pilot (OPP-RTI) в Карачи, Пакистан, показывает, как различные образовательные курсы, предлагаемые гражданам, неправительственным организациям и молодежи, обучают общество с низкими доходами навыкам финансирования, создания, управления собственными инфраструктурными объектами с меньшими расходами по сравнению с системами, созданными правительством. Реализация таких проектов изменила

отношения между городской беднотой и их местным правительством. Практика на местах, основанная на местной инициативе, является лучшей стратегией с учетом обоих путей – вниз по направлению к обществу и некоммерческим организациям, а также вверх к национальному уровню министерств и международных фондов (Harpham 2005).

Участники серии семинаров в рамках проекта по сравнительному изучению городов видят ключевую роль в частном секторе. Многие специалисты часто указывают на вклад, который могли бы внести государственно-частные партнерства в развитие местной экономики. Фонды и национальные и местные органы власти должны найти способы, чтобы создать внешние условия, которые позволят включить частный сектор и увеличить инвестиции. Среди таких возможностей можно выделить подходы, основанные на государственно-частном партнерстве, ОРР-РТИ.

Сегодня жителям трущоб отказано в гражданском участии, у них нет эффективных средств для защиты своих прав, нет возможности претендовать на товары и услуги или приводить к ответственности тех, кто их поставляет (Halfani 2007; UN-HABITAT 2006). Уязвимость и незащищенность ослабили связи между гражданами и их городом. Авторы приходят к единому мнению, что вовлечение жителей трущоб в городскую жизнь – это не только условие, на которое опирается экономическая и политическая стабильность, оно также означает эффективную борьбу с городской нищетой. Можно провести широкую дифференциацию в эффективности городского планирования и управления, особенно когда это касается городской нищеты.

Эффективное руководство делает больше, чем просто обеспечивает необходимыми услугами, инфраструктурой жителей города. Эффективное управление городом может быть использовано в качестве мощного средства для развития города, для борьбы с нищетой и неравенством. Если позволить жителям города участвовать в принятии решений, будут созданы связи между гражданским обществом и правительством и, в конечном счете, укреплено общее видение города (Garland, Massumi, Ruble, and Tulchin 2007).

Города всегда привлекали инвестиции, богатство и людей. Этот процесс был усилен глобализацией. Успех наций больше зависит от эффективности их городов. Сегодня города создают от 55% от ВВП в странах с низкими доходами до 85% от ВВП в странах с высокими доходами (UN-HABITAT 2006, 46). Так как города непосредственно связаны с глобальной экономикой, пропасть между теми, кто выиграл от международной конкуренции, и теми, кто проиграл, увеличилась. Все чаще и чаще города становятся местами, где богатство и нищета существуют бок о бок. Хотя города, являющиеся центрами политической энергии и социального взаимодействия, могут быть и мощным оружием для изменения существующей ситуации. Задача политиков состоит в обеспечении городской нищеты доступом к материальным и политическим ресурсам, которые позволят им получать выгоду от бума городской экономики.

Назмиев Э.Ф.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГОРОДАХ КАК ОСНОВА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Главным условием успешного экономического развития является постоянное использование результатов научно-технического прогресса в производственной деятельности и в сфере услуг. Для систематизации этого процесса, определения приоритетов на государственном уровне разрабатывается научно-техническая политика, которая ориентирует общество и бизнес на ключевые направления и способы социально-экономического развития. Использование достижений науки и техники в текущей практике представляет собой инновационный процесс.

Для обеспечения инновационного развития основных условия создает государство через общие регулирующие положения. К ним относят следующие:

1. Создание особых технико-внедренческих зон. В них предусматриваются налоговые послабления, льготные условия приобретения и аренды производственных площадей.

2. Использование ускоренной амортизации или применение более высоких норм амортизации, применение льготных налоговых режимов (в России не применяется).

3. Создание специализированных государственных фондов для финансирования инновационных проектов, в том числе и с применением лизинговых схем.

4. Грантовая поддержка исследователей.

Государство устанавливает общие условия, в рамках которых на региональном и муниципальном уровне следует выстраивать собственную научно-техническую политику, встроенную в региональную социально-экономическую систему. Политика, вырабатываемая на местном уровне, опирается прежде всего на существующий научно-технический потенциал, его отраслевую структуру, территориальное размещение.

Отраслевая структура научно-технического потенциала города может быть представлена совокупностью имеющихся предприятий, высокотехнологичных и наукоемких производств и системой университетов, лабораторий, научно-исследовательских институтов, специализированных фондов, обеспечивающих финансирование, специализированных предприятий, которые проводят соответствующие работы. В России к наукоемким и высокотехнологичным отраслям относят следующие: «отрасли оборонно-промышленного комплекса (ОПК), атомный комплекс, высокотехнологичные производства химико-фармацевтической, микробиологической и химической отраслей (включая выпуск микробиологической продукции, некоторых типов пластмассовых изделий, химиче-

ских волокон, нитей и композитов), научное приборостроение, производство сложного медицинского оборудования. В перечисленных отраслях значительно выше средних по промышленности удельные расходы на научно-техническую продукцию исследовательских, опытно-конструкторских и проектных организаций. К сектору наукоемких услуг относятся сфера высокотехнологичных видов связи передачи данных (космическая связь, оптоволоконная, сотовая и пейджинговая радиосвязь, интернет-услуги и пр.), услуги авиаперевозок и рынок космических услуг, включающий выведение полезных нагрузок в космос, услуги навигационного, геодезического, метеорологического и другого обеспечения».¹

Для городов Республики Татарстан (РТ) характерно наличие целого ряда этих отраслей, в частности отрасли оборонно-промышленного комплекса (самолетовертолетостроение), высокотехнологичных производств химико-фармацевтической и химической отраслей (включая выпуск микробиологической продукции, некоторых типов пластмассовых изделий, химических волокон, нитей и композитов), научного приборостроения, производства сложного медицинского оборудования, собственной сотовой и пейджинговой радиосвязи.

Деятельность этих отраслей обеспечивается подготовкой кадров и отраслевыми научными исследованиями силами имеющихся на территории РТ научно-исследовательских и образовательных учреждений: Альметьевский государственный нефтяной институт (город Альметьевск), Казанский государственный медицинский университет, Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева (филиалы в Лениногорске, Набережных Челнах, Нижнекамске, Чистополе), Казанский государственный технологический университет (филиал в Нижнекамске), Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина (филиал в Набережных Челнах), Казанский государственный энергетический университет, Камская государственная инженерно-экономическая академия и другие (всего в РТ более ста вузов с учетом филиалов).

На территории РТ имеется сеть бизнес-инкубаторов, технопарков. Именно в РТ был впервые в России создан Венчурный фонд. Имеются специальные грантовые программы поддержки научных исследований.

Таким образом, в РТ имеются достаточные

¹ Бендиков М.А., Фролов И.Э. Тенденции и прогноз развития высокотехнологичного сектора отечественной промышленности РФ //Принт#WP/2007/224. М.: ЦЭМИ РАН, 2007. 77с.

условия для перехода на инновационный тип развития. Однако этого не происходит: доля высокотехнологичного сектора мала и не увеличивается, основные фонды безнадежно устаревают, происходит отток высококвалифицированных научных кадров. Исследования, проведенные Л.Р. Ширияздановой, показали, что в РТ, как и в двадцати исследованных субъектах Российской Федерации (РФ), существует обратная корреляционная зависимость производимого объема инновационных товаров, работ и услуг от численности занятых в исследованиях и разработках и финансирования экономики.

Подобные парадоксы характерны для большинства субъектов РФ, в связи с чем актуален поиск причин, обуславливающих эти парадоксы на российском (федеральном) и региональном уровне. Распространено мнение, что главной причиной является недостаток финансирования инноваций со стороны государства. Но вряд ли в действительности только в этом главная проблема. Например, в 2009 году государство на инновации потратило 38 млрд долларов, однако отток высококвалифицированных научных кадров в том же году составил 6100, против 3400 в 2008 и 4700 в 2007 годах¹, а доля на рынке инновационной продукции России осталась на прежнем уровне.

Исследуя условия активизации инновационной активности на региональном уровне, следует учитывать высокую концентрированность научных центров и крупнейших предприятий высокотехнологичного сектора вокруг региональной столицы. Эта проблема всех регионов РФ. В региональных столицах около них сосредоточено более 60% всех научно-технических, человеческих и более 70% всех финансовых ресурсов региона.

В наиболее выгодном положении оказываются региональные столицы, которых насчитывается 88, на их долю приходится 70% всей городской торговли, в том числе на Москву приходится 25% всей розничной торговли РФ, 90% богатых людей и представителей среднего класса проживают в региональных столицах и крупных «нефтегазовых» городах («Региональные столицы» в экономике и социальной жизни России // Вопросы экономики. 2006. № 7.).

РТ не исключение в этом отношении. Например, из высокотехнологичных секторов экономики РТ, 80% сосредоточено в Казанско-Зеленодольской агломерации (столица РТ – Казань). Более 90% научного и почти половина человеческого потенциала сосредоточено в Казани. Главным образом в столице республики осуществляется передовая научно-производственная деятельность, позволяющая по-

Показатели городских поселений РФ¹

Группировка городских поселений	Число городских поселений	Число жителей в них, тыс. человек	Число жителей в % к итогу
Всего городских поселений, в том числе:	2940	106427	
Городов, из них с числом жителей, тыс. человек:	1098	95915	100
до 50	768	16622	17,3
50 – 99,9	163	11083	11,6
100 – 249,9	92	13816	14,4
250 – 499,9	42	14574	15,2
500 – 999,9	20	12404	12,9
1 млн. и более	13	27416	28,6
Поселков городского типа	1842	10512	

Подобные проблемы научно-технического развития характерны и для отдельных регионов, в частности и для РТ. При этом на уровне города они усугубляются отсутствием выработанной региональной научно-технической политики своего развития, так как на муниципальном уровне, в программах стратегического развития городов, научно-техническая политика не рассматривается вообще.

лучить наиболее значимые экономические эффекты.

В РФ насчитывается 1098 городов, 900 из которых в годы реформ оказались в кризисном состоянии и ситуация в них на сегодняшний день не улучшилась. Из них насчитывается, по данным Союза малых городов РФ, от 315 до 500 небольших моногородов и более 300 монопоселков городского типа, которые в результате мирового экономического кризиса претерпели значительное сокращение собственных производств и их

¹ Заславская О. Инноваторы отдыхают // Российская бизнес-газета. 2010. 23 марта. С. 4.

положение еще более ухудшилось.

Это приводит к усилению социального неравенства, продолжающемуся оттоку кадров из провинций республики, обнищанию отдельных районов. В таких условиях региональным и муниципальным властям вряд ли придется вплотную заниматься программами по научно-техническому развитию, так как необходимо решать целый спектр насущных, куда более актуальных жизненных проблем (преступность, социальная защита, безработица, жилищно-коммунальные проблемы, занятость, поиск финансовых ресурсов и т.п.).

Научно-технический потенциал региона может проявиться в его экономике по крайней мере в двух направлениях: индустриальном и в развитии сферы услуг. При этом нужно понимать, что выстраивание инновационной экономики – это заключительный этап индустриальной экономики. Но экономика РФ и РТ многоукладна: наряду с небольшим количеством высокопроизводительных инновационно активных предприятий, функционируют множество технологически отсталых предприятий сельского хозяйства, животноводства, промышленности, из которых порядка 40% являются убыточными. Уровень подготовки специалистов в провинциальных городах регионов невысок, осуществляется в отрыве от реальной экономической ситуации, исследования в провинциальных образовательных учреждениях редки, не системны, или не проводятся вообще. В результате отсутствуют научно обоснованные программы территориального развития, на рынок выпускаются не востребованные специалисты. Однако города были и остаются центрами притяжения рабочей силы, технологий, производств, финансов и других ресурсов.

Другим направлением проявления научно-технического потенциала города является сфера наукоемких услуг. Сегодня среди этих услуг широко востребованной является опτικο-волоконная, сотовая и пейджинговая радиосвязь, интернет-услуги, услуги навигационного, геодезического, метеорологического и другого обеспечения.

В России широко пропагандируется использование систем интернет-технологий в социальной сфере и в системе государственного и муниципального управления. Реализуется федеральная целевая программа «Электронная Россия» и республиканская программа «электронный Татарстан». В социальной сфере использование интернета происходит в сфере образования (дистанционные технологии) и здравоохранения. В системе государственного и муниципального управления активно внедряется технология «электронное правительство». Имеются значительные перспективы в использовании этих направлений в будущем в тех сферах, которые еще не подвержены влиянию этих услуг.

Например, не широко распространены он-лайн лекции и уроки для людей с ограниченными физи-

ческими возможностями. В школах уместно использовать он-лайн лекции профессоров ведущих вузов по отдельным дисциплинам, это поможет повысить престиж преподавателя и популяризировать интеллектуальную деятельность среди школьников. Эти возможности широко могут быть использованы в провинциальных городах регионов РФ, что позволит повысить спрос на инженеров-программистов, математиков, способных разрабатывать соответствующие информационные технологии для местного уровня. Предприятия заинтересованы в более эффективных логистических схемах, которые могут быть построены с применением геоинформационных технологий.

Городам сегодня необходимо задуматься над формированием плана научно-технического развития на перспективу. При этом следует понимать, что инновационное развитие может иметь не только индустриальный вектор, в направлении которого предприятия идут неохотно в связи с крупными затратами и неясностью перспектив. Инновационное развитие с использованием наукоемких услуг – куда более быстрый путь к более качественному социально-экономическому развитию, позволяющему укрепить систему образования, медицины, управления.

Сфера инновационных услуг может усилить индустриальную ветвь инноваций. Вместе с расширением наукоемких услуг расширяется спрос на соответствующее оборудование. В этой связи актуальным становится вопрос о создании группы предприятий по производству приборов, датчиков и другого оборудования для этих потребностей. И здесь решающую роль должно сыграть государство, которое, опираясь на бизнес-сообщество регионов, может привлечь ресурсы для инвестирования в строительство соответствующих производств. В России это, как правило, реализуется через принятие целевой программы развития. Однако подобную программу необходимо инициировать со стороны городских властей.

Сегодня в РФ правительство готово поддержать города, которые отвечают требованиям одного из четырех типов: города – спутники крупных конгломератов; города – обладатели уникального потенциала (культурный, исторический и т.п.); города на притрассовых территориях; города, которые смогут перепрофилироваться в агрохолдинги. Для этих городов в первую очередь необходимо использовать имеющийся научно-технический потенциал в сфере информационных технологий. Это позволит повысить привлекательность города для инвестиций и впоследствии усилить индустриальное содержание своего развития.

Города – основное место дислокации для распространения наукоемких услуг. В городах имеются учебные заведения, медицинские центры, вблизи них расположены крупные и средние предприятия,

здесь проводятся выставки-ярмарки. Поэтому города привлекательны для жителей многочисленных сел, расположенных на периферии деловой жизни региона. В городах органы власти и местного самоуправления максимально приближены к населению, руководителям предприятий и часто в органах местного самоуправления имеются представители крупного бизнеса.

Подобные взаимодействия, высокая плотность людей, предприятий, развитая инфраструктура позволяют проявляться уникальным эффектам социально-экономического развития, описанным экономической теорией. Наиболее распространенный – это эффект сравнительных преимуществ, который в городах выше, чем в сельской местности, из-за более высокой интенсивности использования факторов производства. Другим распространенным эффектом является внутренний эффект масштаба производства, который позволяет предприятиям и группам предприятий более эффективно производить товар, чем отдельным людям. Экономическое развитие города усиливается эффектами урбанизации, локализации, инкубационным процессом¹.

Это благоприятные условия для того, чтобы городским властям инициировать социальные и бизнес-проекты и предложить их для реализации городскому сообществу. В условиях отсутствия заинтересованности в инновационных процессах руководителей предприятий, привыкших жить и работать по морально устаревшим стандартам производства и управления, инициатором инновационной активности должны на время стать муниципальные и региональные органы власти.

В статье рассматривались условия активизации научно-технической деятельности в городах, как основного движущего элемента социально-экономического развития региона на примере РТ. Исследуемые возможности развития справедливы для РТ как для региона, в котором по сравнению с другими регионами РФ имеется несколько городов, где для активизации инновационной научно-технической деятельности имеются предпосылки. Среди которых прежде всего следует указать на наличие больших, средних и малых городов, обладающих хорошим научно-техническим потенциалом. Например, на расстоянии 200 км от региональной столицы (Казань) расположены четыре города: Набережные Челны (512,3 тыс. чел.), Менделеевск (22,1 тыс. чел.), Елабуга (69,1 тыс. чел.),

Нижнекамск (226,6 тыс. чел.²), все они находятся в зоне по центральному радиусу 50 км. Здесь сосредоточен мощнейший производственно-технический потенциал: автомобильная промышленность (ОАО «КАМАЗ», ОАО «Солерс»: производство КАМАЗов, сборка грузовиков Исудзу, легковых – Фиат, Регстон), химическая промышленность (Нижнекамскнефтехим, два НПЗ, Нижнекамскшина, завод им. Карпова), единственная в России действующая производственная свободная экономическая зона «Алабуга». Производственный потенциал закреплен развитой энергетической базой, здесь локализованы одна ГРЭС, четыре ТЭЦ. Научный потенциал возможного конгломерата представлен десятками государственных, муниципальных, частных вузов и филиалов. Также имеются города – нефтяные центры в восточной части республики: Альметьевск (142 тыс. жителей), Бугульма (91 тыс. жителей), поселок городского типа Бавлы (23 тыс. жителей). Всего в РТ проживает 3,7 млн человек, расположено 20 городов и 21 поселок городского типа.

Для РТ возможен достаточно оптимистический сценарий социально-экономического развития, который в силу объективных причин, указанных в статье, для большинства других регионов не возможен в принципе. Но на уровне отдельного города активизация научно-технической деятельности возможна, так как других альтернатив у регионов не имеется. Только города России способны обеспечить движение вперед, которое не сразу будет распространяться на территорию региона. При этом следует учитывать крайнюю неравномерность размещения городов по территории РФ: на 5% ее европейской части проживает порядка 70% населения. В Московской области 76 городов, а в с, о том, что малые, средние города и поселки городского типа, в том числе и монопрофильные, в условиях России с ее необъятными просторами и значительной неравномерностью в развитии и размещении производительных сил, играют особую геополитическую роль, обеспечивая своего рода контроль над территорией, территориальное и социально-экономическое единство и целостность России, ее национальную безопасность, что следует учитывать при определении будущего каждого населенного пункта.

² Численность населения городов приведена по атласу Республики Татарстан / гл. ред. Г.В. Поздняк. Спб.: Иван Федоров, 2005. С. 29.

¹ Эти эффекты мало изучены в российской экономической науке и известны российскому читателю только по книге американского экономиста А. Селивана «Экономика города». Безусловно, управление этими эффектами, выявление основных факторов, обуславливающих их проявление, – задача не только экономической науки, но и муниципальных органов власти. Пока можно лишь указать на необходимость оценки ситуации на рынке труда, в сфере образования и науки, производства товаров промежуточного и конечного потребления в пределах города.

Жунусов Б.А.,
канд.экон.наук, профессор, декан экономического факультета
Актюбинского государственного университета им. К.Жубанова

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ КАЗАХСТАНА

В послании президента народу Казахстана наметена большая программа работ по форсированному индустриально-инновационному развитию регионов и совершенствованию системы управления под девизом «Развитие регионов – развитие страны». В стратегическом документе отмечено, что «мы не сможем добиться форсированной диверсификации без реформы регионального развития» [1, с.2]. Видное место в системе мер по форсированному развитию регионов отводится городским поселениям Казахстана. Города, как бы обладая огромными научно-производственными потенциалами, выступают как центры инновационных и технологических связей. От эффективного использования индустриально-инновационного потенциала городов, правильного определения стратегии и направлений их развития во многом зависит конкурентоспособность казахстанской экономики. В условиях НТП регулирование городов, в частности, ограничения роста крупных и повышения экономической активности малых и средних городов – одна из необходимых предпосылок форсированного индустриально-инновационного развития регионов и решения социальных задач.

Во всем мире доля городского населения стремительно увеличивается. Так, в 1900 г. более 75% населения США проживало в населенных пунктах городского типа, тогда как в 1800г. только 6%. Причиной такой быстрой урбанизации отчасти оказался технический прогресс, связанный с промышленной революцией [2, с.1].

Еще в 1943 году американский ученый Чонси Д. Гаррис разработал первую классификацию 377 городов США с населением, превышающим 25 тыс. в момент переписи 1940 г. [3, с.86–99]. Несколько позже он применил тот же метод при классификации городских населенных пунктов СССР [4, с.107–121].

После победы социализма в СССР отвлечение населения от земледелия и рост индустриального населения, особенно городского, еще более усилилось. В 1917 г. городское население составляло 18% населения страны, в 1959 г. – 48%, в 1970г. – 56%, к моменту распада СССР – 66% (в Казахстане – 57%). В целом по СССР доминировали малые города (с числом жителей менее 20 тыс.): их удельный вес около 50% в общем составе городов [5, с.9]. Ныне в городах России проживает 73% населения, 90% населения Европы и в общей сложности – 50% населения мира. По прогнозу ООН, учитывающему

национальные критерии определения понятия «город», к 2025 г. горожане составят более 61% населения мира (5065 млн человек) [6, с.8].

В понятие «город» в разное время и по отношению к разным эпохам вкладывалось различное содержание. Обычно оно дается, исходя из генетически-исторического, формально-правового, экономико-статистического, демографического, общественно-хозяйственного и других критериев. Выявление главных специфических черт урбанизационного процесса, выработка критериев и определение самого понятия «город» – важная задача экономической науки. Вопрос о самом определении города (какие из населенных пунктов считать городами) «относится к одному из двух главных общих вопросов (второй – типология городов), которые возникают при изучении городов» [5, с.171].

В советской литературе современный город чаще всего определяли как населенный пункт с местным самоуправлением, численность жителей которого превышает условно принятую величину (например, во Франции – 2 тыс., в Турции – 10, в Гане – 5, в Кении – 2, в Тунисе – 1 тыс. чел.). В отдельных странах (Италия, Чили, Гватемала) определение города еще более конкретизируется. В качестве критерия берутся также плотность населения, густота застройки, занятость жителей несельскохозяйственной деятельностью. Несмотря на многообразие дефиниций понятия «город», в любой из них присутствует количественный показатель численности населения. В публикациях ООН в целях сопоставимости данных в качестве городов учитываются агломерации, если они насчитывают не менее 20 тыс. жителей [7, с.12]. В Швеции городом считается населенный пункт с населением не менее 200 жителей, в Японии – 50 тыс. жителей [8, с.12].

По существующей классификации города Казахстана подразделяются на следующие группы: крупнейшие, крупные, больше, средние и малые. В основе такой классификации положена численность городского населения. К крупнейшим относятся города с численностью населения свыше 500 тыс. чел., к крупным – 250–500 тыс. чел., большим – 100–250 тыс., средним – 50–100 тыс. чел., малым – до 50 тыс. чел. В структуре городов Казахстана самый большой удельный вес составляет малые города. В Казахстане насчитывается 84 города, из них 10 крупных, 11 больших, 5 средних и 58 малых городов.

По численности городского населения на первом месте находится город Алматы (1365,1 тыс. чел.), за ним следует новая столица нашей страны г. Астана, который за последние десять лет сделал существенный рывок в росте городского населения с 289 тыс. до 747,7 тыс. человек. Далее по численности городского населения идут города Шымкент (567 тыс.), Караганда (565,6 тыс.), Павлодар (495,6 тыс. чел.).

Неплохое будущее у города Шымкента, население которого за последние десять лет возросло почти на 150 тыс. чел. Индустриальный центр Казахстана г. Караганда, уступившая в 90-х годах XX века вторую позицию, в последнее время претерпевает существенные изменения в лучшую сторону, что отражается на кривой роста городского населения (1970г. – 523 тыс., 1979г. – 572 тыс., 1989г. – 657 тыс., 1999г. – 409 тыс., 2009г. – 566 тыс.). В числе городов, привлекающих людей, имеется еще один город, Актау, население которого в настоящее время составляет 280 тыс. чел.

Большие перспективы для того, чтобы стать городом-миллионером, появляются у столицы нашей страны – г. Астаны. По прогнозам ученых, это событие должно произойти уже в текущем столетии. Такие шансы имеются в обозримом будущем у городов Шымкента и Павлодара. Шахтерский город Караганда свой потенциал роста городского населения в определенной мере исчерпал.

Для достижения данного статуса численность городского населения должно вырасти в 2,5 раза. Но достижение миллионного рубежа возможно за счет привлечения людей извне, поскольку все население области составляет 765 тыс. чел. По мнению экспертов, такой прогноз на миграцию осуществим лишь в том случае, если в данном городе будут происходить качественные экономические преобразования: появятся крупные предприятия горно-металлургической, нефтегазоперерабатывающей промышленности и строительной индустрии.

Современный уровень развития экономики городов Казахстана показывает, что промышленные предприятия в основном сконцентрированы в областных центрах и других крупных пунктах. Промышленное производство в малых городах представлено преимущественно предприятиями пищевой, топливной промышленности и промышленности строительных материалов. Однако по отдельным категориям малых городов концентрация отраслей промышленности различна. В них, помимо предприятий пищевой промышленности и промышленности строительных материалов, есть предприятия черной и цветной металлургии, электроэнергетической, нефтегазодобывающей промышленности. В тяжелом положении находятся города, основу экономики которых составляют предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Они не обладают развитой инфраструкту-

Таблица 1

**Экономические показатели промышленного производства
малых, средних и больших городов**

Категории городов	Средневзвешенный индекс (промышленность РК=1,00)		
	Производительность труда	Фондоотдача	Фондовооруженность
Города с населением, тыс. чел. свыше 1000	1,19	1,40	0,85
их пригородная зона	1,28	1,36	1,00
500–1000	1,08	1,19	0,96
их пригородная зона	0,94	1,06	1,01
250–500	0,98	0,93	1,02
100–250	0,99	0,95	1,05
50–100	0,96	1,00	0,99
до 50	0,92	0,98	0,99
Поселки городского типа	0,91	0,92	1,03

Население города Актобе (410 тыс.) за последние 10 лет выросло почти два раза, и он оставил за собой такие города как Тараз (380 тыс.), Семей (336 тыс.), Усть-Каменогорск (287 тыс.). Перед городом Актобе в 2009 году была поставлена задача по достижению в перспективе городом численности населения до 1 млн человек. В связи с этим ученые-специалисты разработали математико-экономическую модель развития города Актобе, по которой в 2040 году он станет городом-миллионером и столицей Западного Казахстана.

рой, строительной базой, квалифицированными кадрами.

Большинство городов Казахстана, в частности малых и средних, возникло при командной экономике, тот период характеризовался высокими темпами промышленного и целинного освоения территории. По этому признаку целесообразно условное деление городов на два основных функциональных типа – индустриальные и индустриально-аграрные. Такое деление важно и с точки зрения определения основных видов и способов жизнедеятельности

населения в малых городах. Многие города функционируют на дотационных условиях лишь потому, что большая часть заработанных средств перечисляется в бюджеты вышестоящих уровней.

При изучении структуры городской экономики за основу берутся градообразующие отрасли национального хозяйства. В силу этого в большинстве случаев малые и средние города исследуются как промышленно-индустриальные и транспортные центры. Роль и место города как организующего центра окружающей территории, на наш взгляд, недостаточно полно изучаются во многих научных работах ученых-экономистов стран СНГ и Казахстана. Главная их роль как городских поселений заключается в выполнении политико-административных, организационно-хозяйственных, культурно-бытовых и инновационно-образовательных функций по отношению к окружающей территории. Изучение основных функций городов и определение их типов является необходимым методологическим инструментом при решении проблемы дальнейшего развития и рационального размещения производительных сил страны.

Зарубежные исследования, в частности России, также указывают на высокую экономическую эффективность производства в крупных экономических центрах. В частности, эту особенность отметил У.Алонсо [9, с.14]. Французский экономист Г.Видмар на примере Швейцарии вывел формулу, которая отражает линейную зависимость между величиной национального дохода (y) и людностью города (x): $y = 498,91 \log x \times 230,97$.

По данным Г. Видмара, город с населением 200 тыс. человек имел душевое производство продукции на 23 %, с населением 400 тыс. жителей – на 29 % больше, чем город с 20 тыс. жителей. Особенно широко эта проблема изучалась в японском Научно-исследовательском центре по изучению проблем экономики [10, с.34].

Оценка дифференциации производительности труда и фондоотдачи в промышленности различных по величине городов приводится в ряде работ, выполненных в Институте экономических исследований Министерства экономики и торговли РК. Для таких расчетов рекомендуется использовать метод структурных индексов, учитывающий различие в отраслевой структуре производства городских по-

Таблица 2

Изменение стоимости отдельных видов городского строительства в сложившихся городах различной величины*

Вид городского строительства	Города с числом жителей, тыс. чел.						
	до 20	20-50	50-100	100-250	250-500	500-1000	свыше 1000
Жилищное	1,30	1,25	1,15	1,13	1,10	1,05	1,0
Коммунальное	1,12	1,10	1,08	1,07	1,05	1,02	1,0
Культурно-бытовое	1,15	1,12	1,09	1,08	1,06	1,03	1,0

* Курнышев В.В., Щеглов В.А. Методический подход к определению затрат в социальную сферу при изменяющихся природных и экономических условиях строительства объектов культурно-бытового назначения // Проблемы эффективности региональной экономики. – М.: Изд. СОПС, 1982, с. 117.

Оценка экономической эффективности перспективного развития сети городов Казахстана может быть получена путем сравнения эффективности материального производства в различных по величине городах и затрат в непроектную сферу с учетом районных и местных условий. Исследования, проведенные в нашей стране, показывают, что производительность труда и фондоотдача в сфере производства, а также удельные градостроительные и эксплуатационные затраты существенно отличаются в различных по величине поселениях (табл. 1).

Проведенный нами анализ позволяет предположить, что примерно такую же дифференциацию имеют показатели эффективности строительного производства в различных городских поселениях.

селений разных категорий.

Значительно шире в нашей стране исследовалась дифференциация удельных градостроительных и эксплуатационных затрат в городских поселениях различных категорий в Казахстане разработаны нормативные коэффициенты затрат на градостроительство при его планировании в городах различных категорий. Существующие в настоящее время различия в затратах по городам различных категорий показаны в табл. 2 (за единицу принимаются показатели стоимости строительства в городах с числом жителей свыше 1000 тыс.).

Автор данного исследования сделал вывод, что удельные затраты в городах прежде всего зависят от мощности строительной базы. При высокой кон-

центрации строительного производства наиболее широко развита специализация его организаций, они крупнее. Строительная площадка в этих условиях фактически стала цехом сборки промышленных строительных материалов.

Исследования показывают, что при рациональном укрупнении городских поселений и формировании групп сближенных городов на базе промышленных узлов возникает так называемый агломерационный эффект за счет концентрации, комплексирования производства, использования эффекта от прошлых капитальных вложений и традиций культуры производства. В сфере материального производства агломерационный эффект складывается из следующих видов эффектов: величины предприятий, отраслевой концентрации предприятий, учреждений и объектов отраслей национальной экономики. Использование агломерационного эффекта является важным фактором повышения производительности труда, фондоотдачи и материалоотдачи.

По нашему мнению, следует особо оценивать отмеченный фактор повышения эффективности развития, размещения производства и совершенствования расселения страны. Это можно сделать, исходя из общего принципа планирования эффективности производства и его звеньев – сравнения результатов производства (эффекта) с затратами. Критерием экономической эффективности в таком случае выступает максимизация национального дохода по отношению к затратам на ее производство, с учетом затрат на непроизводственную сферу. При этом должны быть заданы оптимальное соотношение фондов потребления и накопления, нормативы градостроительства и эксплуатации городов (в том числе нормативы сферы обслуживания населения).

С точки зрения эффективности промышленного производства малые города с населением до 50 тыс. жителей являются более экономичными, чем большие и крупные города. В настоящее время в малых городах Казахстана проживает более 1,5 млн. чел. Из них в городах преимущественно добывающего профиля проживает 7,5% городского населения страны, в городах автопромышленного направления – 6,1, в городах обрабатывающего профиля – 5,6, в городах, имеющих рекреационное значение – 1, в центрах военно-промышленного комплекса – 0,8, на транспортных узлах – 1,9% городского населения республики.

Таким образом, города в системе территориальной организации производства необходимы как индустриально-инновационные центры, призванные организовать производственную деятельность, социальное и культурно-бытовое обслуживание населения. Малые и средние города, многие из которых располагают благоприятными природными и экономическими условиями для развития производ-

ства и повышения уровня жизни населения, играют важную роль по форсированному индустриально-инновационному развитию регионов страны.

Литература

1. Назарбаев Н.А. Новое десятилетие – новый экономический подъем - новые возможности Казахстана // Казахстанская правда. – 2010 – 30 янв.
2. О'Салливан. Экономика города /пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2002.
3. Harris (Chauncy) D. A functional classification of cities. – In: The United States. Geographical Review. – New York, 1943.
4. Harris (Chauncy) D. The cities of the Soviet Union, United States Review. New York, 1945
5. Хореев Б.С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР) – М.: Мысль, 1975.
6. Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. 2-е изд. – М., Географгиз, 1960.
7. Искаков У.М. Города Казахстана: проблемы социально-экономического развития – Алматы: Наука, 1985.
8. Городское хозяйство: учеб. пособие / Т.Г. Морозова [и др.]. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2010.
9. Annals W. Location, Primacy and Reional Economic Development. – In: Annals of the second Inter-American Congress on Regional Planning, 1966.
10. Токио через двадцать лет. – М.: Прогресс, 1972.